

Дэвид Макфадден

Клер Горфанкел

Советская Россия 20-х гг.
глазами Грузей

David McFadden and Claire Gorfinkel

**Constructive Spirit
Quakers in
Revolutionary Russia**

With an overview by Sergei Nikitin

Intentional Productions
Pasadena, California

Дэвид Макфадден, Клер Горфинкел

**Советская Россия 20-х гг.
глазами Друзей**

Самара
2010

УДК 93
ББК 63.3 (2)
М15

Макфадден Дэвид, Горфинкел Клер

Советская Россия 20-х ит. глазами Друзей / под ред. С.А. Никитина; пер. с англ. Л.В. Радченко. — Самара : ООО «Издательство Ас Гард», 2010. — 270 с.

ISBN 978-5-4259-0001-2

Научный консультант:
кандидат исторических наук Ю.Ю. Аншакова

Книга, которую вы держите в руках, издается на русском языке впервые. Авторы собрали уникальные документы, хранящиеся в архивах США и Великобритании, свидетельствующие о благотворительной деятельности квакеров из США и Великобритании в Москве, Бузулукском уезде и других российских регионах в 1916—1931 гг. Наиболее яркой страницей их деятельности в России стала помощь голодающему Поволжью в 1920—1922 гг. Сотни людей были спасены, благодаря привезенному продовольствию, медикаментам, одежде. В тяжелейших условиях разрухи и голода квакеры открывали больницы, детские дома, боролись с эпидемиями и занимались организацией мастерских и общественных работ.

Книга будет интересна как специалистам в области истории, так и студентам вузов и всем интересующимся историей Отечества и краеведением.

Книга издана при финансовой поддержке
Анатолия Михайловича Афанасьева

© McFadden D., Gorfinkel C., Nikitin S.,
2004
© Intentional Productions, 2004
Pasadena, California
order@intentionalproductions.com
© Самарский Епархиальный Церковно-Исторический Музей, 2010
© Перевод Радченко Л.В., 2010

*Посвящается Кэрри, Алексу и Энни
Пусть их жизни будут освещены дружбой
и любимой работой, как и наши*

Авторы выражают свою признательность многим частным лицам и учреждениям, без участия и поддержки которых публикация данной книги была бы невозможна: Комитету служения американских Друзей, Ирвину Абрамсу, Маргарет Бэкон, Центру Блю Маунтин, Джейн Боулз, Бетси Браун, Алисон Кэфферки, Луизе Каркьюза, Стиву Кэри, Чарльзу Чери, А.О. Чубарьяну, Венди Хмелевской, Нэнси Когздейл, Аарону Коулзу, Питеру Дайсону, Ребекке Элсвит, исследовательскому отделу университета Фэйрфилд, Ольге Филимоновой, Терри Фоссу, Уильяму Фросту, Ли Джонсу Харджедону, Мэри Хокси, Джонс, Томасу Кеннеди, Эмме Лапсански, Ларри Миллеру, Светлане Морозовой, Татьяне Павловой, Диане Питерсон, Кэтрин Сигль, Розмари Шираз, Джеку Саттерсу, Анне Тавис, Маргарет Тrott, Барбаре Суонн, Сергею Шилову, Ларри Свингку, сотрудникам Института Гувера при Стенфордском университете; сотрудникам архивов в Бузулуке и Самаре; Джозефу Киту и Малкольму Томасу из Общества Друзей в Лондоне, Элен Маркинсон из гостиницы в Вест-Бранч, штат Айова; Дэйл Мойер и Дуайту Миллеру из библиотеки Гувера в Вест-Бранч, штат Айова; Норвалу и Джоан Такер из Собрания Друзей Вест-Бранч; библиотекарю в городе Саут-Чайна, штат Мэн; Государственному музею Л.Н. Толстого и всем свидетелям голода в Бузулуке и Поволжье, которые поделились с нами своими воспоминаниями.

ISBN 978-5-4259-0001-2

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

История, которая заслуживает рассказа 9

1. ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ ... 17

2. «А ЧТО ЕСЛИ РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ
НУЖЕН ПОМОШНИК?»
Квакеры в России до I Мировой войны 23

3. «МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТЯМ И МИРНОМУ
НАСЕЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, КАКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО ОНИ ПРИЗНАЮТ»
Теодор Ригт и Эстер Уайт, Артур Уоттс и Анна Хэйнс.
Помощь беженцам и детям; 1916–1921 33

4. ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА О ГОЛОДЕ
История женщины-квакера в России, рассказанная
Анной Хэйнс 59

5. «ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК
КВАКЕРЫ?»
Квакеры Герберт Гувер и Руфус Джонс; КСАД и АРА
в 1921–1922 гг. 65

6. «КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН
РАБОТАТЬ»
Нэнси Бабб и ее работа в селе Тоцком в 1921–1927 гг. 103

7. «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ»
Анна Хэйнс и медицинская политика в 1919–1927 гг. 145

8. «ОСОБЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ»
Реакция русских людей на деятельность квакеров
в 1921–1927 гг. 179

9. «ЖИТЬ ПО-КВАКЕРСКИ» Служение и присутствие; наследие и уроки	195
10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ Понять квакеров	211
Примечания	217
Избранная хронология служения квакеров в России, 1916–1931 гг.	237
Ключевые сотрудники и гости миссии квакеров в России, 1916–1931 гг.	241
Библиография	243
Об авторах	269

ОТ АВТОРА**ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ РАССКАЗА**

Более восьмидесяти лет назад Руфус Джонс написал книгу «Служение любви во время войны». Он хотел рассказать о причинах появления Комитета служения американских Друзей* и его самых первых попытках «передать дух любви и гуманизма в ту часть мира... который оказался в пучине бедствий»¹ I Мировой войны. Он сосредоточился преимущественно на истории оказания гуманитарной помощи и проведения восстановительных работ во Франции силами первой группы, состоящей из 100 добровольцев, известной, как «группа Хаверфорда», которая демонстрировала одновременно высокие идеалы и творческий потенциал КСАД. Как писал Джонс, группа Хаверфорда не полностью состояла из квакеров, но каждый ее член считал участие в военных действиях противоречащим собственным религиозным принципам, поэтому все они, по причине своих глубоких убеждений, были вынуждены добиваться освобождения от воинской службы. В то же время, они стремились выразить свою любовь к родной стране и готовность принять на себя долю риска через несение альтернативной службы. Это замечательная и поучительная история. Руфус Джонс имел к ней непосредственное отношение, о ней следовало поведать, поскольку она была в основном завершена, и он рассказывает о ней простым доступным языком.

Работа во Франции включала в себя управление машинами скорой помощи, восстановление разрушенных зданий, дорог и деревень – все это требовало тяжелого физического труда, а призыву на военную службу подлежали только муж-

* Квакеры называют себя «Друзьями», «Обществом Друзей». (Прим. перевода)

чины, и группа Хаверфорда целиком состояла из мужчин. Однако в 1917 г. Комитет служения американских Друзей собрал небольшую группу в помощь британским квакерам в России, оказывающим гуманитарную помощь десяткам тысяч беженцев, оставивших расположенные вблизи от военных действий жилища и перебравшимся в город Бузулук. «Американская группа» состояла из шести выдающихся женщин: Анны Дж. Хэйнс, Лидии Льюис, Эстер Уайт, Эмилии Брэдбери, Нэнси Бабб и Амелии Фабержевской. В то время, когда Руфус Джонс писал «Служение любви во время войны», история их служения только начиналась. Он выразил надежду, что «в недалеком будущем найдутся заинтересованные люди», которые напишут о тех, кто

отправлялся с живой верой и действенной помощью в самые темные уголки нашего страдающего мира, как во время войны, так и в не менее сложные годы, последовавшие за ней².

В 1937 г. Мэри Хокси Джонс (дочь Руфуса Джонса) продолжила рассказ о первых двадцати годах работы Комитета служения американских Друзей. Она посвятила пять страниц своей книги «Мечи на орала» описанию помощи беженцам и голодающим в России в 1916–1920 гг. Как и ее отец, Мэри мастерски владела пером, она создала впечатляющий групповой портрет американских и британских женщин, работавших в России. Книга Риченды Скотт «Квакеры в России», изданная в 1964 г., рассказывает о работе британских квакеров в этой стране, начиная с 1700-х гг. Но ее упоминания о деятельности американских квакеров и американского правительства в начале XX в. весьма ограничены.

Уильям Фрост также предпринял попытку описания первых лет работы КСАД. В статье «Наши дела несут нашу идею», подготовленной в 1992 году к 75-летию Комитета, он часто обращается к первым годам, к истории служения квакеров во Франции и позднее в Германии, и пишет о частых в то время внутренних дискуссиях касательно того, каким образом лучше всего выразить квакерские ценности. Он в подробностях рассказывает о долговременных противоречиях, сопровождавших реализацию программы продовольственной помощи в Россию: «Руководство КСАД должно было убедить представителей советской власти, что Друзья не являлись ча-

стью английского или американского шпионского плана по свержению большевистского режима, и в то же время убедить анти-коммунистически настроенную американскую общественность в необходимости жертвовать средства на помощь России³. Фрост писал:

В течение десяти лет КСАД кормил детей и кормящих матерей во всем Бузулукском уезде продуктами, предоставленными Администрацией американской помощи и закупленными на собственные средства. Сотрудники Комитета привозили медикаменты, проводили работу по оказанию медицинской помощи и профилактике заболеваний среди детей и женщин, содержали детские дома и школы, закупали лошадей и обучали местных жителей новым методам ведения сельского хозяйства, при этом периодически подвергаясь нападкам со стороны советских властей, Гувера и прессы...⁴

Собирая материал для этой книги, мы старались следовать призыву Руфуса Джонса рассказать подробнее об отважных американцах, особенно женщинах, которые оставили нам множество интересных документов и записей. Например, Нэнси Бабб стала очевидцем многих событий в российской истории – I Мировой войны, гражданской войны, революции, голода. По ее собственным словам, она поехала в Россию в надежде стать «живым свидетельством торжества справедливости, христианского отношения к ближнему и принципа служения Друзей», и ей удалось практически в одиночку обеспечить 11 000 россиян работой, обработать более 700 гектаров земли, создать надомные мастерские и бригады по производству общественных работ, контролировать работу 44 медицинских пунктов и выстроить сельскую больницу. Ее уникальная программа «питание в обмен на труд» позволила крестьянам расплачиваться за продовольствие, медикаменты и другие товары первой необходимости собственным трудом, а не вещами или деньгами, которые зачастую полностью отсутствовали в их обиходе. Таким образом, спасая жизни людей, она смогла сохранить их достоинство, и такой подход, известный как «целевое развитие», сегодня широко применяется в работе квакеров.

Перед нами стояли и другие задачи: изучить сложные взаимоотношения политики, религиозного свидетельства и

служения, как и точки зрения самих работников, так и с позиций их руководства в США и Великобритании. Работающие в России квакеры пребывали в постоянных сомнениях по поводу того, каким образом выразить свою веру в чужой стране, пораженной шквалом несчастий. Должны ли они в явной форме письменно заявлять о своих религиозных принципах, или же их убеждения должны быть видны по делам их? Должны ли они сделать выбор между «трактатами» и тракторами? Одновременно руководство и сотрудники КСАД в Филадельфии, Нью-Йорке и Вашингтоне сталкивались с противоречиями относительно светской идеологии, отношений с донорами, правительством США (особенно, что касалось совместной работы с АРА, возглавляемой квакером Гербертом Гувером), большевиками, рабочими профсоюзами и левыми силами. Мы надеемся, что этот экскурс в историю поможет прояснить многое в работе Комитета Служения американских Друзей: как в прошлом, так и в настоящем.

Политика служения

Перед домом собраний Общества Друзей в Гонолулу простирается широкая зеленая лужайка. В здание ведут широкие ступени, перед которыми располагается водопроводный кран с фонтаном для питья. Расположившись на крыльце, можно видеть, как разные люди, среди которых обычные жители соседних районов, совершающие утренние или вечерние пробежки, члены школьных команд по легкой атлетике и будущие победители марафонов останавливаются, чтобы сделать глоток прохладной воды.

Наблюдая за этой картиной, невольно приходит на ум сравнение с Комитетом служения американских квакеров, стремившимся в течение девяноста лет «дать возможность сделать глоток прохладной воды» всем без исключения жертвам природных и военных катастроф, невзирая на их расовую, национальную, политическую или религиозную принадлежность. Так, работая в 1969 г. во Вьетнаме, сотрудники миссии оказывали помощь обеим сторонам конфликта. В больнице, расположенной в Кванг Нгаи получали медицинскую помощь все пострадавшие в войне, единственным условием был запрет на ношение оружия в корпусах. Медикаменты сознатель-

ОТ АВТОРА. ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ РАССКАЗА

но поставлялись, как в Северный, так и в Южный Вьетнам, хотя КСАД добровольно принимал на себя большие финансовые и правовые риски, оказывая помощь «врагу». КСАД публично осуждал эту войну, начиная с 1960-х гг., но уже в 1970-х гг. стало очевидным, что этого недостаточно. Все, кто действительно был заинтересован в прекращении страданий людей, должны были донести до американского правительства то, что оно является соучастником массового насилия и отвечает за это. Нужно было встать на сторону притесненных, обрести политический голос, выйти на демонстрации и использовать все возможные мирные способы выражения своего ненасильственного свидетельства: забастовки, блокады, марши, бойкоты и гражданское неповиновение. Недостаточным было оказывать помощь пострадавшим, необходимо было прекратить войну.

Роль всей организации и отдельных ее членов в противодействии классовому, религиозному, гендерному насилию невозможно переоценить. Когда-то было достаточно отправить делегацию для ремонта общественного клуба в районе с очень бедным населением. Сегодняшние вызовы требуют обеспечения жителей этого района инструментом и обучения их необходимым навыкам таким образом, чтобы они затем сами приняли решение касательно того, что именно необходимо ремонтировать и своими силами провели ремонт. Помощь в виде тюков с одеждой и грузовиков с продовольствием больше не может считаться достаточной для пострадавших в результате войн или природных катастроф. Нужны материалы и инструменты для восстановления мостов, дорог и школ, оборудования поликлиник и больниц, развития сельского хозяйства. «Дать глоток воды» беженцам из мест военных действий или природных катастроф или уже упомянутым жителям Гонолулу, — это сегодня слишком мало. Настало время строить плотины и трубопроводы, чтобы остановить загрязнение водоемов, проводить анализ состава воды и добиваться того, чтобы вода в них была действительно чистая.

Дух созидания

Истории Анны Хэйнс, Нэнси Бабб и других квакеров, отправившихся в Россию, в первые несколько лет работы КСАД, чтобы оказать помощь пострадавшим в результате вой-

ны и голода, показывают, что соовокупность проблем свидетельства, политики и служения не исчезала с годами. В 1917 г. КСАД и Комитет международного служения британских квакеров договорились о «нейтральном» характере службы, о помоши помоши ради помоши и просто потому, что голодали дети. Некоторые квакеры опасались любых отождествлений с большевиками, другие, напротив, были восторженными сторонниками революции. Были и такие, кто видел проблему в отождествлении своей деятельности с правительством США.

Некоторые сотрудники на местах мечтали о большей независимости. Им казалось, что центральные отделения не должны определять ни направления работы, ни стратегию. Филадельфия и Лондон не могли, с их точки зрения, понять содержания их работы и всех трудностей, с которыми им приходилось сталкиваться. Они провозглашали совершенно другие подходы к работе, имеющие различную степень согласованности с мнением центральных отделений. Энси Бабб была отчаянно независимой, творческой, целеустремленной и инициативной натурой, великолепным организатором без каких-либо склонностей к анализу. Некоторые находили, что с ней тяжело работать. Ее единственный сохранившийся до наших дней дневник (пятьдесят недатированных страниц, исписанных неразборчивым почерком) разочаровывает именно тем, что там многое не описано. Анна Хэйнс, напротив, старательно печатала длинные письма в деталях описывая и осмысливая все, что она видела или делала. Так в 1920 г. она была потрясена восьмиконечной квакерской звездой, сиявшей своей чистотой линии, что гарантировало неприкословенность хранящегося на квакерском складе продовольствия (см. главу 7). Она была командным игроком, хотя называла себя «балластом», и тогда, когда ей приходилось с трудом пробираться через заснеженные московские улицы ради очередной встречи с представителями большевиков, и тогда, когда она пыталась понять что есть квакерское служение.

Тем временем руководству в Великобритании и США приходилось иметь дело с многочисленной, зачастую конфликтующей друг с другом аудиторией. Они вели переговоры с частными спонсорами и благотворительными организациями, квакерами, публицистами, членами правительства и чи-

новниками. Они умоляли сотрудников на местах предоставить более подробные отчеты и больше фотографий, для того, чтобы их можно было использовать для привлечения внимания общественности и, как следствие, сбора пожертвований. Отчетливый стиль руководства председателя КСАД Руфуса Джонса и исполнительного секретаря Уилбура Томаса представляет собой созидающую динамику, которая присутствовала на протяжении всего существования КСАД. Джонс – учёный, философ и писатель, обладал ещё и талантом «наведения мостов», – он полагал, что каждая деятельность, сопряженная с принятием на себя риска, имеет духовный потенциал. Постоянно осознавая разнообразие пониманий и видений в квакерской среде, с которой ему приходилось иметь дело, в своей деятельности Джонс всегда концентрировался на широких организационных задачах, всегда стремился видеть общую картину.

Томас же был пастором из сельскохозяйственного штата Индиана, и считал, что важнее всего выполнить работу. Его, прежде всего, интересовала работа на местах, он преимущественно опирался на работников миссий на местах и на людей, которым они оказывали помощь. Он видел своей задачей оказание поддержки членам миссий в выполнении их задач, будь то распределение благотворительных грузов, обеспечение детей питанием или ведение переговоров с могущественными чиновниками. Он был более светским человеком, чем Джонс, и обладал в большей степени политическим видением. Он в большей степени обращал внимание на действенность перемен. И Руфус Джонс, и Уилбур Томас сыграли важную роль в продвижении КСАД и его работы.

Почему же квакеры ехали в Россию? Были ли они миссионерами, стремящимися продвигать свою веру? Были они просто молодыми людьми, ищущими приключений перед тем, как «осесть и остепениться»? Альтруистами, готовыми оказать помощь тем, кому в этой жизни повезло меньше? Мистиками, услышавшими «призыв свыше»? Были ли они общественными служащими, имеющими определенные задачи? Мечтателями, жаждущими испытать на себе революционную атмосферу? Или их притягивала сама Россия? Мы не можем знать наверняка, но, скорее всего, среди них были все вы-

ше перечисленные категории людей. Риченда Скотт описывает двадцать шесть английских квакеров периода 1916-1918 годов работы в России, как «странным образом подобранный группу»:

Среди них были женщины возрастом немногим за тридцать, цельные натуры с чувством собственного достоинства... люди, принадлежащие к классу крупной буржуазии, привыкшие к комфорту и имеющие соответствующие взгляды... без каких-либо определенных профессий... опытные врачи и хирурги;...пытливые молодые умы... основные интересы которых заключались в совершенствовании собственной жизненной позиции и попытках воплотить ее в действии; вдохновенные идеалисты... мечтающие окунуться с головой в омут скучной и не всегда приятной работы; люди постарше с более трезвыми и практичными взглядами на жизнь, не одержимые никакими идеями мирового масштаба – словом, люди разных талантов и особенностей, имеющие различный социальный статус, религиозные убеждения и образование⁵.

Нам предстоит далее познакомиться с их делами, чтобы затем мы могли бы вынести заключение, как это некогда это сделал Уильям Фрост: «Наши дела несут нашу идею». По мере того, как мы приближаемся к столетнему юбилею КСАД, мы можем извлечь многочисленные уроки из истории работы квакеров в России. Но сначала следует рассказать сами истории. Они того заслуживают.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Голод в России в 1920-х гг., более известный, как голод в Поволжье, – тяжёлая страница истории нашей родины. В советских учебниках истории эта тема проходила вскользь: упоминались реквизиции церковных ценностей для спасения голодающих и, – уж совсем редко, – помощь иностранных организаций, особо подчёркивая, что последние поставляли еду подпорченную и занимались шпионажем.

Падение коммунистического правления открыло две-ри архивов, появилась возможность доступа любопытству- ющих к историческим материалам. Именно тогда, в начале 1990-х гг., я услышал историю о том, как британские и амери- канские квакеры спасали умирающих от голода людей в Рос- сии. История была захватывающей и удивительной – как это советская власть могла допустить западную религиозную ор- ганизацию в страну. Первое знакомство с архивными доку- ментами в Бузулуке и Самаре только усилило мой интерес. Не будучи историком, я, тем не менее, захотел продолжить своё исследование темы, и после Самары и Бузулука я смог по- пасть в архивы квакеров в Филадельфии и в Лондоне. Я также работал в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. Для этой ра- боты у меня не было никаких материальных стимулов, – толь- ко живой интерес к удивительному феномену беззаботной по- мочи простых людей разных национальностей попавшему в беду российскому народу.

Мне посчастливилось встретиться в процессе работы со многими замечательными людьми, – готовыми помочь мне, дающими дальние советы. В Бузулуке и окрестностях я рас- спрашивал стариков, помнят ли они те времена. Все старожи- лы, которые пережили голод, вспоминали, как «американцы»

спасли их. Вспоминали «американцев» с искренней и неподдельной симпатией. На тот момент я уже прочитал много архивных документов и знал, что в Самарской губернии от голода спасали и кормили почти 70% местного населения американцы и англичане. Людская память не разделяла спасителей на принадлежность к той или иной нации. Все они для спасённых остались в памяти как «американцы». И многие из тех, кто выжил, ещё вспоминали, что эти иностранцы были квакерами.

Читая документы в квакерских архивах, я узнал, что первые представители Религиозного Общества Друзей (так звучит официальное название этой деноминации) появились в Бузулуке ещё задолго до голода 1920-х гг. Группа из четырёх квакеров — Теодора Ригга, Роберта Тэтлоука, Джозефа Бёрта и Уильяма Кэдбери (потомка основателей шоколадной династии) прибыла в Россию по приглашению министра иностранных дел С.Д. Сазонова ещё в 1916 г. Они откликнулись на просьбу российских властей помочь беженцам из регионов, охваченных пожаром I Мировой войны. Именно тогда, узнав от российских официальных лиц, что положение наиболее вопиющее в Бузулукском уезде Самарской губернии, эти англичане прибыли в Бузулук. Здесь начала свою работу так называемая местным населением «Английская миссия»: в её составе были британские квакеры — врачи, социальные работники, просто неравнодушные к чужому горю люди.

Они вновь открыли закрытые больницы в уезде, отправив туда своих врачей. Они организовали мастерские для бе-

С. Никитин перед зданием офиса американских квакеров в Сорочинске

женцев, которые были практически все безработными. Они открыли ряд детских домов для детей, которые потеряли своих родителей. Они уже тогда начали кормить недоедающих и голодящих беженцев. Спустя несколько месяцев после начала работы британских квакеров, к ним на подмогу приехали квакеры из США. В августе 1917 г. в уезде работало около 35 человек из Англии и США. Я читал дневники, переписку тех работников — самое захватывающее чтение, какое когда-либо попадало мне в руки. Я пытался проследить дальнейшие жизненные пути тех, кто приехал тогда в далёкую Россию на помощь. Особенно меня заинтересовал Теодор Ригг, руководитель «Английской миссии», человек удивительной судьбы и потрясающих талантов. Я разыскал его воспоминания, относящиеся к его работе в России (а до этого он, студент Оксфорда, отложив учёбу, помогал жертвам войны в Черногории), перевёл эти рассказы на русский язык. Я разыскал его семью, — сам он умер в 1972 г. в далёкой Новой Зеландии, будучи к тому времени известным учёным, получившим рыцарский титул и ставший сыном Теодором Риггом — за свои успехи в сельскохозяйственных науках. Я переписывался с его дочерьми, которые рассказали мне о своём отце и о матери, — Эстер Уайт, — американской квакерке (как писал это слово Н.С. Лесков), тоже приехавшей в Бузулук из Филадельфии в августе 1917 г. К октябрю 1918 г. все сотрудники квакерской миссии вынуждены были покинуть Бузулук и уехать домой. Вот что писала Бузулукская газета «Известия Бузулукского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов» в апреле 1918 г.:

«Журнал общего собрания делегатов Бузулукского уездного съезда беженцев. Заседание 8 марта 1918 г.

... Председатель Ширмулевич докладывает, что, как дошёл до него слух, Английская миссия, обслуживающая в здешнем уезде нужды беженцев, возможно ликвидирует свою деятельность, а потому предлагает собранию не пожелает ли оно войти в сношение с миссией о передаче оборудованных ею медицинских пунктов и прочего в ведение уездного совета беженцев.

Собрание постановило: просить Английскую миссию все организованные ею для беженцев медицинские пункты, приюты,

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 20-Х ГГ. ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

мастерская и прочее в случае ликвидации таковых, передать безвозмездно в ведение уездного совета беженцев, и выразить ей от лица собрания глубокую благодарность за оказанныя ею заботы беженцам».

Даже дорога домой у покинувших уезд квакеров была полна приключений и опасностей. К счастью, все добрались до своих домов и родных живыми и невредимыми.

Наверное, именно тот факт, что Бузулук уже был знаком квакерам как в Британии, так и в США, определил выбор места их работы три года спустя — работы по оказанию помощи голодающим в Поволжье. Документы в российских архивах говорят о том, что квакеры были одной из первых иностранных организаций, прибывших в Самару помочь борьбе с голодом — это произошло в сентябре 1921 г.

Советская власть очень хорошо относилась к квакерам (или, как их называли для краткости, — ОДК — Общество Друзей — Квакеры), — им был выделен особняк в Борисоглебском переулке в Москве (они занимали здание вплоть до 1931 г., когда последний квакерский работник покинул СССР). Британские квакеры работали в основном в Бузулукском уезде Самарской губернии. Квакеры из США обосновались в Сорочинске, и первый год работали в рамках АРА, вплоть до прекращения деятельности этой организации в Советской России в 1923 г. С 1923 г. британские и американские квакеры объединили свои усилия и продолжали помогать местному населению, даже после того, как

Мюррей Кенуорти
в России в 1921 или
1922 году

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

пик голода миновал. Так, Предукомголода Пономарёв писал в 1922 году квакерам, работавшим в Бузулукском уезде:

Милостивые Государи.

С чувством глубокого уважения Уездная комиссия по оказанию помощи голодающему населению свидетельствуют Вам искреннюю благодарность за оказываемую Вами помощь и этот труд, который несёте Вы, в процессе этой чрезвычайно трудной работы, сопряжённой с известными лишениями и риском опасности. Вашу помощь, безусловно, сумеет оценить крестьянство Бузулукского уезда, как помощь безкорыстную, проникнутую лишь чувством человеческого братства, по воле стихии впавшим в безысходную нужду и страдания. И значение этой помощи особенно ценно, особы громадно тогда, когда мы стоим накануне ее прекращения.

По частным сведениям, дошедшим до нас, Вы намерены покинуть уезд не позднее сентября, в надежде на то, что намечающийся урожай сможет обеспечить сытое существование без помощи оказываемой Вами. Боясь, что эти сведения могут реализоваться в действительность, Укомголод имеет честь довести до вашего сведения следующее: размеры разрушения настолько колоссальны, что для того, чтобы возстановить это хозяйство, потребуется минимум 3 подряд урожайных года...

Но квакеры не уехали в 1922 г., а в следующем, 1923 г. они писали советским властям:

...Американская и Английская группы ОДК обе находят, что надобности в оказании помощи в широком масштабе после урожая настоящего года больше не будет, и что ввиду этого желательно изменить программу их работы... Мы хотим довести до вашего сведения, что Общество Друзей заинтересовано в большем, чем только в одном спасении голодающих людей от смерти — оно стремится помочь в поднятии экономического благосостояния, в улучшении быта и в общем подъёме Русского народа...

В эти годы в составе квакерских миссий трудились несколько человек, которым довелось поработать в Бузулуке и окрестностях в 1917—1918 гг. Так, истории Нэнси Бабб и Анны Хэйнс достойны отдельных книг. Достаточно упомянуть,

что Нэнси Бабб со своей американской предприимчивостью организовала мастерские по производству валенок в Тоцком в 1923 г. Накопленные от продаж валенок деньги были потрачены ею на строительство больницы, которая открылась в 1927 г. Нэнси Бабб уехала домой в США в 1928 г., но вернулась в Тоцкое как турист в 1937 г. Старожил из Тоцкого Иван Леонтьевич Терентьев рассказал мне в 1998 г., что местные жители встречали её «как королеву», носили на руках. И совсем недавно, когда я был в Тоцком, и спросил у старух, торговавших на улице молоком, знают ли они, кто помогал им в лихую годину, они хором назвали имя Нэнси Бабб и указали мне на тот дом, где она жила до 1927 г. Здание больницы теперь – молодёжный центр, в нём есть небольшой музей с портретом Нэнси и краткой историей её работы.

Исторические изыскания привели меня к знакомству с замечательным человеком, специалистом по истории советско-американских отношений, Дэвидом Макфадденом. Мы могли часами обсуждать перипетии работы квакеров в 1920-е г. в России, делиться тем новым, что узнали из различных источников. Мы вместе работали в архивах и библиотеках. Мы вместе совершили поездку в Бузулук, Тоцкое и Сорочинск. Макфадден написал интереснейшую книгу, которую Вы сейчас держите в своих руках. Он предложил мне сделать предисловие к изданию на английском языке, и я рад, что теперь мне выпала честь предварить эту книгу, переведённую на русский язык, своим предисловием.

Можно долго рассказывать многочисленные истории эпопеи помоши голодающим, – в архивах США, Британии и России есть уникальные документы. Меня навсегда захватила эта часть истории голода в Поволжье. С тех пор, как я узнал о ней, я считал очень важным донести этот рассказ до соотечественников, до тех людей, чьи предки были спасены почти сто лет назад. Именно такие истории помогают понять, как люди, объединив свои усилия, могут многое превозмочь. Как, несмотря на различие языков, традиций, веры, люди находят общий язык, язык гуманизма, добра и человеколюбия.

2. «А ЧТО ЕСЛИ РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ НУЖЕН ПОМОЩНИК?»

КВАКЕРЫ В РОССИИ ДО I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Книга «Квакеры в России» Риченды Скотт представляет собой подробное описание деятельности квакеров в России с момента основания Общества Друзей вплоть до выхода книги в 1964 г. В дополнение к детальному исследованию вероучения квакеров и их общественной деятельности, Риченда Скотт приводит краткий обзор российской истории, который позволяет рассматривать деятельность квакеров в историческом контексте. Поскольку книга «Квакеры в России» больше не издается, мы позволим себе привести многочисленные цитаты из нее ниже. (Дополнительные сведения также можно найти в статьях Стефена Фрика, опубликованных в «Джорнал оф френдз хисторикал сосайэти» и в книге Питера Брука «Свидетельство квакеров о мире»).

Попытки поведать о себе в России начались у квакеров практически сразу после основания Общества Друзей. Известно, что один из первых квакеров Джордж Фокс дважды писал царю Алексею Михайловичу: в 1656 и 1661 гг. Тексты писем не сохранились: возможно, он искал способы засвидетельствовать свою только что обретенную веру, либо стремился привлечь внимание государя к проблеме голода в Польше. Первое документальное подтверждение встречи квакеров с русскими относится к 1697 г. Тогда Петр Первый посетил Лондон, чтобы «обучиться, насколько возможно, науке судостроения на верфях Темзы»¹. Два молодых человека из Общества Друзей лично преподнесли ему несколько экземпляров «Апологии» Роберта Баркли (на латыни) и описание их собственного вероучения (в переводе). Царь (вместе с переводчиком) затем посетил мо-

литвенное собрание квакеров на Грейсчерч стрит. Когда квакеры узнали о том, что государь владеет немецким языком, они направили ему дополнительную литературу и устроили встречу с Уильямом Пенном, который, преодолевая языковой барьер, очевидно, оказал большое влияние на государя. Русский царь несколько раз посещал молитвенные собрания квакеров в Дептфорде, и, как пишет Риченда Скотт:

Те часы молчания в аскетической атмосфере дома для молитвенных собраний в Дептфорде, должно быть, произвели некоторое впечатление на загадочную, жесткую натуру Петра Великого. ... В 1712 г., во время Великой Северной войны против Швеции, Пётр вступил с войском в город Фридрихштадт, в Гольштении. Неожиданно он осведомился у бургомистра, имеются ли среди горожан квакеры. Ему отвечали, что в городе есть квакеры, и что некий офицер русского войска уже расквартировал тридцать солдат в доме для молитвенных собраний. Государь распорядился освободить помещение немедленно, а кроме того попросил квакеров устроить молитвенное собрание, которое мог бы посетить и он. «После того, как всё было подготовлено, собрание состоялось... государь посетил его и привел с собой ... важных лиц из свиты»... [после чего он] вернулся к военным действиям... Больше пути российского государя и квакеров не пересекались².

Квакеры приезжали в Россию по многим причинам: Риченда Скотт описывает широту и глубину личного и религиозного служения отдельных квакеров, их стремление идти за Господом, и их готовность оказывать помощь нуждающимся людям, соседствующую с жаждой странствий.

В начале XVIII в. оспа являлась одним из самых страшных заболеваний, от нее умирал каждый шестой заболевший. К 1718 г. медики начали изучать возможность вакцинации против оспы для того, чтобы предотвратить заражение или хотя бы остановить быстрое распространение болезни. Поскольку эпидемия оспы особенно жестоко поразила Россию, императрица Екатерина II выписала самого известного в то время британского медика и предложила ему проверить действие вакцины на самой себе. Доктор Томас Димсдейл (1712–1800) придерживался вероучения квакеров и прослыл настолько искусным медиком, что ходили слухи о его способности сделать ребенку

прививку во сне, даже не разбудив его. По приглашению императрицы Димсдейл отправился в Петербург в 1768 г. в сопровождении своего сына Натаниэля, студента медицинского факультета.

Известная своей несгибаемой политической волей, Екатерина радушно приняла британского доктора, и он привил слабую форму оспы нескольким детям, чтобы получить жидкость, которую впоследствии предполагалось ввести самой императрице. Как пишет Скотт:

Царица требовала, чтоб прививка делалась ей в обстановке строжайшей секретности, и не разрешила присутствовать при этом какому-либо другому врачу. Экипаж был послан за Димсдейлом лишь тогда, когда Екатерина почувствовала, что она готова к операции. Карета прибыла ночью и без всякого предупреждения. У доктора было время лишь на то, чтобы поднять из постели ребёнка, выбранного для получения гноя, обернуть мальчика пальто и сесть с ним в карету. Затем – езда в карете сквозь холод ночи, осознание всей ответственности предстоящего мероприятия. В течение пяти дней не позволялось даже прошептать о прививке, и предание гласит, что самые быстрые почтовые лошади стояли всё это время наготове на тот случай, если операция окажется неудачной и английского доктора потребуется срочно вывезти из страны во избежание печальных последствий для него самого. Царица поправилась через три недели, в столице ликовали³.

В течение года, проведенного в России, доктор Димсдейл сделал прививку четырнадцатилетнему сыну императрицы, наследнику престола, а также членам многих известных семейств Москвы и Санкт-Петербурга. В 1781 г. Екатерина повторно вызвала его в Россию, чтобы привить двух своих внуков. Во втором путешествии его сопровождала жена, которая ухаживала за великими князьями во время вызванного прививками недомогания, за что была ими прозвана «английской мамушкой».

Одним из двух внуков Екатерины II, привитых Димсдейлом, был будущий император Александр I. Известный как «один из самых интересных, противоречивых и трудных характеров в списке российских правителей», он начал свое правление в 1801 г., приняв, как говорили, участие в убийстве собственного отца. Он посетил Общество Друзей в Лондоне в июне

1814 г., возвращаясь в Санкт-Петербург из Франции, где проходила мирная конференция после разгрома войск Наполеона. Британские квакеры вручили ему послание, в котором они выразили свою признательность российскому правительству за его живое участие в распространении Слова Божия на своей земле и сохранение мира. Они просили его не наказывать своих подданных, которые, подобно квакерам, отказывались нарушать евангельские заповеди:

21 июня трое Друзей были допущены к аудиенции с Александром... «Император поднялся, когда мы вошли: он был один в комнате, одет в весьма простое платье... казалось, он принимает нас, как друзей, а не как случайных визитёров. Мы вручили ему обращение [квакеров]. Царь говорил о своём понимании того, что для него есть следование водительству Святого Духа, говорил о молитве, как о внутреннем, духовном обряде»⁴.

Квакеры также искали поддержки царя в вопросах доступности образования и отмены крепостного права. После беседы, продлившейся примерно час, царь пожал руку каждому из гостей и заверил их в том, что любой квакер, оказавшийся «по делам религии» в Санкт-Петербурге, может рассчитывать на его прием без всякого официального приглашения, сказав: «Расстаюсь с вами, как с друзьями своими и братьями».

Только три года спустя эта встреча с британскими квакерами действительно будет иметь продолжение: Даниэль Уилер услышит призыв Божий и вместе со своим семейством перебедет на 15 лет, которые перевернут его жизнь. Опять же, эту историю мы цитируем по работе Риченды Скотт, которая, в свою очередь, опирается на труд «Жизнеописание и евангельские труды Даниэля Уилера», изданный в Лондоне в 1842 г. Уилер остался сиротой и был принят во флот, где еще подростком был произведен в офицера. Однажды во время сильного шторма он «почувствовал жизнь и силу, бьющие ключом в нём, независимо от его собственного желания или его воли, то была радость нежданного подарка». «То было творение Святого Духа в сердце моём, — говорил он»⁵. Несколько месяцев спустя, он оставляет службу и возвращается в Англию, где живет с семьей своей замужней сестры, принадлежащей к общине квакеров. В 1797 г. он становится членом общины в местечке Хэнд-

сурсе Вудхаус, вступает в брак и начинает заниматься торговлей семенами.

Но к 1809 г. здоровье Уилера слабеет, и он перевозит семью в сельскую местность, где, кроме торговли семенами, он сможет заниматься фермерством. Со временем, ему начинает казаться, что торговля отрывает от духовной жизни, поэтому он принимает решение обеспечивать семью исключительно за счет фермерства, и это ему прекрасно удается. Тогда же он начинает выступать с проповедями, и проповедует на молитвенных собраниях в различных уголках Англии, где делится своим опытом познания Бога. Риченда Скотт так описывает своюственную этому периоду внутреннюю борьбу Уилера:

В начале 1817 г. он должен был принять трудное и важное решение. За некоторое время до этого у него возникло чувство, что он будет призван работать за границей. Где, каким образом, — о том он не имел ни малейшего понятия. Это было тяжёлое время, время, когда пришло к нему это чувство, эта уверенность. Впервые со времени раннего детства он вновь ощутил радости и трудности семейной жизни... наполнившие его чувством благодарности. ...Сначала он пытался уклониться от зова веры и признать, что ноша, которая на него будет возложена, ему не по силам ... Однажды он прохаживался по своей гостиной, ломая голову над тем, что же ему делать дальше, и вдруг взгляд его упал на головоломку, с которой возился его сын: из разрозненных кусочков надо было собрать карту. Внезапно, как в озарении, в голове его возникло название «Санкт-Петербург». У него сразу же исчезли все сомнения по поводу пункта своего будущего назначения, хотя ещё два с половиной года он хранил всё в секрете. Некоторое время спустя после озарения к нему пришла неожиданная мысль: «А что если императору Российскому нужен помощник по вопросам сельского хозяйства? — И в то же время мысль о том, что надо ехать, окончательно поселилась у меня в голове... То была перспектива, должен признаться, от которой я был готов содрогнуться»⁶.

Тем временем Император Александр I, как и когда-то его бабушка Екатерина II, пожелал, чтобы один из английских квакеров взялся бы за осушение и культивацию заболоченной земли вокруг Санкт-Петербурга. Его письмо, адресованное Обществу Друзей, в результате попало в руки к Даниэлю Уи-

леру, для которого оно не стало неожиданностью и который сразу же принял приглашение императора. Он беспокоился о том, как воспримет эту новость его супруга, но, к счастью, она разделила его стремление исполнить то, что она считала волей Божией. Даниэль Уилер отправился в Санкт-Петербург в июне 1817 г. Он внимательно изучил земли, в том числе заболоченные, в окрестностях столицы и, усмотрев как в почве, так и в растительности большое сходство с английскими, составил подробный доклад императору. Когда Даниэль Уилер, наконец, встретился с императором лично, они пришли к принципиальному согласию, как в вопросах разработки заболоченных земель, так и в вопросах религии.

Год спустя Даниэль Уилер привез в Санкт-Петербург сельскохозяйственные инструменты, семена, скот, жену с шестью детьми, двух работников фермы с семьями и гувернера для своих младших детей. За пятнадцать лет непрерывных трудов болота были очищены и осушены, деревья и кустарники вырублены и вывезены, а русские работники удивлялись зачастотности своих работодателей — каждый здесь получал за служение вознаграждение за свой труд. Регулярные молитвенные собрания и редкие гости из Англии нарушали сложившийся ритм трудовых будней и помогали коротать длинные русские зимы. «К началу лета 1819 г. первый поднятый участок земли... принёс славный урожай овощей, зерна и трав. Урожай репы с шестидесяти акров... был раскуплен на петербургских рынках сразу». Однако, холода, высокая влажность и плохие условия проживания стали причиной частых болезней детей, так что Джейн Уилер с пятью из них почти на целый год вернулась в Англию, оставив в России мужа (тоже тяжело больного) с сыном Уильямом. В 1825 г. Александр I неожиданно умирает. Смятение, порожденное декабристским восстанием и восшествием на престол нового императора перевернуло с ног на голову быт квакеров. К 1828 г. Джейн Уилер и двое их сыновей уже обрабатывали земли в Волкове, а Даниэль Уилер с дочерьми трудились в Шушарах.

В 1830 г. Даниэль Уилер провел несколько месяцев в Англии вместе с семьей по причине слабого здоровья. После возвращения в Россию, он «почувствовал, что должен готовиться к новым испытаниям. Всё это было весьма туманно, но одно

было ему понятно, что его новый зов будет в еще более далекие страны. Царь выдал ему разрешение на отъезд, хотя и с большим сожалением... весь груз работ был вверен старшему сыну».

За пятнадцать прожитых в России лет Даниэль Уилер провел работы по осушению 40000 гектаров заброшенной и заболоченной почвы, и возделыванию более чем 2000 гектаров. Затем, заручившись поддержкой своей семьи, он переехал в Австралию и Полинезию. Двое его сыновей остались развивать сельское хозяйство в России еще на несколько лет. Джейн Уилер умерла в декабре 1832 г. Она похоронена в России вместе с их дочерью «Дженичкой» или «Джейн младшей»⁷.

С кончиной Александра I и отъездом Даниэля Уилера закончилась эпоха тесных взаимоотношений квакеров с российскими правителями. В 1854 г. квакеры в своем послании просили Императора Николая I не вступать в войну на восточных границах Российской империи, а в 1858 г. они направили всем европейским правителям, включая российского государя, «Заявление о свободе совести». В 1891 г. стало известно, что «полоса неурожаев, вызванных чрезвычайно жаркой погодой и отсутствием дождей, повлекла за собой голод в Поволжье»⁸. Первая делегация квакеров отправилась в Россию на помощь голодающим в ноябре 1891 г. Равно как и их советские преемники через двадцать пять лет, чиновники Российской империи, с которыми они встретились, «вежливо, но твердо дали понять, что Российское правительство уже принимает меры по облегчению страданий голодающих, что уже был создан отдельный комитет... для решения проблемы. Однако они не могли запретить квакерам действовать в качестве частных лиц»⁹.

После некоторых проволочек... представители квакеров... встретились с властями Тамбовской и Саратовской губерний. Они узнали, что голodom поражены 15 губерний... многие из которых по территории превосходили Англию... Был спешно составлен первый доклад... Разрешить проблему обеспечения продовольствием около 200 000 человек было практически невозможно, учитывая, что все лошади издохли или были съедены. Многие помешки выделяли крупные денежные средства на поддержание жизни крестьянства, но этих средств было достаточно лишь для небольшого количества людей¹⁰.

Квакеры предложили подробный план по предотвращению подобных катастроф в будущем, за счет строительства ирригационных систем между Доном и Волгой. Если бы этот план был реализован, возможно, удалось бы избежать последующего голода в 1906–1907 гг. и в 1921 – 1922 гг., а история благотворительной помощи квакеров в России в XX в. могла бы оказаться совершенно иной¹¹.

События, предшествующие Русской революции

Как пишет Орландо Файджес в своем труде «Трагедия народа: история Русской революции», разразившийся в 1890-х гг. в сельских районах России голод был лишь первым вестником наступающей волны социального, экономического, политического и культурного кризиса, на грани которой Россия вступила в XX в. Начало этой эпохи великого хаоса было ознаменовано голodom, разразившимся в условиях все большего отдаления правящей аристократии от нужд простого народа. Она закончилась новым повсеместным кризисом сельского хозяйства, который привел к консолидации власти в руках революционеров, намеревавшихся полностью изменить веками сложившийся уклад как городской, так и сельской жизни.

Царское правительство пережило голод 1890-х гг. только благодаря массовой общественной кампании по привлечению продовольственной благотворительной помощи, в том числе и от международных организаций, которую в числе других устраивал выдающийся писатель Лев Толстой. Несмотря на это, в 1903 г. Россия почти вплотную приблизилась к политическому и социальному кризису, так как правительство продолжало игнорировать зреющую в народе потребность в политическом волеизъявлении и социальных реформах, одновременно озвучиваемую представителями крестьянства, марксистами и лидерами рабочего движения в городах, а также средним классом и сторонниками демократии западного типа.

Кризис вошел в активную фазу в 1904–1905 гг., когда жители Москвы и Санкт-Петербурга, наравне с жителями села, официально потребовали передачи части власти в свои руки. Они потребовали узаконить политические свободы, регламентировать права граждан, принять конституцию и законодательство. Возможно, эти инициативы так ничем бы не закончи-

лись, если бы не два трагических события. Первое из них – это поспешное решение правительства о вступлении России в войну с Японией. Второе – так называемое «кровавое воскресенье», случившееся холодным январским днем 1905 г., когда царские войска забили тревогу при виде десятитысячной безоружной толпы рабочих под предводительством православного священника, несущих на руках иконы и петиции. В первых рядах шли женщины и дети – намеренно, чтобы солдаты не открыли огонь, но огонь был открыт, и весть о «тысячах безвинно расстрелянных» быстро облетела всю страну. Файджес полагает, что реальные потери составили около 200 человек убитыми и 800 ранеными¹².

Весну и лето, последовавшие за описанными событиями, характеризовала небывалая сплоченность рабочего класса, которая привела в результате к всероссийской стачке в октябре 1905 г., ставшей самой крупной стачкой за всю мировую историю. Правительство вынуждено было принять «Манифест 17 октября 1905 г.», даровавший гражданские свободы и провозглашающий конституционную монархию – что являлось, по сути, единственной возможностью для России избежать классовой борьбы и социального переворота. Но вместе с тем Манифест развязал руки уставшему от протестов простому народу, до этого сдерживаемому правительством, стремящимся сохранить абсолютную власть, а также усилил раскол между доведенными до отчаяния рабочими и крестьянами, среди которых нарастали радикальные настроения, провоцируемые марксистами и лидерами социалистических партий. В то же время, представители среднего класса и интеллигенция метались между стремлением к получению западных политических и экономических свобод, любовью к собственной стране и страхом перед зреющей «в низах» революцией.

Последним испытанием в этом водовороте провалившихся реформ и несбывшихся надежд стала I Мировая война – зловещая и, казалось, нескончаемая – настоящая катастрофа для российского общества и правительства. К марта 1917 г., после без малого трех лет непрекращающегося кровопролития, горьких поражений, постоянной нужды в обмундировании и продовольствии на фронте, постоянных забастовок и длинных очередей за хлебом Петроград (бывший Петербург)

погряз в анархии и мятежах, и был готов к революции. Император отрекся от престола, лидеры умеренных партий сформировали Временное правительство, а для продвижения идей революции был создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Весной и летом 1917 г. война вновь принесла только разочарования, а Временное правительство несколько раз за короткий срок сменило свой состав. Все это стало причиной роста радикальных настроений среди депутатов и поддерживающих их масс и привело к резкому росту влияния большевиков. В итоге, в результате «Великой Октябрьской социалистической революции» власть была захвачена Лениным, Троцким и Петроградским военно-революционным комитетом практически без боя. Члены Временного правительства в своем большинстве эмигрировали, предоставив Ленину и партии большевиков создавать новое правительство, которое, в свою очередь, очень быстро втянуло страну в классовую борьбу, гражданскую войну и радикальные преобразования общества.

Именно такой увидели Россию квакеры XX в., прибывшие в 1917 г. в Бузулук.

3. «МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТАМ И МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, КАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОНИ ПРИЗНАЮТ»

ТЕОДОР РИГГ И ЭСТЕР УАЙТ, АРТУР УОТС И АННА ХЭЙНС.
ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ И ДЕТАМ. 1916–1921 гг.

I Мировая война, революция и гражданская война

С началом I Мировой войны необходимость в благотворительной помощи квакеров возникла во всей Европе. Подобным образом и на всей территории России – от Волги до Владивостока и от Москвы до балтийского побережья – квакеры создавали программы помощи беженцам, строили больницы и снабжали население продовольствием. Тем не менее, центром оказания квакерами благотворительной помощи в России стал уездный город Бузулук Самарской губернии, уже знакомый им по работе в 1891 г. Уезд общей площадью более 2500 кв. километров имел население, по меньшей мере, 130 000 человек, не считая все увеличивающегося числа беженцев из разрушенной войной Польши и западных регионов России. В течение пятнадцати лет с момента прибытия квакеров в Бузулук в 1917 г., ознаменованного революцией, гражданской войной и жестоким голодом этот город стал сердцем истории квакеров в Советской России. На пике своей активности в начале 1920 г. британские и американские квакеры контролировали работу более тысячи столовых, а также туберкулезных санаториев, сельскохозяйственных школ, образовательных и строительных программ, детских домов и сестринских курсов. Несмотря на то, что в воззрениях американских и британских квакеров существовали разногласия, (а иногда и противоречия), в течение всего периода совместной работы их объединяло неукоснительное следование своим принципам обществен-

ного служения и противостояния войне и вероучению о том, что «в каждом есть что-то от Бога»¹.

После вступления США в войну весной 1917 г., несколько квакеров из окрестностей Филадельфии, включая Руфуса Джонса и Генри Кэдбери, сформировали благотворительный Комитет служения американских Друзей (КСАД), с целью предоставления возможности молодежи нести альтернативную службу вместо военной. Американские квакеры присоединились к работе своих британских коллег в Бузулуке в 1917 г. группой из шести женщин. Анна Дж. Хэйнс была ответственной за связь между Бузулуком и офисом КСАД в Филадельфии. Ее независимая позиция была неоценима при необходимости разрешения разногласий, возникающих между британскими и американскими квакерами². Роберт Тэтлок, подготовивший материал для вестника квакерской общины «Бюллетень КСАД № 16» под общим заголовком «Первый год работы американских квакеров: помочь пострадавшим в войне. 1 июня 1917 г. – 31 мая 1918 г.» так описывает масштабы работы в своей статье:

Горький плач России

Двенадцать миллионов беженцев из опустошенных войной районов, площадь которых равна совокупной площади Франции и Бельгии, разбросаны на тысячи миль по европейской части России, Туркестану и Сибири. ...

Большое количество беженцев, бедность земель, на которых они оседают, суровые климатические условия, повсеместная нехватка одежды и пищи, жестокие эпидемии, уносящие сотни жизней беженцев, неспособность существующих государственных учреждений справиться с проблемой, а также ее долговременный характер заставляют нас рассматривать существующее в России положение, как самый яркий, жуткий и крупномасштабный пример того, что эта война, как и любая другая, является трагедией.

Бузулукский уезд имеет площадь равную по величине площади Бельгии, и ... более 20 000 ...беженцев, оказались на расстоянии 1500 миль от своих разоренных жилищ. Их передавали из района в район, так как лишенное пищи, одежды и кровя местное население зачастую было негостеприимно и даже враждебно настроено по отношению к беженцам. Многие были ранее насильно вывезены

Квакеры в российской деревне

по халатности властей на верную смерть в пустыни восточного Туркестана, что на противоположном берегу Каспийского моря. Перед тем, как их повезли обратно в Самару, уровень смертности среди них составлял 55 процентов. Квакеры учредили пять благотворительных центров на расстоянии 20-50 миль друг от друга и обслуживали жителей 15 деревень.

Медицинская помощь. Огромная нужда в медицинской помощи обнаруживается тем фактом, что на район с населением в 100 000 человек не было оставлено ни одного врача, все они были мобилизованы в армию. В трех больницах в течение трех лет получили помощь более 70 000 человек.

Благотворительная помощь. Деятельность, аналогичная той, что проводилась квакерами во Франции, основной задачей которой является обеспечение населения одеждой, поступающей из Англии и США. Одежда – это зачастую вопрос жизни и смерти. Из-за отсутствия теплой одежды многие семьи лишены возможности выходить на улицу в течение всей зимы, и проводят шесть месяцев в году в своих тесных, душных комнатах, в которых так легко распространяются различные вирусы.

Швейные мастерские. Почти нет никакой работы для женщин... это привело к созданию нашей миссией нескольких мастер-

ских, где женщины могли найти себе работу вместо того, чтобы предаваться отчаянию. Основное занятие здесь – это пошив одежды.

Работа для детей. Большое количество детей беженцев, поселившихся в этом районе, потеряли своих родителей и родственников по причине болезней во время долгих переездов; они не помнят, из каких мест они переехали, и никто в округе их не знает. Силами миссии был организован сиротский приют и школа ремесел для 100 детей.

Помощь голодающим. Жестокий голод, разразившийся вследствие неурожая, недавно усилил и без того невыносимые страдания людей. Основной деятельностью миссии в этом направлении стала закупка продовольствия и семян в более урожайных регионах. Развал банковской и транспортной систем значительно усугубил проблему, и миссия должна была решать ее совместно со старыми и новыми государственными органами – земствами и советами. Дополнительно к ссудам, полученным от российских банков, квакеры в Англии собрали на борьбу с голодом 90 000 долларов, а мы отправили еще 25 000 долларов.

Взгляд в будущее. В стране, где все меняется настолько быстро, что действительность начинает походить на калейдоскоп, долгосрочные планы строить невозможно, так как новые условия будут диктовать необходимость принять новый курс. Многие квакеры все еще мечтают принять участие в работах по восстановлению³.

В одночасье свершившаяся Октябрьская революция 1917 г. сначала практически никак не отразилась на работе квакеров в Бузулуке и его окрестностях. После взятия большевиками Петрограда и Москвы, местные советы пришли к власти в Самарской губернии, но их представители поспешили заверить квакеров в том, что благотворительные программы необходимы, и их нужно продолжать. После совещания, посвященного положению с продовольствием и необходимости привлечения продовольственной помощи в зимний период, Теодор Ригг рапортовал главе британского Комитета помощи жертвам войны, что «совещание прошло удовлетворительно в том смысле, что оно обнаружило желание новых представителей власти сотрудничать с нами»⁴.

И Ригг, и Анна Хэйнс отправляли длинные письма и телеграммы в Лондон и Филадельфию в конце декабря, сообщая о необходимости расширить программы благотворительной помощи квакеров в Бузулуке и других регионах. Одновременно с оказанием гуманитарной помощи они также претворяли в жизнь квакерские ценности. В раздельно посылаемых докладах Генри Кэдбери (главе Комитета по делам России КСАД) и Рут Фрай (главе Комитета помощи жертвам войны британского Общества Друзей) они писали: «Мы также думаем, что, поскольку мы сохраняем нейтралитет в бушующих на территории России конфликтах между разными сторонами... мы могли бы делать некоторые дела... лучше, чем местные люди... таким образом, я без тени сомнения заявляю, что пришло время помочь... оказывая помощь сегодня, мы можем в каком-то смысле уменьшить пропасть между разными российскими лагерями»⁵.

Тем временем по другую сторону Атлантического океана глава КСАД Руфус Джонс надеялся, что квакеры сыграют определенную роль и в примирении России с США. В начале ноября 1917 г. он обратился к правительству США за разрешением расширить работу КСАД по оказанию помощи в России, а именно организовать поставки продовольствия, перечисление денежных средств и приезд новых сотрудников. Джонса поддержал помощник министра обороны Ньютон Бейкер, сообщивший ему, что «российские границы вновь открыты, и он предлагает помочь в обеспечении въезда для наших миссий»⁶.

К весне 1918 г. хаос в России усугубился. Русские люди были измучены войной, дисциплина в армии безвозвратно подорвана. Третьего марта был заключен Брест-Литовский мир, в результате которого Россия признавала свое поражение в войне с Германией, а советское правительство лишилось Восточной Польши, Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Разочарование британских и американских лидеров, вызванное выходом России из войны, стало причиной их отказа иметь всякое дело с большевиками, и запрета на присутствие сотрудников организаций из этих стран на контролируемых большевиками либо спорных территориях. В условиях разразившейся гражданской войны невозможно стало поддерживать связь с другими странами, что поставило под угрозу деятельность действовавших на

тот момент международных программ благотворительной помощи, вопрос же об учреждении новых даже не обсуждался.

Ситуация в Бузулуке также ухудшилась — большевистские комиссары начали проводить массовые расстрелы своих политических противников, а квакеры наряду с местными чиновниками находились под их пристальным вниманием. Тем временем, работники миссии Джон Рикман и Лидия Льюис полюбили друг друга и решили заключить брак. Очевидец многих расстрелов, Рикман писал своей матери, что он нашел способ выразить свое несогласие с убийствами, не подвергая опасности благотворительную деятельность квакеров:

«Тогда мы, будучи полны спокойствия, приняли решение идти в Трибунал и рассказать им о том, что мы были свидетелями сцены, которая имела место днем... и верим в то, что они осудят такое вытеснение правосудия законами толпы... Мы полагали, что наилучший способ убедить их, что мы им доверяем — это обратиться в их адрес не только с критикой, но и одновременно с просьбой о регистрации брака»⁷.

План Джона и Лидии оказался действенным. Массовые расстрелы на время прекратились, деятельность квакеров продолжалась без помех, а местный уполномоченный комиссар в Бузулуке зарегистрировал их брак⁸.

В Лондоне и Филадельфии члены общины проявили беспокойство по поводу беспорядков в России, а также полного отсутствия связи с работниками миссии в Бузулуке. В апреле Исполнительный секретарь КСАД Винсент Николсон сообщил Анне Хэйнс, что, несмотря на первоначально положительный ответ на ее телеграмму от 31 декабря 1917 г., в которой содержалась просьба об увеличении объемов благотворительной помощи, неопределенность ситуации в России и отсутствие информации о ее дальнейшем развитии стали причиной нежелания Комитета привлекать дополнительные средства. Но все же сбор пожертвований и набор новых сотрудников продолжился, и к июню мнение Николсона изменилось. Он писал Хэйнс: «Уверенность моя в будущем нашей миссии в России не была ни на минуту поколеблена, и мы становимся все более и более в ней заинтересованы». Он добавил, что, несмотря на враждебность «общественных настроений по отношению к России... наша работа в качестве центра распространения

нения английского и американского влияния будет объектом растущего интереса в самых разных ведомствах»⁹.

Однако, до того момента, как письмо Николсона было получено Анной Хэйнс (март 1919 г.), прошло девять месяцев. 26 июня 1918 г. чехосlovakские войска и их союзники захватили Бузулук, практически полностью отрезав всю связь города с центральной Россией. Красноармейцы, казаки и белочехи поочередно производили аресты среди квакеров, но потом неизменно освобождали и позволяли вернуться к своей работе. К сентябрю большевики вновь взяли город. Но основная проблема — получение средств из Лондона или Филадельфии — оставалась нерешенной. Один из квакеров, врач Дж. Пирсон, провел целую неделю в Саратове, пытаясь обналичить кредитное письмо¹⁰.

Теодор Ригг совершил поездку в Москву с целью получения денежных средств от Британского посольства, не раз рискуя жизнью при пересечении линий фронта, оказываясь сначала среди большевиков, а затем среди белочехов. На обратном пути у него уже были при себе «охраные грамоты» — письма британских и советских властей, — которые он показывал в случаях необходимости, пока не добрался до Бузулука, имея при себе 250 000 рублей, хорошо спрятанные под одеждой¹¹.

Квакеры в Бузулуке продолжали работать в течение всех революционных событий вплоть до осени 1918 г., но ни финансовая поддержка КСАД, ни героизм Теодора Ригга не смогли обеспечить устойчивого продолжения программы. Беспокойство родственников работающих в России квакеров, политическая нестабильность и трудности, связанные с привлечением новых сотрудников, сыграли свою роль. Но, возможно, решающим фактором стал полный разрыв дипломатических отношений между большевиками и правительствами Союзных держав в июле и августе 1918 г. К октябрю сотрудники американского консульства и весь дипломатический корпус, а также работники Американского отделения Красного Креста и практически все прочие граждане Соединенных Штатов Америки и Великобритании покинули Россию. Защищать интересы союзников осталось лишь Датское отделение Красного Креста¹².

Офис квакеров в Москве в Борисоглебском переулке в 1922–1931 гг.

Но даже после этих событий многие квакеры отказывались уезжать. Некоторые из них, включая Анну Хэйнс, переехали в Омск, в то время находившийся под контролем чехословацких войск, и поступили на работу в Американское отделение Красного Креста¹³. Для Теодора Ригга и Эстер Уайт разрыв дипломатических отношений, гражданская война, и вспыхнувший в центральной части России красный и белый террор ознаменовали начало их большой работы по спасению российских детей.

От благотворительной помощи к пропаганде идей

Во время своей поездки в Москву в 1918 г. на поиск средств для финансирования программы в Бузулуке, Теодор Ригг впервые узнал о бедственном положении детей в московских сиротских приютах. Он также обозначил необходимость расширения деятельности квакеров, принимая во внимание стремительно меняющуюся послевоенную обстановку в России. 9 июня он писал Рут Фрай о новых открывающихся перспективах:

Я недавно выехал из Бузулука немногим более, чем на две недели, и понял, что наступившие перемены уже... значительны расширили горизонты нашей работы в России... В Бузулуке мы изолированы от понимания того, что происходит в

«МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТЯМ И МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ...»

России и... зачастую теряем прекрасные возможности для развития, не имея необходимых контактов в столице. Мне кажется, что открытие представительства в Москве будет неоценимо с точки зрения расширения и продолжения работы в России.

Ригг писал, что «необходимость оказания благотворительной помощи беженцам, как мне кажется, растет с каждым днем» и добавлял, что Е.К. Боллс предлагает другой подход к решению проблемы. Согласно его мнению, квакерам будет удобнее распределять благотворительную помощь не напрямую, а через российские организации, в частности, толстовцев:^{*}

[Боллс] по-прежнему готов помогать нам, но ему кажется, что наша поддержка... должна распределяться... через... московское движение толстовцев, таким образом, чтобы мы могли делегировать им часть работ, финансируемых из наших средств. ... Толстовцы могут дать российским крестьянам и беженцам даже больше, чем можем им дать мы... и в сотрудничестве с толстовцами мы сможем помогать России на более постоянной основе, чем работая независимо... На этом этапе мы переходим от собственно помощи к пропаганде идеалов, что пусть и не является первичной целью Комитета, но, очевидно, было бы поддержано квакерами.

Предчувствуя скорое появление разногласий о методах работы, которые в дальнейшем сопутствовали деятельности квакеров в России на всем ее протяжении, равно как их различных организаций служения, Ригг продолжал:

Сегодня, без сомнения, квакеры имеют уникальную возможность возродить дух общественного служения среди русских, которые своим идеалистическим мировоззрением очень похожи на Друзей... Таким образом, наша миссия стоит на разилке двух дорог: одна из них предполагает временное оказа-

* Еще в 1892 г. писатель и проповедник «непротивления злу силовою» Лев Толстой вместе со своим сыном открыли 270 бесплатных столовых в Самаре. После его смерти в 1905 г., его последователи сформировали разрозненные группы вегетарианцев, пацифистов и духовных искателей. Возглавляемые секретарем и ближайшим учеником Толстого Владимиром Чертковым, эти группы процветали между 1916 и 1927 гг., в период, когда советская власть поощряла религиозные и философские течения, противоречащие учению Русской Православной Церкви. Однако, в конце 1920-х гг. даже они были подвергнуты преследованию и в 1928 г. полностью прекратили свое существование.

ние благотворительной помощи, как... в Бузулуке, так и в тысячах других городов... а другая... величайшую в истории возможность оказать влияние на духовность России в ее стремлении восстановить истинную демократию¹⁴.

Спасение детей в 1918–1919 гг.

Определив роль квакеров, как посредников и строителей демократии, Ригг вновь должен был погрузиться в решение неотложных задач по оказанию помощи нуждающимся. Он связался с пироговцами (Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова), одним из московских объединений толстовцев, содержавшим четыре сиротских приюта. В летнее время малолетние обитатели приютов развозились в лагеря под Тамбовом и Воронежем. Представители Пироговского общества были обеспокоены проблемой обеспечения детей всем необходимым по возвращении в Москву на зиму, принимая во внимание существующие финансовые трудности и плачевые перспективы относительно продовольствия и отопления в городах центральной России. Письмо Ригга к Рут Фрай, датированное 21 августа 1918 г., описывает общую ситуацию, некоторые детали и перспективы его работы:

Уже прошло пять недель с тех пор, как я написал Вам и... со времени приезда в Москву у меня не было ни единой возможности переправить письмо Вам. Но в скором времени такая возможность представится, сотрудники британского посольства должны уезжать из Москвы... Мисс Уайт вместе со мной приехала в Москву, чтобы понять, как можно помочь Пироговскому обществу в их работе по определению голодающих детей в колонии на будущую зиму.

Ригг и Уайт дважды пересекали Волгу, переходя несколько раз с территорий, контролируемых большевиками, на территории, контролируемые белочехами. На этот раз Риггу действительно понадобились охранные документы, которые он сохранил с прошлой поездки – белочехам он показывал британский паспорт, а большевикам письмо за подписью наркома иностранных дел Георгия Чicherina.

Из-за серьезных трудностей, с которыми нам пришлось столкнуться в дороге, путь из Бузулука до Москвы занял у нас две недели... спустя два или три дня после приезда в Москву мы решили... съездить взглянуть своими глазами на четыре коло-

«МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТЯМ И МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ...»

ни в Воронежской и Тамбовской губерниях (на расстоянии примерно 200 миль от Москвы), чтобы иметь некоторое представление об их деятельности перед встречей с Комитетом Пироговского общества. Дорога вновь оказалась очень трудной, но это сделало нашу поездку порой интереснее и необычнее, чем мы ожидали... Из двенадцати дней мы провели в дороге десять. Мы проехали 160 верст (около 170 километров) от села Анна до села Воронцовка на тарантасе и телеге, много раз подвергались изнуряющим ожиданиям на железнодорожных переездах, проехались и в первом классе, и в вагоне для скота, и даже на крыше поезда под проливным дождем.

В последнем случае мы пытались пройти внутрь каждого вагона... и в конце концов, когда ни в одном из двух проходивших через станцию поездов не нашлось места, мы поняли, что выбора у нас нет, и забрались на крышу.

Мы были впечатлены работой, проведенной Пироговским обществом за столь короткий срок – им удалось вывезти из Москвы в сельскую местность 570 детей... Несмотря на то, что в большинстве случаев дети были плохо одеты, здоровье их, вследствие пребывания в деревне, заметно поправилось... Нам сразу стало ясно, что если работа колоний будет продолжена в зимнее время... многое придется переделать, а также подыскать новые здания. Ни в одной колонии мы не обнаружили условий, которые удовлетворяли бы потребностям детей в зимнее время года...

Рабочие... предлагают свои услуги только летом... Словом, если дети остаются в деревне на зиму... потребуются новые, меньшие по размеру здания и новые сотрудники для работы в них... По прибытии в Москву... нас ждало разочарование, поскольку мы узнали, что Комитет... отказывается продолжать работу... председатель и секретарь объяснили нам, что даже принимая во внимание финансирование, которое мы предлагаем, обустройство зимних колоний для 570 детей невозможно.

Мы предложили, чтобы наше Общество Друзей работало в качестве отделения их Комитета и приняло на себя полностью заботы о финансовом обеспечении и обустройстве двух колоний, рассчитанных на восемьдесят детей каждая. Кроме того, мы предложили 20 000 рублей для обустройства и закупки всего необходимого для... двух колоний, которые должны были бы... напрямую поддерживаться Пироговским обществом.

Эти два члена Пироговского общества... не были готовы принять на себя ответственность за детей в условиях сегодняшней политической нестабильности... Они... пригласили меня... на собеседование с комиссаром... чтобы я непосредственно ему озвучил наше желание помочь в обустройстве зимних колоний. Мы были тепло приняты комиссаром... который осознавал необходимость проживания детей в деревне в зимнее время, но опасался, что ему не удастся найти деньги для обустройства столь большого количества колоний в такой короткий срок... до наступления осени, когда детей потребуется переселить в теплые здания... Он согласился предоставить нам шефство над двумя колониями, чтобы мы имели возможность снабдить 160 детей одеждой, обувью и всем необходимым.

Здесь море работы и огромная нужда в нашей помощи, поскольку все население Москвы медленно, но верно умирает от голода... Но я все же полагаю, что мы сможем спасти большую часть детей от возвращения в голодящую Москву¹⁵.

24 сентября Ригг докладывал Рут Фрай: советские органы социальной защиты и Пироговское общество передают полномочия по обустройству трех детских колоний Обществу Друзей до 31 марта 1919 г., когда все полномочия должны будут отойти обратно советскому правительству. Власти также согласились снабдить колонии постельным бельем, одеялами, полотенцами, зимней одеждой и выделить 100 000 рублей на ремонтные и строительные работы. Представители квакеров согласились взять на себя организацию обустройства колоний, закупку продовольствия и обучение детей, в том числе ремеслам¹⁶.

Здание кумысной лечебницы близ Тузкого

Так возник Московский квакерский центр, работу которого первоначально обеспечивали Эстер Уайт и Михаил Хорош, толстовец и секретарь Пироговского общества. Уайт принимала персонал и осуществляла общее руководство, в то время как Хорош поддерживал связь с советскими органами социальной защиты, а Ригг контролировал работу непосредственно на местах. Он также налаживал отношения с местными советами и комиссарами сельского хозяйства, чтобы снабдить колонии продовольствием.

Это было нелегкое время: вокруг царила неразбериха, политическая нестабильность, экономический упадок. Невозможно было достать самое необходимое. Большевики начали производить массовые аресты среди своих действительных и предполагаемых противников, но Уайт и Ригг, очевидно, не испытывали больших трудностей. В Москве они жили у толстовцев, которые имели возможность доставать продовольствие и дрова в сельских районах и которых, несмотря на антибольшевистские взгляды, ВЧК до поры, до времени не трогала. Теодор Ригг восторгался поддержкой, которую оказывал им нарком иностранных дел Г.В. Чicherин и сотрудники советских органов социальной защиты: «В то время как все британские и французские чиновники в Москве арестованы, мы свободно разъезжаем по городу и сельским районам»¹⁷.

В письмах Эстер Уайт содержатся другие подробности о работе по спасению детей и политической обстановке в стране. 1 октября она писала из Москвы:

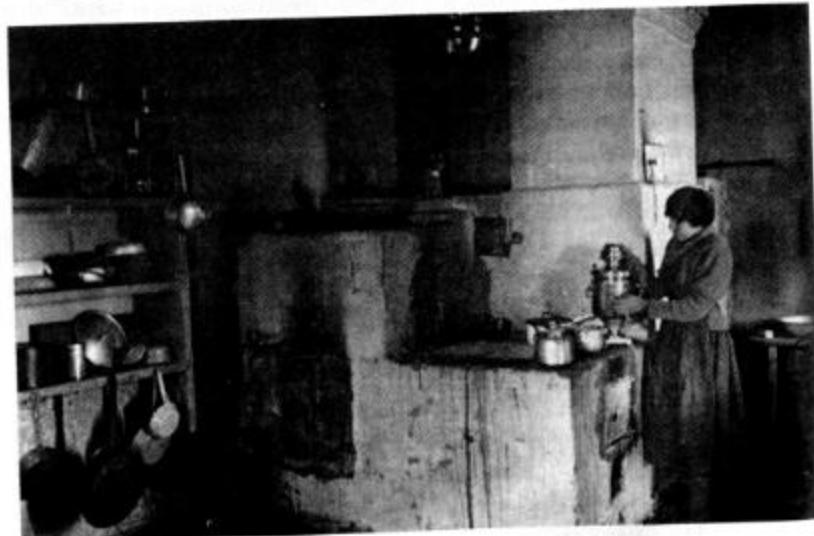
Последние шесть недель были ужасными для детей. Оформление всех необходимых соглашений, гарантий и разрешений, казалось, не закончится никогда. В это время в колониях не было денег даже на питание. Погода стояла отвратительно холодная, а дети были одеты в легкую износившуюся за лето одежду — ее едва хватало на всех, поэтому о том, чтобы надеть один комплект поверх другого, мечтать не приходилось. Жили все в нищенских условиях, некоторые спали на полу, не имея ничего, чем можно было бы укрыться. Ни один из домов не отапливался. Я сама в Москве согревалась в эти дни только в постели либо на солнце, так что не могу даже представить себе, каково должно быть им было там, в деревне, когда дождь не заканчивался целый месяц, и грязь стояла по колено.

Нам нескончально повезло, мы смогли наладить отношения с советской властью. Они очень рады нашей помощи и, ка-

жется, готовы позволить нам мирно работать, как мы того и желаем. Майор Уордвелл из Американского отделения Красного Креста высказал сомнения по поводу моего намерения провести здесь зиму, но если мое положение довольно деликатное, то положение мистера Ригга и того хуже. У нас есть очень серьезные охранные бумаги от министерства иностранных дел, к тому же мы фактически работаем с советским правительством. Сейчас положение иностранцев стало легче, и я уверена, что правильным будет оставаться здесь столько, сколько нам будет позволено, чтобы делать добро, которое нам позволяют делать¹⁸.

В обстановке неизвестности и постоянной нужды Ригту и Уайт удавалось сохранить чувство юмора. Ригт завершает свое письмо к Рут Фрай от 21 августа 1918 г. мольбой о «булочной, кондитерской, фруктовом садике и буханке хлеба»¹⁹. Эстер Уайт в письме от 2 октября из Москвы так описывает свою жизнь:

Мы надеялись... привезти... от трехсот до пятисот детей из Москвы и разместить их в приюте в Самаре. Этот год выдался на удивление урожайным... Хлеба было много, и стоил он дешево, а поскольку нас здесь хорошо знали, все это казалось разумным... Однако, политические и военные события разворачивались столь стремительно... что невозможно стало даже мечтать об этом²⁰.

Анна Хэйнс (?) на кухне русской избы

Шестью неделями позже Теодор Ригг детально описал политическую обстановку и найденный выход из сложной ситуации в своем письме Рут Фрай:

Мы получили Вашу телеграмму, переданную через Министерство иностранных дел Голландии... в условиях нашей изоляции получение такой телеграммы стало обнадеживающим событием... нам крайне интересно, какие новости поступают из Бузулука, поскольку мы так и не можем с ними связаться...

Мы сделали все возможное... чтобы обеспечить безопасность миссии в Бузулуке на случай его повторного захвата советскими войсками. Мы убедили советский Наркомат иностранных дел направить телеграмму командующему советскими войсками... с просьбой принять во внимание деятельность миссии. Также письмо было направлено в Народный комиссариат по военным и морским делам... письмо было отправлено удачно... практически перед самым захватом города... но было ли оно действительно получено командующим... сказать сложно. Мы также запросили в Народном комиссариате иностранных дел сведения о том, продолжает ли наша миссия работать в Бузулуке, и, в случае положительного ответа, просили их предоставить списки оставшихся работников... Ответа пока нет, но я надеюсь получить его... в ближайшие два или три дня. Если ответа так и не последует, я намерен лично поехать туда и узнать обстановку, но в настоящий момент я не могу уехать из Москвы из-за обстоятельств, связанных с тамбовскими колониями. Однако, как только мне удастся освободиться, я думаю... предпринять поездку в Бузулук, несмотря на то, что она обещает быть весьма трудной, и, в случае, если наша миссия уже покинула город, наведет на меня подозрения со стороны местных властей.

Мисс Уайт продолжает вести дела нашей конторы, пока я отсутствую в колониях... Хорош, наш русский представитель, оказывает неоценимую помощь, добывая... все необходимое либо бесплатно либо... по ценам, которые действуют для советских граждан... В теперешних условиях та работа, которую он проделал, могла быть выполнена только русским человеком, вхожим в советские министерства и обладающим очень настойчивым характером²¹.

Обеспокоенность отсутствием связи с членами миссии вынудила КСАД Филадельфии обратиться 10 декабря 1918 г.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 20-Х ГГ. ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

в Государственный департамент США с просьбой связаться с Эстер Уайт в Москве. 21 декабря был получен ответ из Государственного департамента:

Господа,

Департамент получил ваше письмо... в котором вы просите связаться с Эстер Уайт, членом миссии в Москве, с помощью почты или телеграфа и уточняете возможность переправить ей деньги.

Извещаем вас, что Департамент получил депешу о том, что послы Швеции и Норвегии были отзваны из России правительстваами своих стран. Поэтому мы должны с сожалением сообщить вам, что ввиду чрезвычайных обстоятельств, имеющих сегодня место в России, связаться с мисс Уайт в Москве по поводу не представляется возможным, равно как и переправить ей деньги. Что касается возможности связаться с ней при помощи телеграфа, извещаем вас, что Департамент предпринял попытку собрать данные об американских гражданах, проживающих в Москве, но она оказалась неудачной. Если, несмотря на выше изложенные обстоятельства, вы все же намерены продолжить попытки связаться с мисс Уайт, чтобы убедиться в ее благополучии, мы предлагаем вам выплатить чек на сумму 25 долларов в пользу Государственного департамента для того, чтобы покрыть возможные расходы Департамента на телеграфную связь для проведения требуемого расследования.

Ваш покорный слуга,

Уильям Филипс (подпись)

Помощник временно исполняющего обязанности
государственного секретаря США²²

В итоге, голод, неопределенность и отсутствие связи с внешним миром подорвали твердость духа сотрудников миссии. Более или менее подготовив детские колонии к зиме, Ригт пребывал в уверенности, что Хорош в марте передаст управление ими советским властям, как и было запланировано. И он, и Эстер Уайт желали вернуться домой, чтобы отчитаться о проделанной работе и подобрать себе замену. Они покинули Москву в 1919 г. в вагоне с оцеплением, в котором были также вывезены граждане Франции и Финляндии, только что получившие разрешение на выезд. Эстер Уайт была, очевидно, последним гражданином США, покинувшим советскую Россию в то время. Они прибыли в Лондон 1 марта 1919 г.²³

«МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТАМ И МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ...»

Переговоры о возвращении

В то время как Теодор Ригт и Эстер Уайт возвращались в Лондон (а Анна Хэйнс и другие покидали Россию через Владивосток), КСАД в Филадельфии и Комитет помощи жертвам войны в Лондоне набирали и обучали персонал, а также вели переговоры о возможном возвращении квакеров в центральную Россию. В отчете КСАД о работе в России заявлялось прямо: «не нужно жалеть сил в деле возобновления нашей деятельности в России»²⁴. Рут Фрай писала Анне Хэйнс в марте 1919 г. о том, что британские квакеры намерены «сделать еще одну попытку получить добро от Министерства иностранных дел на выезд небольшой группы в Россию»²⁵, а также продолжать сотрудничество с КСАД.

В это же время представители стран Антанты (США, Великобритании, Франции, Японии и Италии) собирались в Париже для заключения мира с Германией по окончании I Мировой войны. Показательным был тот факт, что Россия не была приглашена к участию в мирной конференции по причине захвата власти большевиками. Люси Бидл Льюис (мать той самой Лидии Льюис Рикман, члена первой группы, работавшей в Бузулуке) входила в состав небольшой квакерской делегации на Парижской мирной конференции, выступавшей за возобновление работ по спасению жителей России²⁶. Квакеры также пытались провести переговоры с большевистским правительством в Берлине, Риге, Нью-Йорке и Москве²⁷. В январе 1920 г. союзники сняли экономическую блокаду, а в июле Государственный департамент США и Министерство международной торговли ослабили ограничения по оказанию помощи и торговле, таким образом, открыв новые возможности²⁸. КСАД сразу же обратился за разрешением о доставке благотворительного груза в Россию в сопровождении нескольких человек, которые обеспечивали его справедливое распределение. Госсекретарь Бэйнбридж Колби в ответ озвучил официальную позицию правительства: «Государственный департамент не будет создавать препятствий в деле доставки благотворительных грузов в Советскую Россию»²⁹. Далее в ответном письме Государственного департамента говорилось: «Представители, которых вы полагаете направить... должны понимать, что они принима-

ют весь риск на себя и не могут рассчитывать на защиту нашего государства, находясь на советской территории»³⁰.

За это время британские квакеры уже успели получить разрешение от большевистского правительства на возвращение, но только с целью доставки благотворительных грузов. В марте и апреле 1920 г. Хинман Бейкер сопровождал 50 тонн сухого молока, рыбьего жира, мыла, риса, овсяной крупы и медикаментов, предназначенных для детей, детских больниц и здравниц Петрограда и Москвы. Грегори Уэлч, приехавший в Бузулук впервые в 1916 г. (и затем несколько раз возвращавшийся туда) писал о поездке Бейкера, а также о появляющихся разногласиях по поводу политики, работы и миссии квакеров:

Условия... и впрямь наводили тоску. Дров не хватало, так что в течение всей зимы температура в жилых домах была близка к точке замерзания. Люди и днем и ночью носили однушку и ту же одежду, включая верхнюю, порой кишевшую вшами, так что многие пали жертвами тифа. Развал транспортной системы отрезал Москву и Петроград от сельской местности, таким образом, лишив их возможности получать самые необходимые продукты. Масло, мясо, чай и другую провизию можно купить — но стоимость одного фунта любого продукта равна размеру двухнедельного жалованья. Все население питается только черным хлебом, пустыми шами и крупой. Тем не менее, пребывая в столь жалком состоянии, они как-то существуют и, как я прочитал в одной советской газете: «Радостно видеть рабочих России, оказавшихся за чертой бедности, но все же не изменяющих своему идеалу, и вносящих каждый свой вклад в строительство нового социалистического порядка».

Хинман Бейкер встретился... с руководителями детских учреждений и комиссарами здравоохранения, образования и других сфер, чтобы распределить доставленный груз... Он посетил приюты, школьные столовые... госпитали и детские больницы, чтобы понять, в чем они испытывают первостепенную нужду. Испуганные оборванные дети стали живым свидетельством. Мы довольны хотя бы тем, что эти дети в течение нескольких месяцев смогут питаться яйцами, молоком, маслом. Он остался доволен предложенной схемой распределения и отметил, что на нынешнее руководство страны, в отличие от предыдущего, можно положиться. Трудно передать благодар-

ность русских. Когда Хинман Бейкер покидал Петроград, некоторые чиновники его обнимали и целовали.

Его наблюдения... ценные тем, что они дают нам возможность увидеть положение дел в мае месяце глазами приезжего... Вкратце, он засвидетельствовал небывалое воодушевление в рядах коммунистической партии (к этой партии принадлежит примерно 1% населения). Коммунисты пребывали в полной уверенности того, что при наличии транспорта и внешнеторговых отношений, им удастся построить идеальное общество. Есть сведения, что фабрично-заводские комитеты будут упразднены, и вся сохранившаяся промышленность будет подчиняться центру. В Петрограде и Москве промышленности почти не осталось из-за нехватки горючего и сырья. Согласно политике продразверстки все излишки сельхозпродукции должны сдаваться государству в обмен на ничтожные суммы ничего не стоящих бумажных денег. Крестьянство противится такой политике, и пока государство не сможет предоставить взамен одежду, технику и тысячи других вещей, в которых сегодня есть острая нужда, большинство граждан России будут настроены против большевизма.

К концу этого месяца мы надеемся... распределить еще 1000 тонн детской помощи. Это, конечно, временная работа. Нашей же целью является оказание помощи России в качестве посланников общества квакеров. Мы надеемся, что таким образом мы сможем возобновить постоянную работу миссии в России и укрепиться здесь лучше, чем это нам удавалось до сих пор³¹.

Крестьяне покидают свои дома в поисках пропитания

После возвращения Бейкера на родину в июне 1920 г. другой британский квакер, инженер Артур Уоттс, получил разрешение сопровождать следующий груз продовольственной и медицинской помощи в Россию. Его письмо от 21 июля 1920 г. рассказывает о трудностях, возникших при попытках встретиться с большевистскими властями, а также содержит некоторые личные наблюдения за жизнью в советской России:

С тех пор, как я писал в последний раз, было получено разрешение на короткий визит в Россию Грегори Уэлча... с условием, что он будет строго придерживаться своей миссии... касательно возвращения на родину детей из Владивостока. Разрешение Хинману Бейкеру все еще не подписано, по причине того, что у него нет четкой цели приезда. В этом отношении власти непреклонны... пока продолжаются военные действия, думаю, вряд ли представится возможность получить разрешение на въезд более, чем для одного человека... если только по каким-то обстоятельствам в этом не возникнет острой необходимости...

Я писал в предыдущем письме о моем посещении Народных комиссариатов труда, социального обеспечения и здравоохранения. За это время я встретился также с работниками Народного комиссариата просвещения, а в минувший понедельник состоялось совещания с участием представителей каждого из перечисленных ведомств, а также Всероссийского совета защиты детей и меня (с переводчиком)...

Мне повезло, что в течение всей моей поездки меня сопровождал один и тот же переводчик, с которым мы много общались и вне различных совещаний, так что в результате он хорошо понимает проблему и проявляет живой интерес к нашей работе. Он представляет для меня большую ценность и много помогает в моей работе, так что я чувствую уверенность в том, что смысл моих слов передается различным моим собеседникам без искажений.

С субботу... я принял участие в так называемом «субботнике». Я был сильно впечатлен — несмотря на то, что некоторые говорят о полупринудительном характере подобных мероприятий, я действительно почувствовал искреннее стремление участников поработать на благо государства, и не заметил никаких следов принуждения. Мы прошагали несколько миль от центра города и затем разгружали и загружали грузовики около

железной дороги. Затем мы то же самое проделали с железнодорожными вагонами, а женщины тем временем... перевозили песок для строительства новой железнодорожной ветки. После того, как работа была закончена, мы все вместе отправились на станцию, где я узнал, что нам положен дополнительный фунт хлеба, но мы единодушно решили отказаться от него в пользу нуждающихся.

Грегори Уэлч прибыл в июле, доставив очередную партию продовольственной помощи, с целью обеспечить всем необходимым Петроградскую детскую колонию. Он работал вместе с Артуром Уоттсом в Москве с 24 июля по 24 августа 1920 г., распределяя привезенный груз и участвуя в переговорах с российскими чиновниками. Но у Уэлча была и другая задача. Как им упоминалось уже в отчете Хинману Бейкеру, он надеялся организовать программу «Посланники квакеров» — постоянную миссию в России, которая занималась бы образовательной и религиозной деятельностью, особенно в поддержку российских толстовцев.

Уэлч оспаривал соображение, что постоянное присутствие квакеров в России с целью оказания продовольственной, медицинской и прочей благотворительной помощи «является невозможным», так как «советское правительство полагает, что обеспечение граждан продовольствием, одеждой и медицинской помощью — исключительно дело государства, и благотворительные организации не должны вмешиваться... все, что мы можем — снабжать Россию всем необходимым... всем остальным они займутся сами». Он убеждал Уоттса остаться в Москве потому, что его терпение и деятельный характер помогли бы «поднять престиж» миссии и открыли бы путь к учреждению постоянного «Посольства квакеров». Уэлч хотел, чтобы квакеры также оказывали поддержку «алчущим духовной пищи», тем самым давая знание о квакерах тем россиянам, которых заинтересовало это религиозное учение. Если это не станет возможным, квакеры должны навсегда покинуть Россию³³.

Уоттс утверждал обратное: бесконечные совещания, обстоятельные переговоры, тщательные проверки и распределение привезенных грузов, а также его сотрудничество с комиссарами просвещения, здравоохранения и социального обеспечения показали, что долгосрочное сотрудничество в сфере ока-

зания благотворительной помощи было и возможно, и востребовано. Для него огромная система, состоящая из школ, столичных, военных госпиталей и солдатских казарм, детских приютов, больниц и родильных домов, пунктов питания для старииков, беженцев и семей погибших служила живым доказательством того, что необходимо продолжать и расширять работу по поставкам благотворительных грузов. С точки зрения Уоттса, если бы квакеры держались в стороне от политической, религиозной и философской пропаганды, им бы было позволено остаться в большевистской России, а об их вере можно было бы судить по их делам³⁴.

Разногласия между Уэлчем и Уоттом отчетливо обозначились на совещании в Лондоне в октябре 1920 г. На этом совещании присутствовал Грегори Уэлч, только что вернувшийся из Москвы, и Люси Биддл Льюис, как представитель американских квакеров. По свидетельству Льюис, Уэлч доложил Комитету о том, что Артур Уоттс смотрит на советское правительство «сквозь розовые очки» и даже «сам является коммунистом», и что «под его руководством все наши начинания будут рассматриваться, как выражение нашего согласия с методами, которыми не брезгует советская власть». Льюис предположила, что критика Уэлча была вызвана в большей степени отказом советских властей в его въезде в Россию, причиной которому послужили его явные антибольшевистские настроения и тесные связи с толстовцами. Поддерживая Уоттса, Льюис заключает: «все, чего мы так долго ждали... оказалось вдруг вполне осуществимым, так что мы могли бы уже начать собирать средства для закупки продовольствия и других необходимых вещей»³⁵.

После долгих обсуждений лондонский комитет принял решение дать распоряжение Артуру Уоттсу ознакомить российское правительство с философскими воззрениями квакеров и их целями, прежде чем он будет заключать какие-либо новые соглашения по оказанию благотворительной помощи. Тем не менее, когда был получен черновик такой декларации, исполнительный орган КСАД немедленно провел внеочередное заседание и телеграфировал в Лондон о своем неодобрении подобных действий: «Не делайте никаких письменных за-

явлений. Доверьтесь представителям, и их способности донести всю информацию устно в подходящий момент»³⁶.

Артур Уоттс ответил дважды. 18 октября он написал красноречивое письмо своему основному политическому союзнику Сантери Нуортеве, начальнику отдела стран Антанты и Скандинавии Наркомата иностранных дел, описав в нем тонкую грань между духовным и политическим в работе квакеров:

Дорогой Друг!

Наш лондонский Комитет пишет о том, что прежде, чем они будут принимать решение о поставке продовольствия и других необходимых вещей в Россию на постоянной основе, они бы хотели, чтобы вы четко понимали, какие цели они преследуют, оказывая такого рода помощь.

Я убежден, что вы прекрасно понимаете – предоставление той небольшой помощи детям России не имело никакой политической подоплеки, а было лишь выражением любви и сочувствия по отношению к несчастным людям. Такая помощь, конечно, ни в коей мере не выражает нашего сочувствия по отношению к вашим политическим целям, а также средствам, которыми вы их достигаете. Это очевидно и потому, что мы помогаем нуждающимся детям и гражданскому населению во всех странах, независимо от форм их правительства... в Германии, Австрии, Польше, Сербии и Швейцарии...

Я убежден, что наш Комитет всегда с готовностью будет предоставлять продовольственную и материальную помощь там, где в ней есть нужда, не ставя никаких дополнительных условий, таких, как разрешение на распространение религиозного учения Общества Друзей. Тем не менее, они полагают, что Вам необходимо знать, что мы имеем желание вступить в религиозное братство с русскими людьми, которые исповедуют взгляды, схожие с нашими собственными.

Квакеры с момента своего появления и на протяжении 250 лет имели твердое убеждение в том, что ни одно социальное преобразование, основанное лишь на материальных ценностях, либо на физическом принуждении, не может достичь своих целей. Если оно не сопровождается также своеобразной духовной революцией, оно обречено на провал. Это убеждение вместе с исповедуемой нами сакральностью человеческой жизни привело к тому, что многие из нас предпочли тюремное заключение участию в массовом убийстве людей, которым является любая война, будь то война им-

периалистическая, либо имеющая своей целью получение личных или религиозных свобод...

В России проживает большое количество людей, исповедующих взгляды, похожие на наши, поэтому наше желание поддерживать с ними религиозное общение является вполне естественным.

Я не думаю, что наш Комитет имеет намерение продолжать работу в России лишь при условии, что нам выдадут разрешение на сотрудничество между нашим Комитетом и этими группами, ю им бы хотелось, чтобы вы знали о нашем желании и благоприятно отнеслись к тому, что наши представители будут работать в России и с этой целью³⁷.

На следующий день он написал подробный ответ в лондонский Комитет, озвучив в нем свои тревоги и уверенность в том, что предлагаемое заявление не только неуместно, но и может поставить под угрозу работу квакеров в России в целом. Он писал в Комитет:

Нет никакой опасности того, что вас заподозрят в сочувствии нынешнему правительству России, принятии их политических целей или средств их достижения. На вас, скорее, будут смотреть, как на буржуазных филантропов, предпринимающих попытки навстроить граждан против их правительства... Вы ведь не требовали расписки от царского правительства в том, что наша помощь не будет истолкована, как согласие с их политикой?... Интересно, почему Христос не подумал о подобной расписке прежде, чем исцелить слугу римского сотника? Если бы добрый самаритянин оставил после себя подробный документ, мы бы, наше, оценили его «квакерскую предусмотрительность», нотогда притча потеряла бы весь смысл... Я полагаю, что лучшего с нашей стороны будет показать российскому народу, что есть христиане, у которых сердце настолько большое, что они готовы оказывать совершенно бескорыстную помощь... Тысячи детей будут страдать в России от голода и холода грядущей зимой. Вы можете помочь только малой их части. Вы что же позволите им замерзать ровно до тех пор, пока вы не убедитесь, что ваша помощь будет правильно истолкована?³⁸

В начале ноября Анна Хэйнс (ранее член миссии в Бузулкуке) остановилась в Лондоне на пути в Москву, куда она направлялась в качестве американского напарника Уоттса. После встречи с Рут Фрай, Грегори Уэлчем и другими, она дала

свою оценку имевшим место противоречиям в письме к исполнительному секретарю КСАД Уилбуру Томасу:

Очевидно, что Комитет прислушивается к рекомендациям мистера Уэлча... Возможно, его внимание в большей мере было поглощено бедственным физическим и моральным состоянием небольшой группы толстовцев, с которыми духовно квакеры имеют много общего, но которым напрямую невозможно помочь... Уэлч не имеет ни хорошего представления о российской действительности, ни истинной любви к русским людям, его мысль попросту расходится с политическим курсом³⁹.

Последующие совещания примирili Уэлча и Уоттса. Уполномоченные лондонского Общества Друзей Уильям Олбрайт и Фредерик Либби отметили воодушевление, с которым была воспринята новость о начале совместной работы Уоттса и Хэйнс, которые были названы «единственными правильными людьми для подобного дела, которые, в случае оправдания всех наших надежд, смогут вымостить дорогу для отправки новых подкреплений»⁴⁰. Анна Хэйнс получила разрешение снова выехать в Россию 24 ноября.

Хэйнс и Уоттс сразу же погрузились в полную трудностей жизнь, состоящую из утомительных переговоров и тяжелой физической работы, результатом которой стали несколько важных достижений для миссии квакеров в России. Они подписали соглашение с Наркомпродом, закрепляющее право квакеров хранить, учитывать и распределять продовольствие и медикаменты, привезенные из Соединенных Штатов и Великобритании. Они получили в пользование конторское и складское помещения от Центросоюза – всероссийского объединения потребительских обществ. Хэйнс писала Уилбуру Томасу: «Люди, никогда не жившие в России, не представляют себе – сколько времени нужно потратить на малейшее продвижение какого-нибудь дела. Все, чего мы сегодня добились – это результат многочасовых ожиданий в мрачных приемных»⁴¹.

Проживающие в Москве англичане и американцы привлекли несколько сотрудников советского Наркомата иностранных дел, включая Сантери Нуортеву, на рождественский обед. Хэйнс потом написала Томасу, что за обедом Нуортева заметил, что квакеры «были единственной благотворитель-

ной организацией [в большевистской России], не уличенной советской властью в злоупотреблении своей деятельностью». Она добавила: «Такое доверие вызывает у нас сильное желание не только не совершать ничего, что может поставить под угрозу нашу работу, но и не получать каких-либо просьб относительно этого»⁴². Вскоре после рождественского обеда Нуортева еще раз продемонстрировал свое доверие к квакерам, уполномочив КСАД распределять помощь, полученную от Американского отделения Красного Креста, Американской администрации помощи и британского фонда «Спасем детей» «по поручению и от лица выше указанных организаций», в то время как квакеры продолжали работать в своей обычной манере⁴³.

Символ квакеров КСАД
(США) – квакерская звезда

Через несколько недель заголовок «Междунраодное служение Друзей, Общество Друзей – квакеры, Отдел помощи детям» появился на официальных бланках. Квакерская звезда располагалась рядом с русским текстом. К маю квакеры распределяли благотворительную помощь по всем детским домам Москвы. Подробное описание работы Анны Хэйнс приведено в главе 7.

4. ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА О ГОЛОДЕ

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ-КВАКЕРА В РОССИИ,
РАССКАЗАННАЯ АННОЙ ХЭЙНС

Когда человек видит заполненные мертвыми младенцами повозки, умирающих на улицах от голода детей и взрослых и ржавеющую поодаль сельскохозяйственную технику, которая в обычных условиях в России имеет ценность едва ли не большую, чем человеческая жизнь, у него пропадает всякое желание начинать свое повествование с остроты или веселой истории.

Я находилась в самом сердце страны, гибнущей от голода.

Я приехала в Самарскую губернию, в села, где когда-то жила... и имела возможность... сравнить жизнь крестьян сейчас, во время голода, с их образом жизни в другие годы, когда вокруг была война, но не было еще голода.. В этих села я когда-то пробовала самый прекрасный в России хлеб – удивительно воздушный и белый, и когда видишь, чем пытаются эти люди сегодня, начинаешь действительно понимать, что значит голод.

Когда мы поняли, что хотели бы лично ознакомиться с положением дел в селах, нарком здравоохранения доктор Семашко, сделал меня членом российской комиссии... по изучению состояния детей и изыскания возможностей направления им помощи из Москвы.

Я немного говорю по-русски и могу объясниться с крестьянами, поэтому я смогла сравнить официальные данные с рассказами православных священников, до сих пор представляющих собой самых консервативных членов общества, а также участников старых потребительских кооперативов и некоторых крестьян, с которыми я была знакома в прежние годы.

Мы два дня добирались от Москвы до Самары, самого крупного города в голодающем Поволжье. Для нас отвели крытый товарный вагон. Наш поезд насчитывал еще около шестидесяти товарных вагонов, потому как он следил в Ташкент, и почти каждый житель Самары мечтал на нем спастись от голода. На крыших

ехало людей больше, чем внутри, но и внутри все целиком было забито. Произошла ошибка, для нас не оказалось места, нас посыпали из одного вагона в другой. В конце концов, мы нашли вагон, в котором сорок шесть детей ехало из Самары в более благополучные детские дома Ташкента. Их сопровождали трое учителей, подхвативших ту жестокую форму малярии, при которой температура тела поднимается выше сорока одного градуса. Их был ужасный озноб. Дети сами контролировали ситуацию. Они кулаками и локтями выталкивали из вагона всех вознамерившихся занять в нем место: спекулянтов и просто путешественников. Мы изложили им нашу историю и сказали, что едем помогать детям, а не просто сбегаем из города, в котором ничего есть. Дальше нам пришлось подождать.

Дети удалились обратно в вагон и провели свой собственный маленький совет, решая запустить или нет. Наконец, дверь открылась. Их представитель, которому, скорее всего, не было еще и двенадцати лет, заявил, что поскольку мы преследуем благородную цель, то они предоставляют нам право ехать в их вагоне. Со стороны детей это была и впрямь большая жертва. В течение 15 часов они не смогли даже прилечь. Многие страдали от дизентерии, некоторые от малярии, но ни один не плакал, все сохраняли бодрость духа. В вагоне было полно клопов, это еще одна причина, по которой мы не спали всю ночь.

Следующим утром мы прибыли в Бузулук, а детям предстояло ехать еще целых три дня до Ташкента. На четыре дня путешествия каждому из них полагался лишь один фунт хлеба...

Ночь мы провели на полу в доме человека, которого я знала ранее, как самого зажиточного в селе. Одна из его невесток расположилась рядом со мной. Она рассказала мне, что каждое утро вся их семья из двенадцати человек уходит как можно дальше в степи в сопровождении одной единственной лошади, чтобы собрать траву и листья с кустарников, растущих по берегам немногочисленных ручьев. Деревья в тех краях не растут. Затем трава и листья высушиваются, перемешиваются со стружкой лошадиного копыта, и из полученного порошка выпекаются небольшие черные блинчики, которыми семья питается вот уже два месяца. Стружка копыта добавляется для того, чтобы смесь не рассыпалась — трава совершенно не содержит клейковины. Она признает, что даже если все они будут работать, не покладая рук, прокормить всю семью не удастся. До весны кто-то из них не доживет — говорит она со стоическим спокойствием. На самом деле, до весны не доживет большинство...

Квакерский трактор с гуманитарной помощью в Сорочинске

Вместо привычного для них урожая в тысячу фунтов зерна с одного акра, в этом году собрали жалкие четырнадцать фунтов, а в некоторых местах и того меньше... В марте насчитывалось 4 100 лошадей, к сентябрю осталось только 2 100. Коров в марте было 3800 голов, в сентябре — 1 600... Поголовье овец составляло в марте 9 200, к сентябрю же оно упало до 3 200, но хуже всего дело обстояло со свиньями. В марте в округе насчитывалось 342 свиньи, в сентябре их осталось только две. Эти цифры представляли для нас особенный интерес, потому как в Москве, посещая детские учреждения, мы часто задавали детям вопрос о том, что бы им хотелось съесть. Они чаще называли сливочное масло, а не сахар и конфеты, понимая, что именно оно может их спасти.

Прошлой осенью 40 000 акров было засеяно рожью и пшеницей... этого обычно более, чем достаточно, чтобы город мог питаться всю зиму. С каждого из этих 40 000 акров было собрано только 14, а не 1000 фунтов зерна. В этом году распахать смогли только 15 000 акров, но зерен пшеницы хватило лишь на 3000 акров. Если они не смогут получить еще зерна на семена, в следующем году голод в этих краях будет не менее жестокий, чем сейчас.

При царской власти в уезде работало восемь учителей. Их было достаточно, чтобы учиться могла лишь четвертая часть всех детей. За позапрошлый и прошлый годы количество учителей увеличилось до двадцати одного человека, таким образом, почти все де-

ти имели возможность учиться. Этой осенью, когда я приехала, их осталось только шесть. Для остальных не нашлось ни пищи, ни денег, ни крыши над головой, поэтому им пришлось уехать. Четыре человека из шести оставшихся предполагали покинуть город, как только представится оказия: ведь до ближайшей железнодорожной станции от города добираться приходится более суток...

Я попросила о встрече участника потребительского кооператива, одного из самых умных и способных людей в селе. Он занимался своим кооперативом при царском режиме, затем при Керенском и продолжал заниматься теперь, при большевиках. Я спросила, как идут его дела. Он улыбнулся и ответил: «Никак. Мой магазин пуст, зарплаты моей хватят теперь лишь на средней величины арбуз». Он рассказал мне, что наиболее зажиточные люди села сегодня едут на железнодорожную станцию за пятьдесят-шестьдесят миль и обменивают на хлеб одежду у спекулянтов, чтобы хоть как-то выжить. Но такая возможность есть у немногих, поскольку нужно иметь выносливых лошадей, на которых возможно проехать около ста миль и лишнюю одежду для обмена. Когда я уходила, его жена вышла со мной. Она заметила у меня небольшой фотографический аппарат и попросила снять ее младенца. Они с мужем попробуют продержаться, но ребенок, она знала точно, не переживет зимы, поэтому она хотела бы иметь карточку в память о нем...

Раздача одежды в русской деревне

На следующий день мы предприняли автомобильную поездку в уездный город чтобы посетить детские дома, учрежденные государством для полных сирот либо для детей, от которых родители отказались в надежде, что государство сможет лучше о них позаботиться. Мы приехали в детский дом, открытый в июле, когда миграция крестьян стала принимать широкие масштабы. Учреждение было рассчитано на 60 детей возрастом от 3 до 14 лет. В сентябре количество детей составило уже 450 человек, и в тот момент готовился к открытию второй детский дом. На 450 детей имелась ровно 31 тарелка и 31 чашка, еще в городе купить было невозможно. Их ежедневный рацион состоял из трех-четырех унций хлеба, выпеченного из сухой травы и горстки ржаной муки и супа из конины. Комнаты были почти пустые, кровати имелись только у небольшого количества детей. Стульев не было вообще, равно как и намека на какие-либо игрушки. В небольшой комнате располагалось восемьдесят семь детей, они сидели на полу и выбирали друг у друга вшей — это занимало их целый день. Некоторые выбегали на улицу и подбирали гнилые помидоры и арбузы, выброшенные приезжавшими в город крестьянами. Директор сказал, что сначала он пресекал такие попытки, но потом решил, что таким образом детям удастся хотя бы немного разнообразить свое питание... и перестал запрещать...

Учреждение, рассчитанное на детей возрастом от нескольких недель до трех лет, пребывало в еще более плачевном состоянии, поскольку столь маленькие дети еще не могли питаться черным хлебом и супом из конины. Когда мы спросили, где находится детский дом, люди на улице ответили: «Подождите, сейчас услышите». Не знаю, многие ли из вас смогут долго выносить мяуканье очень голодного котенка. Мы же услышали непрерывный плач голодных детей, находящихся от нас более, чем за два квартала...

Мы посетили детскую больницу, которая была открыта пять лет назад местными органами здравоохранения. Молодой врач рассказал мне, что в 1920 году ему не удалось спасти только 12 из 40 поступивших в больницу детей, а в этом году только в августе умерло 57 человек...

Насколько я знаю, квакеры являются единственной иностранной организацией, которая пытается что-то сделать не только для детей, но и для взрослых. Мы думаем, что это очень много значит для местности, где голод настолько жесток, что пищи едва хватает для детей. Мы уже получаем сведения о том, что

Раздача питания с врачебно-агитационного поезда, 1922 г.

как только люди узнают, что где-то детей еще получается накормить, они тут же оставляют свои села и своих собственных детей и уезжают туда, потеряв всякую надежду сохранить семью в преддверии грядущей зимы.

И еще я думаю, что экономическое состояние России серьезно пострадает, если мы позволим крестьянскому населению в этой местности полностью вымереть или разъехаться. Это приведет к тому, что следующей весной некому будет засевать поля и выращивать зерно.

Начальник Отдела помощи голодающим в Чикаго... [рассказал мне о том, что] в США остается в этом году пять миллиардов бушелей зерна, которые целиком и полностью избыточны... Фермеры... будут рады избавиться от него, поскольку оно затоварит рынок года на три, и будет удерживать цены на очень низком уровне. Все мы, живущие на побережье Атлантики, знаем, что многие суда простаивают без дела в портах. И неужели все мы будем сохранять спокойствие, зная, что по одну сторону океана гниют излишки зерна, а по другую его сторону десять миллионов человек умирают от голода? Неужели американской нации не под силу прокормить всего полтора миллиона детей?

Отрывок из публикации, напечатанной Фондом помощи голодающим в России, Нью-Йорк (1922)¹.

5. «ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

КВАКЕРЫ ГЕРБЕРТ ГУВЕР И РУФУС ДЖОНС;
КСАД И АРА В 1921-1922 гг.

Руфус Джонс и начало работы Комитета служения американских Друзей

Повествуя о работе американских квакеров в России в годы революции нельзя не упомянуть о Комитете служения американских Друзей (КСАД). История же КСАД в первые десять лет своего существования, несмотря на множество волонтеров и сотрудников, работавших в разных странах, неотделима от личности его первого председателя Руфуса Джонса: активиста движения квакеров, историка, профессора и преподавателя религиозных дисциплин в университете Хаверфорд. В 1917 г., ознаменованном учреждением КСАД и началом работы американских квакеров в России, Руфусу Джонсу исполнилось 54 года. В США ему удалось объединить квакеров с членами более широкого христианского экуменического движения. Его близкая дружба с Джоном Вильгельмом Роунтри (центральной фигурой в процессе становления современного движения британских квакеров) значительно повлияла на сотрудничество между Великобританией и США после I Мировой войны¹.

Эта дружба, а также уважительные дружеские отношениями между Джонсом и Гербертом Гувером, определили направление работы квакеров не только в России, но и КСАД в целом².

Руфус Джонс родился в семье квакеров в местечке Саут-Чайна в штате Мэн в 1863 году. Его вера была не раз испытана за годы занятий журналистикой и пре-

Руфус Джонс

подавательской деятельности, в путешествиях и спорах, связанных с американским квакерским движением. Случилась в его жизни и горестная полоса личных потерь. Его первая жена Сэлли скончалась от туберкулеза в 1899 г., а затем в 1903 г. смертельно заболел дифтерией любимый сын Лоуэлл, которому было всего 11 лет. В 1905 г. он потерял близкого друга и коллегу Джона Вильгельма Роунтри, умершего от пневмонии. Но в этом омуте скорби Руфус Джонс не только не потерял свою веру, но и укрепил ее.

Однажды, прогуливаясь по городу Бирмингему в Англии, Руфус Джонс увидел маленькую девочку, что было силы молотившую руками по железным воротам, которые случайно захлопнулись, оставив ее на улице. Она отчаянно плакала и звала свою мать. Джонс увидел, как мать девочки вскоре появилась и открыла ворота. Взял на руки испуганного всхлипывающего ребенка, она ласково спросила: «Ну что ты плачешь? Разве ты не знала, что мама обязательно придет?». Внезапно Джонс провел параллель со своей собственной жизнью, и спросил сам себя: «Разве ты не знал, что Господь обязательно придет на помощь?» Он понял, что Господь просто находится по ту сторону запертой двери. Как и мать маленькой девочки, Он все знал о страданиях Джонса и спешил открыть дверь. Более того, как и мать маленькой девочки, Бог страдал вместе со своим чадом.

Каждодневная реальность религиозного опыта стала краеугольным камнем для Джонса. Он резко осуждал любые догмы и каноны, а также все, что стремилось ограничить жесткими рамками взаимоотношения Бога и человека, представляющие из себя, по его мнению, плодотворные встречи, каждый раз происходящие по-новому. Он разделял мнение, что вера квакеров не может быть выражена словами, но, как в случае с Джорджем Фоксом или Джоном Вулманом, ее можно обрести только в результате личного переживания⁴.

В представлении Руфуса Джонса политическая активность по всему миру являлась не менее важной составляющей жизни квакеров, чем вера и духовная жизнь. Он был убежден, что «Бог, живущий в каждом» тоже взывал к личному участию в судьбе мира и что каждая внешняя инициатива, исходящая от Общества Друзей должна сопровождаться внутренними духовными переменами. Как он писал в одной из своих редких днев-

никовых записей: «Мы должны проводить работу в двух направлениях: 1) по улучшению политических отношений и идеалов и к тому, чтобы война вообще была вне закона 2) пообретению более глубокого духовного понимания и осознания⁵. Политические, экономические и социальные изменения, лишенные духовной основы, никогда не бывали долговечными. В 1927 г. он писал:

Наша истинная миссия, как Общества Друзей... заключается в том, чтобы помочь сформировать правильную среду, которая сможет дать почву для новой желанной нами цивилизации... Мы должны выработать в себе самих привычку делиться и сотрудничать. Мы должны быть готовы жертвовать наподобие того, как сейчас мы готовы к соперничеству. Этот новый дух и новый образ жизни невозможно ничем заменить... Нам нужны будут специалисты... но... мы никогда не будем жить на земле счастливо, мирно, беспечно и радостно, пока мы не научимся любить и понимать друг друга, пока не станем друг другу братьями, пока не поймем, что мы дети одного Отца⁶.

Начало I Мировой войны в Европе стало испытанием для квакеров в Соединенных Штатах. Джонс переживал духовный кризис, который стал своего рода проверкой его убежденностей в христианской вере и представлениях о гражданском долге квакеров. Как он писал в 1914 г., эта война стала «одним из тех ужасных событий, которые являются собой тяжелое испытание для нашей веры в Бога, в человеческие добродетели, в разумность бытия и дальнейший прогресс»⁷.

Вступление Соединенных Штатов в войну весной 1917 г. подвигло Руфуса Джонса на призыв к американским квакерам совместить свое позитивное духовное видение со служением. У него не было возможности присутствовать на первой встрече небольшой группы квакеров состоявшейся 30 апреля 1917 г., но о его авторитете можно судить по тому факту, что члены этой группы, затем получившей известность, как КСАД, просили его стать председателем. Он колебался, поскольку предполагал, что участие в подобной деятельности не оставит ему времени для преподавания, публистики и многих других обязанностей, которые он выполнял, являясь активным квакером. Члены Комитета заверили его, что ему придется лишь вести совещания и изредка консультировать их. Никто не мог и пред-

положить, какой груз ответственности ляжет на его плечи в течение трех последовавших десятилетий в должности председателя КСАД⁸.

Первоначальная структура КСАД отражала связи квакеров с более широкими группами общества, которые Руфусу Джонсу и его коллегам удалось выстроить в первые годы XX в. Сразу после учреждения Комитет представлял из себя группу под покровительством молодых квакеров, но с участием представителей других квакерских собраний (Пятилетнего Собрания, Основной Конференции Друзей и Филадельфийского Годового Собрания). Вскоре структура преобразовалась в независимое правление с участием представителей трёх вышеупомянутых групп. Руфус Джонс являлся идеальным кандидатом на пост председателя, поскольку принадлежал к Собранию Друзей, которое миновал губительный раскол между традиционным течением и так называемым хиксианством – более радикальным направлением, – раскол, сильно отразившийся на квакерах Филадельфии. Он принадлежал к Годовому Собранию Друзей Новой Англии, где, несмотря на существующие разногласия о способах богослужения, квакерам удавалось сохранять гармоничные отношения. У него были крепкие связи с квакерами из центральных регионов США и квакерами-евангелистами, хотя он и проживал в Филадельфии, и у него были отличные отношения с членами традиционных «беспрограммных» квакеров из Всеобщей Конференции Друзей и из Годового Собрания Филадельфии. Кроме того, он сотрудничал с британскими квакерами, будучи преподавателем в летней школе Вудбрука и работая (совместно с Чарльзом Брэйтвайтом) над многотомной историей движения квакеров. Джонс также поддерживал хорошие отношения с Рут Фрай, секретарем британского Комитета помощи жертвам войны⁹.

Когда между британскими и американскими квакерами возникли трения из-за различий в подходах к работе и трудностях, вызванных сбором денежных средств и взаимоотношениями с властями, Руфус Джонс последовательно выступал за продолжение сотрудничества. Британцы доверили ему даже в те моменты, когда отношения с импульсивными американскими коллегами становились крайне натянутыми, а его авторитет среди американцев не могло поколебать даже их раздра-

жение излишней предусмотрительностью британцев. Переписка между Джонсом и Рут Фрай заслуживает особого внимания. Она писала ему много писем личного характера, а также направляла черновые копии отчетов и выдержки из своей переписки с исполнительным секретарем КСАД Уилбуром Томасом¹⁰.

Руфус Джонс искренне поддержал намерение КСАД оказать помощь нуждающимся, и те духовные принципы, которыми руководствовались квакеры. Он всегда был готов встречаться и сотрудничать с любыми государственными органами, когда речь шла о том, чтобы помочь людям и тем самым исполнить волю Божию. В своей лекции, прочитанной в 1939 г. в колледже Оберлин, Джонс рассуждал о месте КСАД в собственной жизни:

Все доброе в этом мире – это дело рук Господа, действующего через людей. Если когда-нибудь настанет на земле Царствие Божие, то оно не снизойдет внезапно, как гром среди ясного неба, а будет выстроено постепенно в сердцах людей. Если мы будем спасать гибнущий мир, если мы попытаемся предотвратить события, ведущие к его дальнейшему крушению, если мы будем принимать посильное участие в его устройстве, то мы станем в какой-то мере помощниками Господа.

Один из моих братьев во Христе в XIV в. сказал: «Я хочу стать десницей Господа». Именно десницей Господа должны быть и все мы. Именно к этому нужно стремиться. Мы не должны довольствоваться абстрактными рассуждениями о филантропии. Мы должны проникнуть в жизнь человечества, в его сердце, стать строителями той лучшей, изобильной жизни, которая есть Царствие Божие¹¹.

Деятельность Уилбура Томаса

Уилбур Томас родился в 1882 г. в семье квакеров в штате Индиана и закончил университет Общества Друзей в Уичите в 1904 г. Затем он получил второе образование на факультете теологии в Йеле (1907 г.) и защитил докторскую диссертацию в Бостонском университете (1914 г.) по теме «Социальное служение квакеров». Исполняя обязанности пастора при бостонском Месячном Собрании Друзей в Роксбери в 1908 – 1918 г. он старался примирить их с Собранием Друзей в Кембридже. Затем

в 1918 г., во время напряженной благотворительной работы во Франции, Томас оставил свой пост и поступил в КСАД. Томас был младше Руфуса Джонса на девятнадцать лет, но также учился в школе Мозеса Брауна. Они познакомились на Годовом Собрании Друзей Новой Англии. Томас разделял взгляды Джонса о том, что сотрудничество с Богом обязательно для всех, кто стремится предотвратить крушение мира. Сходились они и во мнении, что объединение квакеров возможно только в рамках общественного служения, а не на религиозной почве. Но особенно сблизился Томас с шурином Джонса Генри Кэдбери. Когда в 1918 г. был призван на военную службу первый исполнительный секретарь КСАД Винсент Николсон, на его место был приглашен Кэдбери, на тот момент занимавший должность профессора в университете Хаверфорда. Руководство Хаверфорда никак не захотело расставаться с Кэдбери, и он предложил вместо себя кандидатуру Томаса. Уилбур Томас служил в качестве исполнительного секретаря КСАД с августа 1918 г. по 1929 г. Он стал ключевой фигурой в вопросе оказания благотворительной помощи голодающим России, в то время как Генри Кэдбери председательствовал в комитете по делам России и был неизменным союзником Томаса на первом этапе работы¹².

Начиная с 1920 г., когда приступила к работе вторая российская миссия во главе с Анной Хэйнс (см. главу 3), Уилбур Томас трудился, не покладая рук, над сбором средств и распространением информации о деятельности КСАД в России. К 1921 г. ему удалось установить хорошие контакты с просоветскими американскими объединениями трудящихся, радикальными группами и благотворительными организациями. Он помог создать коалицию по сбору средств в помощь голодающим из организаций трудящихся и политических движений левого толка в Нью-Йорке и окрестностях. Ему удалось заручиться поддержкой и привлечь финансирование от Женского общества мира, Фонда помощи голодающим в России, Рэймонда Робинса (бывшего сотрудника Американского отделения Красного Креста в России и сторонника признания Соединенными Штатами большевистского режима), Лилиан Вальд и других. В августе 1921 г. он писал Руфусу Джонсу: «Мы работаем над тем, чтобы объединить организации трудящихся и все прочие организации, проявляющие интерес к нашему делу,

в один национальный комитет... просто предлагая им действовать от имени КСАД»¹³.

О приверженности Уилбура Томаса делу оказания помощи голодающим в России свидетельствует его переписка и огромное количество речей, произнесенных по всей стране в рамках кампании по сбору средств. Томас утверждал, что голод и страдания русских людей не являлись следствием только большевистского террора и нелепой экономической политики (что не раз утверждалось в аналитических статьях Герберта Гувера и многих других экспертов), но также имели своей причиной «десятилетия крепостного права... зверства царской тайной полиции и страх сибирской каторги». Он с долей оптимизма говорит о советском правительстве, которое «преодолевая множество препятствий, сделало серьезные шаги к улучшению ситуации»¹⁴.

Такое мнение о причинах голода было озвучено и в отчетах работавших в России квакеров. Руководитель квакерской миссии в России Гомер Моррис писал в 1922 г.: «Нынешнее положение России, которое мы пытаемся поправить, сложилось в результате последних семи лет, ознаменованных войной, революцией, воинствующим бандитизмом и двух неурожайных лет... Правительство делает все возможное, чтобы исправить положение, и у нас складываются самые сердечные отношения со всеми государственными чиновниками»¹⁵.

Первостепенной задачей Томас видел завершение работы, начатой во время голода, а также продолжение плодотвор-

Уилбур Томас и Рут Фрай с коллегами во время поездки в Бузулук

ного взаимодействия с правительством, как в Поволжье, так и в других регионах, в вопросе дальнейшего оказания помощи России, но уже в восстановительных работах. «Нужно предпринять шаги, — повторял не раз Томас, — по обеспечению крестьян техникой, которая поможет им выращивать хлеб... Рабочий скот, семена и техника должны стать доступными для жителей сел... Этим крестьянам потребуется, по меньшей мере, пять лет для того, чтобы выйти на самообеспечение». И квакерам необходимо показать русским людям, что их не отставят на произвол судьбы в это сложное время. В заключение Томас пишет:

Русские должны почувствовать себя частью общечеловеческого братства, которое напрямую заинтересовано в их благополучии... Русским людям наша искренняя дружба нужна не менее, чем предлагаемая нами пиша¹⁶.

Концепция Томаса в дальнейшем стала основой для деятельности Нэнси Бабб (см. главу 6). Томас умело убеждал всех квакеров, работавших на местах, что окончание голода не означает окончания работы квакеров в России. Позднее в 1920 г. он писал:

В России нужда в нашей помощи сохранится на протяжении многих последующих лет. Здесь нужно еще восстановить сельское хозяйство и другие сферы экономики, открыть школы для детей и специальные курсы для медицинского персонала и многое другое, так что людям, которые желают развивать дружбу и добрые отношения между странами, открываются обширные возможности... Работа нас ждет более или менее постоянная, но ее характер может меняться год от года¹⁷.

Герберт Гувер и Американская администрация помощи

В ноябре 1918 г. президент Вудро Вильсон назначил главу военно-продовольственного ведомства США Герберта Гувера (работавшего также при президентах Гардинге и Кулидже министром торговли) руководителем организации, впоследствии получившей название Американской администрации помощи (APA), задачей которой стало оказание продовольственной помощи в странах Европы после I Мировой войны. Гувер родился в 1874 г. в квакерской общине Вест-Бранч в штате Айова. Он изучал геологию в только что основанном Стен-

фордском университете, затем стал инженером, предпринимателем и, наконец, президентом США. Как и в случае с Руфусом Джонсом, семья Гувера на протяжении многих поколений и по материнской, и по отцовской линии принадлежала к общине квакеров. Тем не менее, историки не согласны с тем, что квакерство оказало влияние на жизнь и деятельность Гувера. Джордж Нэш, один из основных биографов Гувера, утверждает, что Гувер оторвался от своих квакерских корней и не стремился следовать идеалам квакерства или поддерживать с квакерами связь¹⁸. Другой биограф, Дэвид Бернер, подчеркивает частые встречи Гувера с квакерами вплоть до 1931 г., когда, будучи уже президентом, он распорядился перевести часть денег из APA и Фонда Рокфеллера в КСАД, чтобы накормить голодающих детей шахтеров в Аппалачах, на западе штата Вирджиния. Бернер пишет:

Мы не можем с уверенностью говорить о том, что он постоянно осознавал себя квакером, тем не менее, есть определенное сходство в мировосприятии квакеров в самого Гувера: нарочитая прямолинейность и простота, вера в плодотворность любой совместной работы и в решение любых проблем методом переговоров, пропаганда мира и при всем этом искусное участие в светской жизни и убежденность в том, что здравый смысл и продуманная стратегия являются удачным дополнением к совести. Вселенная, согласно видению инженера, основана на законах физики и строгой последовательности чисел; вселенная же квакера зиждется на духовном порядке и гармонии. Нашел отражение в деятельности Гувера и принцип личного участия квакеров: работая в различных финансовых и технических учреждениях, Гувер посвящал много времени разработке сложных систем взаимодействия техники и людей самых разных занятий¹⁹.

Взаимоотношения Гувера и КСАД в вопросе оказания помощи России могут быть вернее всего охарактеризованы как неоднозначные. Впервые он встретился с представителями КСАД в 1919 г. в Париже, и на этой встрече делегация квакеров просила его поспособствовать в получении разрешения на ведение работы в центральной части России. Гувер тогда не дал никаких обещаний, но намекнул, что разрешение на оказание помощи может быть получено только после частичного или полного снятия экономической блокады с Советской России²⁰.

Год спустя Уилбур Томас поддержал решение Гувера о расширении полномочий АРА в вопросе распределения продовольственной помощи в Австрии и Польше в надежде, что так будет легче закрепить полномочия по оказанию помощи в России за КСАД²¹. В течение непродолжительного времени Гувер являлся вице-президентом КСАД, в то время, как Руфус Джонс входил в Исполнительный совет АРА²².

История правительственные инициатив США по оказанию помощи голодающим в России в 1921–1923 гг. нашла отражение в официальных документах, мемуарах Герберта Гувера и подробной монографии Бертрана Патенода, посвященной работе АРА в России в 1921–1923 гг. Все перечисленные источники, а также многие другие, опирающиеся на них, связывают начало оказания гуманитарной помощи России западными странами со знаменитым обращением Максима Горького от 13 июня 1921 г. и ответом на него Герберта Гувера от 23 июня, в результате чего было заключено соглашение Горького–Гувера от 20 августа 1921 г.²³

Москва, 13 июля 1921 г.

Ко всем честным людям,

*Хлебородные степи Юго-Востока России поражены неурожаем, причины его – небывалая засуха. Несчастье грозит миллионам населения России смертью от голода. Напомню, что народ русский сильно истощен влияниями войны и революции и что степень его сопротивления болезням, его физическая выносливость – значительно ослаблена. Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедленно помогут ему хлебом и медикаментами. (...)**

До Горького был известен лишь один пример подобного обращения – сделанного норвежским политиком Фриттофом Нансеном в 1919 г. перед союзниками в Париже в надежде обратить их внимание на проблему голода в России. Так называемое «обращение Нансена–Гувера» обсуждалось в рамках рос-

сийского вопроса на Парижской мирной конференции. Оно в итоге было передано на рассмотрение большевикам. В нем союзные силы предлагали России гуманитарную помощь при условии немедленного прекращения гражданской войны и отказа от преследования солдат и офицеров белой армии в одностороннем порядке. Предложение было категорически отвергнуто большевиками, обвинившими Запад в стремлении использовать продовольствие в качестве политического оружия²⁵. Таким образом, практически во всех источниках, посвященных проблеме оказания Западом гуманитарной помощи Советской России в 1920-х гг. отсутствуют сведения, касающиеся весьма значимой работы, проведенной после 1917 г. британскими и американскими квакерами. В них игнорируются precedентные соглашения, достигнутые квакерами и большевистским правительством в период 1920–1921 гг. и совсем не упоминаются уникальные взаимоотношения между Гербертом Гувером и председателем КСАД Руфусом Джонсом.

Уникальные взаимоотношения квакеров

Несмотря на то, что квакеры в полном составе покинули Россию в марте 1919 г. и не возвращались до лета 1920 г., они не переставали активно вести переговоры как с большевиками, так и с представителями союзников в поисках новых возможностей для работы. После снятия западом экономической блокады весной 1920 г. обе стороны дали добро на продолжение поставок продовольственной помощи и возвращение в Россию членов миссии. Ключевыми фигурами британо-американской команды в Москве летом и осенью 1920 г. стали Артур Уоттс и Анна Хэйнс. В начале 1921 г. им удалось добиться разрешения на оказание гуманитарной помощи за пределами Москвы в провинции. Уоттс телеграфировал Уилбуру Томасу о необходимости возобновления работы в Тамбовском и Бузулукском уездах, где представители квакеров трудились ранее:

Так много приходило ходатайств, настойчиво требующих нашего присутствия в сельских районах, что мы решили обсудить ситуацию с представителями Наркомата иностранных дел и получили от них разрешение на въезд еще нескольких квакеров в Россию с целью оказания помощи в провинции с условием, что продовольственный груз будет отправлен за-

* Текст обращения приводится в сокращении. (Прим. переводчика)

нее в оговоренных количествах, и станет своего рода гарантией их въезда²⁶.

Нарком иностранных дел Георгий Чicherин продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству, выписав приглашение представителям квакеров в апреле 1921 г., оно одновременно выражало признательность Советской власти и накладывало определенные ограничения на будущую деятельность квакеров.

Деятельность Вашей организации в Москве с тех пор, как Вами было получено разрешение на ее возобновление, не заслуживает с нашей стороны ничего, кроме одобрения и поддержки... Таким образом, если предлагаемая Вами помочь будет предоставлена через Ваших людей, непричастность к политике которых для нас очевидна, и если она будет предоставляться в той же манере, что и в прошлом году, мы никоим образом не намереваемся Вам препятствовать... Касательно разрешения на въезд в Россию дополнительных работников, извещаем Вас, что мы не предполагаем ограничивать их количество²⁷.

К маю 1921 г. квакеры получили полномочия распределять продовольствие и медикаменты во все детские дома Москвы. Имея при себе письмо Чичерина, Анна Хэйнс провела май и июнь в путешествии по Волге²⁸. Во время своего путешествия она заключила соглашение с крупным уездным комитетом по борьбе с голодом. Артур Уоттс докладывал Уилбуру Томасу: «Нас уверили в том, что наши работники смогут въехать на поражен-

Русские дети в одежде, полученной от квакеров

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

ные голодом территории, если продовольствие и медикаменты из Европы и Америки будут получены заранее в достаточных количествах»²⁹. На основании этого доклада руководство КСАД инициировало крупную кампанию по сбору средств, необходимых для закупки муки и другого продовольствия, а также организовало набор сотрудников для работы в России. В августе Уилбур Томас писал Анне Хэйнс:

Мы сможем организовать крупный комитет в Нью-Йорке, он будет являться представительством всех рабочих организаций и простых людей, которым небезразлична судьба голодающих в России... Если бы у нас было бы несколько человек персонала, работающих на нас, мы, должно быть, сможем и собрать около \$ 5 000 000 для закупки всего необходимого в течение следующего года³⁰.

Прорыв в отношениях с советским правительством в виде достигнутых соглашений по возобновлению и расширению гуманитарной помощи заслуживает отдельного внимания, так как он послужил основой для переговоров с большевиками Герберта Гувера в августе 1921 г., в результате которых был подписан документ, известный как Рижский договор. В нем за АРА закреплялись полномочия по ввозу своих сотрудников для распределения гуманитарной помощи, в то время как при пользовании железными дорогами и морскими портами они полностью подчинялись большевикам; сохраняли большевики общий контроль и над персоналом АРА. Квакерам же, напротив, удалось подписать ряд уникальных соглашений, в рамках которых они могли иметь собственные складские помещения, распределять гуманитарную помощь и координировать ее доставку до пункта назначения. Артур Уоттс объяснял Уилбуру Томасу: «Наше конторское и складское помещения будут иметь отдельный вход, ключ же будет находиться только у нас»³¹. В последующем письме он подробно описал, каким образом квакеры намеревались отслеживать движение гуманитарных грузов до места назначения:

В Москве продовольствие хранится в специальном складском помещении, которое полностью находится в нашем ведении и используется строго для гуманитарных грузов, предоставленных Международной службой Общества Друзей... Мы регистрируем груз, когда он поступает на склад, и выпи-

сываем ордер на его отправление... При распределении гуманитарной помощи мы руководствуемся рекомендациями органов здравоохранения либо других учреждений, а также нашими собственными соображениями³².

После того, как программа Хэйнс-Уоттса заработала в полной мере, квакеры предложили перенаправить часть средств, привлеченных АРА и изначально предназначенных для поставок гуманитарных грузов в Вену и Варшаву на помощь голодающим детям Москвы. Гувер выдвинул определенные условия. В своем письме Уилбуру Томасу от 26 января 1921 г. он делился своими сомнениями: «Мы не правомочны на протяжении столь продолжительного времени тратить средства, собранные американской общественностью, на оказание помощи голодающим детям большевиков, в то время как сами большевики продолжают держать в тюрьмах шесть ни в чем не провинившихся граждан США». Он предложил «потратить на закупку продовольствия сумму, составляющую примерно 100 000 американских долларов... при условии, что большевистское правительство будет извещено о прямой взаимосвязи дальнейших поставок продовольствия и немедленного освобождения заключенных американских граждан»³³. Нежелание квакеров целиком ассоциироваться с американским правительством стало причиной их отказа ставить оказание продовольственной помощи в зависимость от освобождения заключенных.

Переговоры с Гербертом Гувером

До того, как была налажена работа в Бузулуке, масштаб охватившего Россию голода заставил Горького обратиться к американским гражданам с просьбой о помощи. Гувер просил Уилбура Томаса и председателя КСАД Руфуса Джонса приехать в Вашингтон для консультации. Джонс приехать не смог (он находился в штате Мэн), но Томас взял билет на поезд и к завтраку был уже у Гувера. Согласно отзыву Томаса, визит прошел «очень удовлетворительно». Они говорили о том, как продвигается благотворительная работа в Германии, но «главной заботой» Гувера был предстоящий ответ на обращение Горького. Он уже составил грандиозный план по обеспечению продовольствием детей во всех крупных городах России при условии

освобождения американских узников, и намеревался узнать у Томаса «помешает ли это каким-либо образом нашей работе». Томас заверил его, что подобная деятельность не может помешать, и поддержал стремление Гувера выступить с официальным ответом Горькому. Гувер затем спросил о планах квакеров касательно продолжения работы в России, в частности о том, сколько им потребуется денег. Томас предположил, что будет достаточно привлечь около 2 миллионов американских долларов. Гувер «не обещал никаких определенных сумм, но заявил о своем искреннем намерении предоставить нам значительный объем поставок продовольствия». Томас далее подчеркивает, что Гувер «был очень обходителен и проявил большое сочувствие к нашим заботам»³⁴.

К августу позиция Гувера сильно изменилась. Переговоры, начавшиеся в августе в Риге, увязли в многочисленных противоречиях³⁵. Большевики, имея в качестве образца соглашение Хэйнс-Уоттса, ставили своим условием непричастность работников иностранных миссий к политике и работе местных комитетов помощи голодающим. Оказавшись в очередной раз в тупике, Гувер вновь пригласил Томаса в Вашингтон. Томас описал эту встречу в письме к Руфусу Джонсу: в соответствии со словами Гувера, русские «приняли все условия, кроме лишения их права производить обыски и конфискацию товара и осуществлять государственный контроль над распределением продовольствия, что демонстрирует желание Советов иметь исключительные полномочия по учреждению комитетов в любом населенном пункте... в то время, как господин Гувер настаивает на том, чтобы его люди имели возможность свободно перемещаться и иметь неприкоснувшую собственность»³⁶.

Мотивы Гувера были достаточно сложными. Он искренне верил в необходимость оказания гуманитарной помощи, но был крайне враждебно настроен по отношению к большевикам, а также партиям левого толка, социалистам и сочувствующим. Анализируя официальный ответ АРА на воззвание о помощи голодающим России, Берtrand Патенод заключает, что Гувер разделял мнение о том, что сотрудники иностранных миссий не должны вмешиваться в политику. Но он прекрасно понимал, что продовольственную помощь можно использовать в качестве эффективного орудия для осуществления внеш-

ней политики Запада. «Гувер свято верил в то, что стоит только ему подавить голод, как русский народ образумится и всю свою вновь обретенную физическую силу использует для свержения большевистской диктатуры. А отлаженная действенная система АРА одним своим присутствием в России еще больше дискредитирует «дурацкий» советский строй»³⁷. Таким образом Гувер полагал, что само существование отдельной миссии квакеров в России представляло собой некоторую проблему. Уилбур Томас описал все противоречия в письме к Руфусу Джонсу:

Он особенно настаивал на том, чтобы наш Комитет занял позицию, которая исключит продолжение нашей работы в России до тех пор, пока советская власть не согласится принять условия, озвученные самим Гувером. Иными словами, он просил нас придерживаться его требований и настаивать на их выполнении советским правительством прежде, чем мы предпримем какие-либо дальнейшие шаги. Мы ответили ему, что такой расклад совершенно невозможен; что мы работаем в России уже год и весьма довольны сделанным; что мы находимся вне политики и что любое отклонение от обычного курса в наше время добавит нашей работе политическую окраску. Он продолжал настаивать, ссылаясь на слова Литвинова и других советских чиновников, которые ему, якобы, говорили... «Почему вы не хотите работать, как квакеры? Почему вы не действуете согласно их плану?». Очевидно, он был весьма раздражен таким замечанием; он заметно разозлился, стучал кулаком по столу и ругался, как сапожник³⁸.

Гувер перешел к угрозам: «Если советская власть не согласится с нашими требованиями... Государственный департамент не позволит вывезти ни одной партии продовольствия для помощи русским голодающим... а он вместе с президентом Гардингом... обратится к народу с просьбой прекратить жертвовать средства для помощи России». Томас, несмотря ни на что, сохранил твердость и заявил: «Мы не может смотреть на происходящее под таким углом... Мы работаем в этой стране уже годы... наша работа продвигается, как нам кажется, вполне успешно, и мы не видим оснований для изменения нашей программы именно сейчас, когда все вокруг станут ошибочно полагать, что мы вели скрытую политическую игру»³⁹.

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

В августе же Томас написал ободряющее письмо Анне Хэйнс и Артуру Уоттсу о намерении КСАД продолжать финансирование их работы. «Всеамериканский фонд помощи голодающим» продолжает работать, прочие комитеты формируются по всей стране, и мы скоро все уладим». Одновременно он предупреждал:

Переговоры с Гувером здесь наделали много шума. Мы с беспокойством ждем их окончания, поскольку в случае провала он не замедлит направить огромную волну общественно-го мнения против оказания помощи России. Если это случится, нам будет бесконечно трудно убедить богатых людей делать пожертвования, однако, рабочий класс, конечно, будет поддерживать нас по-прежнему.

Он завершает свое письмо заверением их в решительном намерении КСАД продолжать оказание финансовой поддержки, независимо от исхода переговоров с Гувером: «Если возникнут трудности... мы можем пойти наперекор желанию нашего правительства... мы будем продолжать работу, поскольку мы верим, что самый действенный способ сделать мир лучше – это демонстрировать свою добрую волю и заботу любому человеку в любом месте, независимо от национальности, расовой принадлежности или вероисповедания»⁴⁰.

20 августа 1921 г. был подписан Рижский договор между АРА и большевистским правительством, в рамках которого представители АРА приобрели ограниченные полномочия по ввозу и распределению гуманитарной помощи под пристальным контролем большевиков. АРА, в частности, соглашалась с тем, что «персонал АРА в России будет строго ограничиваться предоставлением помощи и не будет заниматься какой-либо коммерческой или политической деятельностью». Лица, нарушившие условия соглашения, подлежали немедленному выдворению из страны. Кроме того, в противовес желанию Гувера обеспечить постоянное присутствие АРА в крупнейших городах России, соглашение предусматривало поставку продовольствия, одежды и медикаментов больным и детям в «пораженные голодом районы Поволжья»⁴¹.

Несмотря на то, что в Рижском договоре ни слова не было сказано о работе КСАД, Гувер настаивал на том, чтобы работа КСАД в России продолжалась только *в качестве подраз-*

деления APA, на которое распространяются все ограничения, наложенные на деятельность APA. КСАД провел ряд напряженных совещаний. Письма и телеграммы летели из Филадельфии в Москву, из Москвы в Лондон и Бузулук, снова в Филадельфию, в то время как британские и американские квакеры пытались найти компромисс между своим желанием сотрудничать с советскими органами, сохранять независимость и одновременно получать средства от Гувера и APA. Во время длительного совещания Исполнительного комитета КСАД в августе 1921 г. рассматривались два ключевых вопроса. Поставит ли сотрудничество с Гувером под угрозу принципы квакеров и возможность бескорыстно оказывать помощь голодающим? И до какой степени повлияет такое сотрудничество на взаимоотношения квакеров с либеральными и радикальными организациями, а именно с рабочими организациями, которые предоставили львиную долю всех средств, которые пошли на оказание помощи России? Хелен Тодд, представитель коалиции рабочих организаций, известной под названием «Всесоюзная комиссия помощи голодающей России» отмечала, что такие организации категорически не хотели, чтобы их пожертвования распределялись через APA из-за антибольшевистской политики Герберта Гувера. Другие утверждали, что Гуверу необходима была «моральная поддержка Друзей» и принятие ими его условий при дальнейшей работе в России⁴².

Проблема сбора средств, однако, повисла в воздухе. Руфус Джонс сформулировал основной вопрос: «Какое количество средств может быть привлечено из других источников?» Сможет ли Всесоюзная комиссия привлечь сумму, превышающую в 1 миллион долларов – именно столько обязалась перечислить APA? Хелен Тодд отвечала: «Если Друзья примут решение отстаивать свои принципы и обратятся к объединениям рабочих за помощью, невозможно предположить, чтобы трудящиеся не помогли им». Джонс указал на три варианта дальнейшего развития событий: «(а) сотрудничать с Гувером и принять его условия; (б) отклонить условия, выдвинутые Гувером и обратиться за помощью к объединениям рабочих; (в) приостановить работу в России на время, пока Гувер разворачивает там свою деятельность». Его личное мнение состояло в том, что отделиться от Гувера будет достаточно сложно, посколь-

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

ку в этом случае КСАД «окажется в затруднительном положении перед лицом наших учредителей, Общества Друзей, которое верит в мистера Гувера и не одобрят нашего союза с радикально настроенными группами рабочих»⁴³.

В то же время как бывший исполнительный секретарь Винсент Николсон, так и настоящий Уилбур Томас выступили за разрыв с Гувером и сотрудничество с рабочими в вопросе привлечения средств. Затем Томас предложил другое решение: КСАД должен согласиться на ограниченное сотрудничество с Гувером, при этом осуществляя независимый контроль над определенной географической местностью, сохраняя самостоятельность и полномочия по освещению своей деятельности через средства массовой информации и проведению отдельных от APA кампаний по привлечению средств. Некоторые участники совещания согласились с «предложением получить шефство над определенной областью с возможностью самостоятельно привлекать средства», подчеркивая при этом необходимость избежать разрыва как с Гувером, так и с рабочими. Другие считали, что «лучше прекратить работу, чем быть побежденными» – конкурировать с APA в вопросе привлечения средств было невозможно. Другой участник заметил, что «самое главное – дать людям пищу», а потому нужно найти какой-нибудь способ продолжать работу. Другой не мог поверить в то, что «мистер Гувер предпримет такие шаги, которые заставят нас уйти из России». Эмма Кэдбери поинтересовалась, почему невозможно было сотрудничать «одновременно с Гувером и советской властью». В итоге, Руфусу Джонсу удалось зафиксировать в протоколе общее мнение группы:

Квакерам необходимо выяснить, могут ли они продолжать свою работу в России, сохраняя при этом свою самостоятельность и осуществляя контроль над проводимой работой, согласно их собственным планам и идеалам, возможно, на какой-то определенной территории либо для определенной категории населения... также сохраняя право на освещение своей деятельности в США. Особо была отмечена необходимость сохранения принципа бескорыстной помощи, который не предполагает даже намека на наличие каких-либо политических интересов... и внесение квакерами посильного вклада в решение проблемы голода в России, не вмешиваясь в работу мистера Гувера.

Дilemma «рабочие или Гувер» была, по крайней мере, на время решена. Комитет просил Руфуса Джонса, Уилбура Томаса и Джеймса А. Нортона быть представителями КСАД на обсуждении проблемы помощи голодающим в России с Гувером и с различными благотворительными организациями на следующий день в Вашингтоне⁴⁴.

Представители Американского отделения Красного Креста, Американского еврейского объединенного распределительного комитета («Джойнта»)⁴⁵, Федерального совета церквей, «Рыцарей Колумба», Католического совета по благосостоянию, Христианской ассоциации молодых людей (ИМКА), Христианской ассоциации молодых женщин (ИВКА) и КСАД приехали на встречу с Гувером. Помощник Уилбура Томаса Джеймс Нортон делал пометки для конфиденциальной памятной записи, уделяя особое внимание вопросу независимости квакеров и полномочий по контролю своей работы. Гувер открыл совещание докладом, в котором была обрисована грандиозная задача, стоявшая как перед российским правительством, так и перед любой иностранной благотворительной организацией, поскольку сразу десять регионов пострадали от небывалой засухи и еще сорок четыре страдали от голода в той или иной степени. После общего обсуждения Руфус Джонс вновь поднял вопрос о работе КСАД в России в рамках нового договора. Он упомянул, что КСАД хотел бы получить шефство над определенной территорией, на которой квакеры смогли бы придерживаться своих принципов и осуществлять полный контроль, как они это и делали, начиная с 1917 г.

Гувер ответил, что он «не намеревался уничтожить индивидуальность той или иной организации», но просил КСАД распределять американскую гуманитарную помощь исключительно через сотрудников-американцев, таким образом, вынуждая Комитет отказаться от сотрудничества с британскими квакерами. Джонс отвечал, что КСАД «всегда сотрудничал с британскими квакерами и продолжает сотрудничать, поэтому отделиться от них будет крайне проблематично, но мы попробуем что-то предпринять».

В итоге Гувер и Руфус Джонс договорились, несмотря на недовольство Уилбура Томаса, о том, что КСАД получит полномочия работать на какой-то определенной территории, как

подразделение АРА. КСАД сохранит свою индивидуальность, но гуманитарная помощь, поступающая из США, будет подконтрольна АРА, и американские квакеры в России будут работать, по крайней мере,名义上, под руководством АРА. Хотя бы просто на бумаге американские квакеры должны будут отделиться от своих британских коллег. Кроме КСАД под началом АРА согласились работать также Американское отделение Красного Креста и «Джойнт»⁴⁶. АРА отдала квакерам шефство над Бузулукским уездом, и в течение 1921–1922 гг. взаимоотношения между сотрудниками на местах складывались вполне гармонично. АРА выделила КСАД примерно 415 000 американских долларов деньгами, а кроме того оказывала значительную поддержку в административных вопросах и предоставляла своих сотрудников⁴⁷.

Переговоры с сотрудниками миссии в России

Джонс и Томас немедленно известили о новом соглашении сотрудников КСАД, находящихся в России, и Комитет помощи жертвам войны британского Общества Друзей. Телеграмма, отправленная в Лондон 24 августа, информировала британских квакеров о «временном» сотрудничестве КСАД и АРА и предлагала им «либо сотрудничать на территории, выделенной нам, либо работать самостоятельно на другой территории». В черновом варианте отчета, предназначенного для американских и британских квакеров, работающих в России, Джонс отмечал «невозможность продолжения работы в России для нашей организации в это нелегкое время, когда помощь наша очень востребована, без какого-либо сотрудничества с АРА, которая собирается производить поставки продовольствия в Россию в таких масштабах и при столь хорошем оснащении, что ни одна другая организация не сможет действительно работать в изоляции и сохранять независимый статус». Он также сообщал, что АРА согласилась «закрепить за нами определенную область в России, таким образом, чтобы наша организация могла сохранять свою индивидуальность и работать, руководствуясь нашими принципами». Он добавил, что полковник Уильям Хасселл, директор АРА в России, заверил КСАД в том, что нет необходимости ставить под угрозу взаимоотношения с британскими Друзьями. Таким образом, британские ква-

Сотрудники квакерского офиса в Бузулуке вместе с Уилбуром Томасом в 1922 г.

керы могли либо присоединиться к работе своих американских коллег на закрепленной за ними территории, либо АРА предлагаала закрепить за британцами отдельную территорию⁴⁸.

Джонс и Томас должны были отвечать на тревожные письма, поступающие из-за границы. Уолтер Уайлдман, куратор благотворительной миссии квакеров в Москве, направил телеграмму с вопросом: «Связаны ли по-прежнему американские Друзья условиями Рижского договора? Английские Друзья намерены заключить отдельное соглашение с российским правительством»⁴⁹. Из Лондона же Рут Фрай телеграфировала: «Советую вам освободить себя от Гувера и работать в международном составе... Английские Друзья имеют горячее желание помочь вам в вашей новой работе на всей пораженной голodom территории, что исключает предложение Гувера... считаю, что прямые контакты Друзей с советским правительством имеют большую ценность»⁵⁰. В длинном ответе Рут Фрай, составленном Уилбуром Томасом 16 сентября, он постарался смягчить неотвратимый разрыв с британскими квакерами и писал, что КСАД «не видит другого способа продолжать свою деятельность». Он убеждал Рут Фрай:

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

Наша миссия слишком широка, чтобы менять ее из-за предпочтений какого-либо одного объединения квакеров или даже группы таких объединений... эти ограничения... не более, чем одежды, в которые нам придется на время облачиться, чтобы выполнить нашу миссию. И уж точно эти ограничения не должны вставать между Друзьями, потому как мы все понимаем, что в сердцах наших мы едины и цель нашей работы также одна. Мы хотим, чтобы в нашей деятельности люди видели не добрую волю американцев или британцев, а добрую волю христиан⁵¹.

На следующий день в письме Анне Хэйнс и Артуру Уоттсу Томас признавал:

Возможно, своим сообщением я вас сильно обеспокою, и вы подвергнете наши действия жестокой критике... Но это отнюдь не означает, что нам придется порвать с британскими Друзьями. Мы, насколько возможно, постараемся сохранить самое тесное сотрудничество и дружбу с британскими Друзьями и, я надеюсь, они либо согласятся работать вместе с нами на закрепленной за нами территории, либо смогут получить шефство над прилегающей областью таким образом, чтобы между самими Друзьями не возникало непонимания и разногласий⁵².

Томас был прав, предположив, что сотрудники миссии в России испытывали тревогу. Уоттс, Хэйнс и другие квакеры, будучи оторванными от всего остального мира, в течение нескольких трудных лет сплотились в крепкое англо-американское братство. Их непосредственная близость к событиям, как грустным, так и радостным, постоянное оттачивание своего уникального стиля работы и общения, долговременное отсутствие связи с Лондоном и Филадельфией и даже, временами, с Москвой, добавили им уверенности в собственной правоте и сделали крайне затруднительным принятие распоряжений отдаленного руководящего органа. В телеграмме и пояснительном к ней письме (которое было отправлено до того, как было получено письмо Томаса) Анна Хэйнс перечисляет шесть причин, по которым следовало отказаться от сотрудничества с АРА. Ее основной аргумент заключался в том, что АРА имела статус «полуправительственной организации», который «рождал в людях определенный скептицизм». Она также отмечала, что «ARA, скорее всего, будет иметь очень недолговечную историю в России. Друзья же заинтересованы в более постоянных

взаимоотношениях». Она настаивала, что «ни один шаг, влекущий за собой такие серьезные изменения в наших взаимоотношениях с правительством той или иной страны, не может быть предпринят без учета мнения сотрудников, которые работают в этой стране»⁵³.

Артур Уоттс, в свою очередь, очень горячо высказался против наложения каких бы то ни было ограничений на их работу, ясно указав на то, что программа будет продолжена. Его письмо от 24 сентября рассказывает о трудностях, имевших место в России:

Для нас весьма трудно будет внести изменения в наши изначальные планы по оказанию помощи голодающим, поскольку в настоящее время наша работа практически полностью проводится за счет средств, полученных из Лондона... Мы остаемся твердыми в своем мнении, что для нас здесь предпочтительнее оставаться вне подчинения Гуверу, но сохранять с ним дружественные отношения на местах, к слову, нам удалось недавно позаимствовать у АРА сорок пять тонн муки⁵⁴.

Несколько дней спустя Уоттс так отзывался об основной причине разногласия:

Мы чувствуем... что нам важнее всего сохранить свою самостоятельность, как организации, и наша способность сделать это будет неминуемо испытана в процессе переговоров с российским правительством, независимо от того, будут ли эти переговоры вестись от лица Общества Друзей либо от лица АРА. В последнем случае мы думаем, что британскому и американскому отделениям будет лучше заключить отдельные соглашения... Мы искренне надеемся, что мы сможем продолжать работу совместно, как одна организация, поскольку такое сотрудничество благоприятно свидетельствует о нашей вере – ведь для многих русских людей весьма неожиданно наблюдать единение англичан и американцев⁵⁵.

В октябре 1921 г. Анна Хэйнс отправилась на совещания в Лондон и Филадельфию, где она также намеревалась закончить сестринские курсы, чтобы затем вновь вернуться в Россию. С ее отъездом еще более обострилось нежелание британских и американских сотрудников работать отдельно друг от друга в самый разгар голода, исполняя тем самым желание Гувера. Как писал из Бузулука Артур Уоттс в конце октября:

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

Мы начали работу, конца и края которой не видно... Мы, таким образом, должны принять во внимание это обстоятельство... Разница в отношении чиновников и простых людей к нам и к АРА очевидна. У нас в России сегодня исключительное положение и сам факт, что мы действуем независимо от какой-либо правительской или полуправительской организации, значит очень многое для продолжения нашей работы в условиях дружественных взаимоотношений... Ситуация, когда две группы квакеров одновременно будут обсуждать что-то с одними и теми же местными чиновниками, потребует подробного разъяснения... Мы все желаем продолжать совместную работу, пока это возможно⁵⁶.

Своим смятением Уоттс делится далее – он опасается, что соглашение с АРА перечеркнет весь труд, некогда вложенный в организацию британо-американской благотворительной миссии в России:

Меня, в частности, просили... подготовить для вас почву. В итоге я это сделал... поскольку все делалось для того, чтобы расширить и укрепить наше сотрудничество... Теперь вы вдруг уезжаете и все бросаете, разрываете прекрасные отношения, которые создавались в течение долгого времени, в том числе и Анной Хэйнс... Теперь в ноябре 1921 года мы со страхом ждем, что в России появится два Международных благотворительных комитета Общества Друзей, по меньшей мере, один из которых будет настроен в большей степени прогосударственно... Снабжение питанием от Гувера скоро завершится, а Друзья, мы надеемся, продолжат работу. Если к ноябрю 1922 года наши взоры еще не будут полностью затуманены рисунком наших национальных флагов, если нас не пожрут «львы» и «орлы»*, возможно, нам удастся восстановить то, что мы стремительно теряем сейчас⁵⁷.

Нэнси Бабб, первая американка, прибывшая в Бузулук с благотворительной миссией во время голода (см. главу 6) иначе смотрела на ситуацию. Желая оставаться вне идеологии и политики, она сосредоточилась непосредственно на оказании помощи. 10 ноября она написала Уилбуру Томасу письмо, в кото-

* Лев – символ Великобритании, белоголовый орел – символ США. (Прим. переводчика)

ром обозначила свое недовольство поведением Артура Уоттса и британских квакеров и просила развивать американское отделение миссии в рамках АРА:

Я нахожу, что работа очень сильно тормозится из-за существующей перспективы разделения Друзей на два отделения... несмотря на все политические ловушки, которые, по мнению англичан, расстроят в итоге нашу работу... лично я думаю, что мы будем пользоваться большей политической свободой, подчиняясь АРА, чем сегодня, работая под началом англичан. Я также полагаю, что мы, Общество Друзей, не должны ни критиковать сегодня какие-либо благотворительные организации в России, ни обвинять их в причастности к политике, поскольку и нас самих постоянно обвиняют в том, что мы работаем на правительство в большей степени, чем на людей⁵⁸.

В конечном итоге, работа в Бузулуке и Москве продолжилась в условиях гармоничного взаимодействия британцев и американцев и тесного общения с представителями АРА, закрепившими за Обществом Друзей территории Бузулукского уезда. Предположение Эммы Кэдбери о возможности сотрудничества одновременно и с Гувером, и с советским правительством сбылось. Рут Фрай писала Уилбуру Томасу 1 декабря: «После всех перипетий, два отделения сегодня работают настолько слаженно, как будто бы это было одно целое – такое взаимодействие на практике нас нескованно радует, поскольку на него мы и воз-

Квакерский офис в Бузулуке, 1921 г.

лагали наши надежды»⁵⁹. Уоттс и Хэйнс добились подписания еще одного соглашения с Наркомпродом 16 сентября, а миссия в Бузулуке получила доступ к щедрому потоку иностранной продовольственной помощи, проходящему через советский Наркомат иностранных дел. Оба договора продемонстрировали жизнеспособность личных связей Друзей с советскими чиновниками, несмотря на вступление в силу Рижского договора⁶⁰.

Политика и сбор средств

Начиная с 1890 г. и вплоть до начала I Мировой войны американские либералы пристально следили за событиями в России. Они отмечали, что доведенное до отчаяния, больное, голодное и обложенное огромными налогами крестьянское население России выросло более чем в два раза – с 55 миллионов в 1861 г. до почти 115 миллионов в 1913 г., в то время как площадь доступных для них земель выросла всего лишь на 50 процентов. Тем временем царское правительство понесло дорого ему стоившее поражение в Русско-японской войне. Социальный взрыв был неминуем, единственным спасением оставалась замена монархического режима правления на демократический. Но I Мировая война и последовавшая за ней революция раскололи либералов на два лагеря. В 1919 г. большевики сделали попытку захватить власть в Венгрии и подорвать правящий режим в Германии, настойчиво пропагандируя блага, которые должна принести мировая революция, и «красная паника» объяла Америку. Для некоторых либералов наступило разочарование по причине провала Лиги Наций, задуманной Вудро Вильсоном, а также по причине насилия, характерного для первых же лет русской революции. Положение усугубилось беспрецедентными беспорядками среди рабочего населения Соединенных Штатов. На забастовки вышли полицейские Бостона, железнодорожники Чикаго и Питтсбурга, а также практически все рабочие Сиэтла.

Сотрудники и комитеты КСАД по-разному отреагировали на эти события. Некоторые из них, включая Уилбура Томаса, Артура Уоттса и Анну Хэйнс продолжали считать революцию благом, другие относились к происходящему с долей скептицизма и не желали каким-либо образом вмешиваться. В ре-

зультате еще одно противоречие возникло и сохранялось до конца сотрудничества квакеров с АРА: взаимоотношения между КСАД и американскими «левыми» – объединениями рабочих и радикальными группами – которые хотели предоставить Комитету денежные средства, при этом обвиняя Гувера в антибольшевистских настроениях. «Мы должны посмотреть правде в глаза, – говорил Гувер. – Различные «красные» группировки собирают средства для России. Они используют квакеров для маскировки. Думаю, квакеры должны принимать эти деньги. Мне безразлично, какого они цвета, но Друзья сами для себя должны решить, насколько они могут позволить себе покрывать такого рода пропаганду»⁶¹.

В августе 1921 г. либеральные и радикальные силы, поддерживающие КСАД, резко осудили условия Рижского договора, обвинив квакеров в том, что они продались Гуверу и отреклись от своих хваленных принципов, что заставило Уилбура Томаса задуматься и направить телеграмму следующего содержания Руфусу Джонсу:

– Убежден, что в дальнейшем их финансирование прекратится... и поскольку деньги Гувера пока еще не получены, вместо того, чтобы отделяться от английских Друзей, предлагаю перевести им все «нечелевые» средства и вывезти всех американцев из России, либо пользоваться исключительно финансовой поддержкой евреев («Джойнта») и оказывать помощь только на Украине⁶².

В последующей телеграмме он предлагал собрать совещание с участием Исполнительного комитета, Комитета по делам России и обязательно самого Джонса. Далее он поясняет свою позицию: «Ситуация, в которой мы, собирая средства, будем говорить людям: «Жертвуйте нам, а не Гуверу», невозможна»⁶³.

Джонса убедить не удалось. В телеграмме, отправленной Джеймсу Нортону из КСАД, он изложил ход своих мыслей: «Я настаиваю на соглашении, достигнутом с Гувером вчера. Если оно воспрепятствует получению средств от рабочих, мы должны смириться и честно сказать об этом Гуверу. Уверен, что он закрепит за нами обещанную территорию и предоставит финансирование». Джонс отправил вслед за телеграммой длинное разъяснительное письмо:

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»

Для нас не существует иного пути... Возможность быть в России и оказывать помощь голодающим людям от своего имени и в соответствии со своими идеалами – это все, чего мы можем добиться в условиях текущего кризиса. Протест и объединение с организациями радикального толка будет означать конец нашей гуманитарной деятельности и отказ от наших планов. Если у нас окажется недостаточно средств, а такое вполне возможно, мы должны будем либо просить Гувера об использовании нас в качестве его представителей, либо скромно работать совместно с британскими Друзьями, которые, очевидно, привлекают средства в масштабах целой страны»⁶⁴.

Однако, КСАД пережил тяжелые времена, конкурируя за пожертвования граждан с такой квази-государственной организацией, как АРА. Многие опасались, что средства, обещанные квакерам Всеамериканским фондом помощи голодающим в России и Федерацией трудящихся так и не будут перечислены из-за неоднозначных отношений с АРА. Они хотели полностью порвать отношения с АРА и опубликовать открытое письмо, перечисляющее истинные намерения КСАД. Льюис С. Гарнетт, относивший себя к радикалам, издатель и член Всеамериканского фонда помощи голодающим в России так описывает проблему:

Возьмите, к примеру, соглашение. Мне трудно было убедить своих друзей в его правильности, какую бы трактовку я не избрал. Если рабочий класс и научился чему-то за годы войны, так это не ждать сочувствия по отношению к различным законопроектам, речам или соглашениям... Мы не можем начать работу, пока не определимся с нашей позицией. Принципиальным здесь является тот факт, что бесспорно рабочие люди не доверяют Гуверу и не будут жертвовать свои средства, зная, что распоряжаться ими будет он. Мне бы хотелось, как с точки зрения привлечения денег, так и с точки зрения сохранения своих принципов, чтобы вы опубликовали заявление, в котором, возможно, будет содержаться и открытый призыв о помощи... а также упоминание о вашей независимости и дружественных отношениях с советской властью и британскими квакерами»⁶⁵.

Руфус Джонс все еще хотел, чтобы Гувер и АРА сделали публичное заявление касательно независимости действий КСАД. На другом совещании было получено письмо Гувера Руфусу Джонсу, которое немедленно было обнародовано КСАД:

«Попытки Друзей собрать средства для борьбы с голодом в России полностью мною поддерживаются». Гувер далее пояснил: «ни одна из организаций, производящих работу в рамках Рижского договора и договора Европейского Совета по оказанию благотворительной помощи, условия которых вы приняли, ни в коем случае не потеряет ни свою самостоятельность, ни контроль над распределением своих грузов»⁶⁶.

Практически сразу же Гувер задумался о том, каким образом будет его заявление расценено либеральной прессой и всеми его недоброжелателями. Он написал пояснение:

С тех пор, как Вы вышли из моего кабинета, мне в голову пришла мысль, что письмо, которое я вручил Вам сегодня утром, является исчерпывающим документом, регламентирующим взаимоотношения КСАД и Американской администрации помощи. Я бы не хотел, чтобы этот документ постоянно всплывал в прессе, поскольку различные воинствующие объединения коммунистического толка попытаются использовать его для того, чтобы подорвать репутацию АРА с помощью Комитета служения американских Друзей⁶⁷.

Ответ Руфуса Джонса не заставил себя долго ждать. Ранее он всегда был на стороне Гувера и АРА, но в тот момент пришло время защитить КСАД, Уилбура Томаса и те организации, которые жертвовали на борьбу с голодом значительные средства. Четкий, резкий и прямолинейный ответ Гуверу защищал основные принципы работы КСАД:

Я посчитал... что будет неправильным с моей стороны промолчать в ответ на Ваше замечание о том, что определенные «объединения коммунистического толка» попытаются подорвать репутацию Американской администрации помощи с помощью Комитета служения американских Друзей. Я всегда был Вашим искренним и верным другом и всегда поддерживал Ваши великие начинания. Будучи председателем КСАД, я ни на мгновение не потерпел бы каких-либо действий со стороны Комитета, которые были бы направлены против Вас или ставили своей целью подрыв Вашей репутации или Вашей деятельности. Я не принадлежу и не собираюсь присоединяться ни к одной красной организации, и не позволю никому использовать лично меня или наш Комитет для того, чтобы причинить Вам зло. Меня интересует только помощь нуждающимся, и я хотел бы по-

ложить на оказание этой помощи все свои силы. Я могу видеть, что Вы чем-то раздражены или огорчены, и изменили почему-то свое отношение к нам, но я могу заверить Вас, что мы всегда были по отношению к Вам честны и справедливы⁶⁸.

Гувер, в свою очередь, заверил в своем искреннем расположении КСАД и лично Джонса, но, тем не менее, высказал свое неодобрение по поводу их «левых» благотворителей:

У меня нет нареканий на работу КСАД. Если у меня и есть полная уверенность в чем-либо в этой жизни, так это в правоте тех людей, среди которых я родился и воспитывался... Я думаю, вы согласитесь со мной в том, что той пропаганды, что печатается в «Нью Репаблик» и коммунистических газетах вполне достаточно, чтобы в обществе появилась паника, к тому же, подобные интриги могут посеять раздор между американскими благотворительными организациями, что пагубно скажется на всей нашей работе по спасению России от голода. Теперь, когда я точно знаю, что Общество Друзей не причастно к этим публикациям и не сочувствует авторам, я могу вздохнуть с облегчением. Никто не ценит вашу преданность делу так, как я⁶⁹.

Но все же некоторые разногласия с Гербертом Гувером сохранялись. Гувер хотел, чтобы благотворительная помощь квакеров не ограничивалась закрепленной за ними территорией, а распространялась на определенное количество голодающих людей вплоть до сбора урожая 1922 г. В письме Руфусу Джонсу от 1 ноября 1921 г. он приводил свои доводы: «если квакерам выделят сумму в 15 долларов на человека, почему бы им не взять под свою опеку одного конкретного ребенка или взрослого до следующего сентября, расширив количество своих подопечных пропорционально количеству полученных денежных средств? В противном случае мы накормим человека завтраком и будем спокойно наблюдать, как он умирает от голода, поскольку не имеет обеда»⁷⁰.

Для Джонса такой подход означал отказ от некоторых принципов КСАД и планов по оказанию разносторонней помощи в Бузулукском уезде. 2 января после очередного собрания он писал Гуверу, благодаря его за «дружбу и сотрудничество» и «понимание важности сохранения наших методов работы и целостности нашей миссии в России». Затем, при условии пре-

доставления АРА необходимого продовольствия, Джонс соглашался взять опеку над 50 000 человек или более, если поступят дополнительные денежные средства или продовольствие. Он просил Гувера составить еще одно заявление о поддержке КСАД, которое можно было бы озвучивать публично в рамках кампании по сбору средств⁷¹.

Через два дня заявление было готово, но оно имело совершенно обратный смысл и повергло КСАД в недоумение. Гувер, обращаясь к народу от лица АРА, заявил, что нужда в денежных средствах и продовольствии для России чрезвычайно мала, потому как все российские порты и железные дороги и так запружены грузами, поступающими из Америки. Его расчет был очень точен – своим заявлением он предотвратил возможные поступления средств от левых, которые квакеры по-прежнему привлекали со свойственной им открытостью и принципиальностью. Уилбур Томас был вне себя от бешенства. На совещании 22 января он открыто обвинил Гувера в саботировании работы КСАД. Другие присутствующие были ошарашены его неистовством⁷².

Еще раз Руфус Джонс обратился с письмом к своему старому другу: «Приняв на себя с Вашего согласия обязательства по распределению продовольствия и денежных средств, поставляемых в рамках Рижского договора и имея сегодня крупную партию муки на пути в Россию, мы не видим, каким образом мы можем приемлемым для нас образом изменить ход событий. Мы хотели бы знать, возможен ли другой путь, при котором мы сможем провести нашу кампанию и сохранить желание американского народа оказывать помощь нуждающимся на условиях доброй воли». Джонс предложил отдать всю муку под контроль АРА, при условии, что Гувер отзовет свое заявление об окончании сбора пожертвований. Он просил Гувера «рекомендовать... чтобы все частные лица и организации, желающие помочь голодающим в России переводили свои средства строго на счета американских организаций...включая КСАД». Гувер отказался выступать с новым заявлением, но обещал «смягчить свою позицию» и в будущем открыто поддерживать деятельность КСАД, если это необходимо. Он также поделился своей растерянностью по поводу «истерии, неизменно сопровождающей слишком многие выпрашивающие

Мешки с мукой для голодающих России – дар жителей Пасадены (США)

милостыню программы, как это следует из телеграммы, полученной мной от одного из ваших комитетов, ...содержащей такую вопиющую ложь, что любой квакер содрогнулся бы, прочитав подобное»⁷³.

Исполнительный совет КСАД при составлении ответа по настоянию Руфуса Джонса проигнорировал последнее замечание. В черновике письма Уилбур Томас благодарил Гувера за «желание изменить свою позицию в качестве исключения таким образом, чтобы мы смогли и в дальнейшем продолжать сбор пожертвований для помощи России...Мы уже начали работу по привлечению средств для обеспечения продовольствием пострадавших от голода людей на территории, закрепленной за нами мистером Хасселлом»⁷⁴.

Разногласия продолжались. Уилбур Томас и его коллеги из других благотворительных организаций оставались при мнении, что Гувер стремился установить контроль над всей деятельностью по помощи голодающим в России и задушить все попытки независимых организаций принять в ней участие. В начале февраля было решено еще раз попытаться убедить Гувера в необходимости продолжать сбор средств на помочь голодающим. С просьбой выступить с обращением, подобным тому, которое уже было предложено в январе, Томас писал Гуверу:

Все, чего наш Комитет желает – это, по сути, условий, которые дадут нам возможность достойно и действительно проводить работу на отведенном нам волею обстоятельств участке. Мы не имеем других препятствий к сбору нужного количества пожертвований для обеспечения продовольствием людей на нашей территории, кроме обозначенного мною выше документа, создавшего определенное мнение в обществе⁷⁵.

Несмотря на то, что Гувер не согласился выступить с новым заявлением, он писал Джонсу: «Если все, чего хотят Друзья – это мое одобрение... я полностью готов его озвучить... Во всех начинаниях, имеющих отношение к вашей работе в России, я всегда поддерживал и продолжаю поддерживать вас». Гувер предложил обеспечить КСАД продовольствием соразмерно объему, не закупленному в связи с отказом от проведения кампании по сбору пожертвований. Но вместе с тем он предупреждал Джонса о необходимости «оградить Комитет... от связей с радикалами, поскольку мне трудно представить большее пренебрежение всеми убеждениями квакеров, чем сотрудничество с политическим строем, начертавшим на своих знаменах «Религия – это опиум для народа»⁷⁶.

Получив от Комитета поручение ответить Гуверу, Джонс оставил без внимания его замечание по поводу радикалов. Взамен он решил «выразить свою сердечную признательность за Ваше добре расположение к нашему комитету и его работе... Я всегда намеревался выстроить нашу работу таким образом, чтобы она пользовалась Вашим одобрением и трезво, разумно оценивалась всей нашей большой страной, как приносящая пользу»⁷⁷. Через десять дней Джонс набросал черновой вариант еще одного подробного письма «члену Общества Друзей Гуверу», выразив ему благодарность за поддержку и обещание выделить продовольствие и заверив его в том, что КСАД будет «соблюдать крайнюю осторожность в отношениях с радикальными группами, но не сможет, тем не менее, отказать им в принятии денежных средств, которые они, возможно, захотят нам пожертвовать». Но он, очевидно, решил повременить с отправкой этого письма, поскольку окончательный вариант письма неизвестен, как неизвестен и факт его получения Гувером⁷⁸.

Противоречия в руководстве КСАД

Руфус Джонс неоднократно предупреждал Томаса о том, что ему следует проявлять большую осмотрительность, подвергая критике Гувера, от которого зависело дальнейшее продолжение работы квакеров в России. Томас отреагировал прохладно: «Я соблюдаю одинаковую осмотрительность, распространяя как приятные для мистера Гувера мнения, так и неприятные. И если Вы не имеете возражений, я предполагаю держаться того же самого курса»⁷⁹.

Джонс был не единственным членом Исполнительного совета КСАД, осудившим Уилбура Томаса и его критику Герберта Гувера. Чарльз Эванс также присутствовал на совещании в январе 1922 г., на котором Томас вышел из себя. Он был настолько огорчен, что написал эмоциональное письмо, предлагая уйти в отставку, раз Томас отказывается прислушиваться к его мнению, дабы не нарушать всеобщего согласия. «Я не хотел бы быть обструкционистом», – сказал Эванс, убеждая комитет прислушиваться в тишине к голосу сердца и воле Господа вместо обвинений и клеветы⁸⁰.

Присутствовавший на совещании Уильям С. Биддл делился в письме Джонсу от 10 февраля «твёрдым убеждением», что Томас зашел слишком далеко. Он просил Джонса прекратить обвинения против Гувера:

Мы постоянно говорим о нашем свидетельстве против войны в защиту мира, и посему мы не должны допускать высказываний о ком-либо или действий относительно кого-либо, которые разжигают точно такую же неприязнь, какая приводит в итоге к войнам между народами... Я задаю себе вопрос: а не теряем ли мы больше, чем приобретаем, выполняя эту важную работу в рамках нашего Комитета.

Я пришел к выводу, что если члены нашего Комитета не могут... не только прекратить высказываться по поводу мистера Гувера и его людей в той манере, в которой они высказывались до последнего времени, но и даже думать в таком образе... то этих людей не стоит отправлять на собеседование к Гуверу... Пока критические настроения не удастся полностью изжить, нам лучше воздержаться от сотрудничества с Гувером и его организацией⁸¹.

Либеральные и радикальные силы продолжали обвинять Гувера и АРА, иногда неявно ассоциируя их с КСАД. Уилбур

Томас продолжал поддерживать отношения с левыми сторонниками Комитета, многие из которых продолжали перечислять Комитету денежные средства, при этом критикуя Гувера. 26 февраля 1922 г. социалистическое периодическое издание «Нью Йорк Колл» напечатало статью А.С. Фридмана под названием «Гувер саботирует благотворительную помощь России». Автор осуждал Гувера за жестокосердие по отношению к голодающим людям и препятствование скорейшей отправке благотворительных грузов. Он заключал:

У нас нет сведений о том, что нужда в нашей помощи отпала или о том, что она не потребуется в ближайшие месяцы. Господин Нансен утверждает обратное... Российский Красный Крест утверждает обратное, и квакеры Англии и Америки утверждают обратное. Ввиду серьезных заблуждений мистера Гувера, имевших место в прошлом, мы не можем безоговорочно согласиться с его последним заявлением и призываем всех имеющих доброе сердце людей, продолжать жертвовать средства на помощь голодающим Поволжья⁸².

Несмотря на отсутствие прямого указания в статье, было очевидно, что подробные сведения об ошибочной оценке ситуации Гувером и APA могли быть предоставлены исключительно работающими в России квакерами. Статья вызвала значительный общественный резонанс, Гувер пришел в ярость. В пронизанном обидой письме от 6 марта он призвал КСАД немедленно опровергнуть напечатанную информацию и отказаться от осуждающего тона и критики в адрес APA. Некоторые члены Комитета были настолько поражены, что 11 марта было созвано внеочередное совещание специально с целью составления ответа. Два письма были составлены: одно Гуверу, второе в «Нью-Йорк Колл». Руфус Джонс отсутствовал по причине болезни, но черновые варианты Чарльза Роудза и Чарльза Эванса вполне отражают и его позицию. В письме, адресованном Гуверу, КСАД приносил свои извинения и опровергал всяческую свою причастность к скандальной публикации:

Для нас произошедшее – предмет искреннего сожаления... поскольку трудности, возникающие при попытках оказания помощи голодающим России, были неправильно истолкованы, в частности, подразумевалось Ваше личное нежелание продолжать нашу благотворительную работу в России. Мы пре-

красно знаем, что это не так... Мы наравне с Вами сожалеем о нарастающей тенденции закрывать глаза на такую серьезнейшую проблему, как голод в России... Мы заранее отказываемся от всех нападок лично на Вас и на Вашу деятельность по оказанию помощи в России, которые могут появиться в прессе под именем Общества Друзей⁸³.

В письме, адресованном «Нью-Йорк Колл», члены КСАД высказались еще более четко:

Поскольку в статье содержится информация, которую мы считаем ложной, наш долг состоит в том, чтобы просить вас опубликовать следующее заявление: «Ваша статья гласит: «Еще более серьезные препятствия мистер Гувер чинит для Общества Друзей в их попытках собрать пожертвования»... Это утверждение несправедливо и неверно... вам следует знать, что мистер Гувер взял на себя обязательство поддержать работу Общества Друзей всеми доступными ему средствами в случае провала нашей кампании по сбору пожертвований. По опыту последних месяцев мы можем утверждать, что мистер Гувер поддерживает нашу работу в России в значительно большей степени, чем изначально было оговорено⁸⁴.

Неприязнь между Гербертом Гувером и Уилбуром Томасом – двумя безмерно волевыми людьми, каждый из которых настаивал на собственном мнении – так и не была преодолена. Несмотря на старания Руфуса Джонса, Чарльза Эванса и многих других, трения между КСАД и APA сохранились. Обе стороны вздохнули с облегчением, когда 5 июля APA заявила о прекращении своих программ в России с 1 сентября 1922 г.* Это вновь позволило объединить усилия английских и американских квакеров и заключить ряд новых соглашений с советским правительством, однако, впервые с начала 1921 г. квакеры должны были самостоятельно, без помощи APA, переправлять свои благотворительные грузы.

В октябре 1922 г. квакеры достигли еще одной договоренности с большевиками. Квакеры согласились продолжить свою благотворительную работу в Москве и Бузулуке в течение еще одного года, постепенно направляя основные усилия на про-

* В действительности в августе 1922 г. APA решила продолжить работу и оставалась в России до июня 1923 г. (Прим. переводчика)

изводство восстановительных работ. Новые программы включали безвозмездное предоставление крестьянам более 1000 лошадей, налаживание ткацких и прядильных производств, создание мастерских по пошиву одежды, строительство больниц, поликлиник и других медицинских учреждений, в частности, в Поволжье. В ответ советское правительство принимало обязательства по облегчению въезда сотрудников миссии квакеров в Россию и обеспечению для них «бесплатного и свободного проезда». Власти согласились предоставить квакерам жилье, складские помещения, транспорт и средства связи, а также обеспечить доставку благотворительных грузов от границы к месту назначения. Вся благотворительная помощь должна была распределяться на равных условиях, «невзирая на расовую, религиозную или политическую принадлежность». Квакеры надеялись полномочиями «вступать в переговоры и заключать договоры с местными властями» при условии, что такие договоры «соответствуют общим положениям данного соглашения»⁸⁵.

Последующие несколько лет были ознаменованы новыми идеями, а также падениями и взлетами, как с точки зрения совместной работы с большевиками, так и в свете взаимоотношений между английскими и американскими квакерами. Разногласия о духовной основе и стратегии оказания благотворительной помощи, появившиеся еще между Грегори Уэлчем и Артуром Уоттсом, так и не были преодолены. И, несмотря на старания Руфуса Джонса и других членов Исполнительного совета КСАД, неприязнь к Герберту Гуверу продолжала оказывать разрушительное воздействие на Уилбура Томаса. В течение последующих нескольких лет все увеличивающееся число квакеров — включая Джюлию Брэнсон, Клемента Биддла, Агнессу Тьерней, Каролину Нормент, Каролину Вуд и Альфреда Скэттергуда — выражало свою обеспокоенность нарастающей деспотичностью Томаса, его одержимостью Россией и связями с радикалами. В 1926 г. Руфус Джонс назначил специальный комитет, члены которого в течение года работали с Уилбуром Томасом и консультировали его, и на некоторое время единение и согласие возобладало в КСАД, но в декабре 1928 г. Томаса убедили подать прошение об отставке.

6. «КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ»

НЭНСИ БАББ И ЕЕ РАБОТА В СЕЛЕ ТОЦКОМ В 1921–1927 гг.

*Ч*то увидела Нэнси Бабб:

Она приехала в село, где голод уносил жизни людей десятками, и нужно было нанимать могильщиков, чтобы их хоронить.

Где были съедены все кошки и собаки, а также некоторые люди.

Где в пищу шла даже солома с крыши.

Где люди боялись выходить на улицу по вечерам, дабы не быть раздетыми или убитыми.

Потому что бандитизм процветал.

Что она увидела впоследствии?

Она увидела своими глазами, как это страшное время сменяется эпохой закона и порядка.

Она увидела, как восстанавливаются школы, больницы, мосты, сельское хозяйство, как создаются новые рабочие места.

(Из дневника Нэнси Бабб (без даты))¹

Американка Нэнси Бабб является собой одну из самых удивительных личностей за время работы квакеров в России в XX в. В 1921–1927 гг. она работала в селе Тоцком, расположенном к востоку от Бузулука, где с 1922 г. была сосредоточена ее уникальная программа по восстановлению. В 1928 г. она суммировала всю проделанную работу в рекомендательном письме:

Настоящим подтверждается, что Нэнси Дж. Бабб работала представителем КСАД в России и выполняла ниже описанные работы:

1917–1918 г.: село Могутово, больница и амбулаторные больные, помощник врача, медсестра – 8 месяцев.

1918 г.: уездный город Бузулук, бухгалтер, распорядитель размещения квакеров на летний период, организатор переплетной ремесленной школы для беженцев – 7 месяцев.

1918 г.: инспектирование условий жизни русских беженцев в Сибири и работа по устройству пунктов оказания благотворительной помощи, школ, больниц и станций дезинсекции для беженцев... Омске при Квакерском отделении Красного Креста – 9 месяцев.

1921 г.: Устройство «Мастерских в помощь России» в армейских казармах по всей Германии – 4 месяца.

1921–22 г.: Помощь голодающим Бузулука (получение, хранение, распределение благотворительных грузов, обустройство рабочих кварталов) – 4 месяца.

Нэнси Бабб

1922–27 г: Тоцкий район
а) помощь голодающим –
распорядитель продовольствен-
ной программы – 6 месяцев.

б) помощь в восстановле-
нии района – 18 месяцев.

в) медицинская помощь –
борьба с эпидемией малярии,
устройство детских больниц,
обеспечение продовольствием го-
лодающих детей, сирот и др. –
2 года.

г) учреждение, строи-
тельство, обустройство и обе-
спечение всем необходимым но-
вой больницы и восстановление
разрушенного летнего санато-
рия с прилегающим подсобным
хозяйством, хранение матери-
алов во время проведения стро-
ительных работ – 3 года (заме-
тим, что пункт г) пересекается
с пунктом в)).

*Примечание: В последние пять лет Нэнси Бабб работала независимо от других американских и английских сотрудников миссии квакеров в России, осуществляя руководство... [исключи-
тельно] русскими людьми... в районе с общим населением в 63000
человек, проживающем в 43 селах. Она работала в тесном со-
трудничестве с местными властями, но полностью под контро-
лем квакеров².*

Нэнси Бабб однозначно являлась самой энергичной из всех работавших в России квакеров и последней из них, оставившей Бузулук в 1927 г. Она имела репутацию человека, с которым довольно трудно сработаться. Ни один американский или английский волонтер не задерживался у нее в Тоцком на долго, предпочитая перебраться в другие населенные пункты, а местные чиновники даже писали жалобы ее руководству в Бузулуке и Москве. Но ее разумный, практичный и независимый подход к делу быстро снискдал уважение, сочувствие и, со временем, горячую благодарность местных властей, советов, исполнительных комитетов и крестьянских общин, с которыми она работала.

Она родилась 8 июня 1884 г. в окрестностях Франклина, в графстве Саутгэмpton штат Вирджиния и всю свою жизнь была предана идеалам квакерства. Нэнси Бабб училась в академии Коринф в местечке Айвор, штат Виргиния и пансионе Вестстан, получила лицензию на право преподавания в университете Вирджинии, а также изучала биологию, бактериологию и химию в университете Темпл. До своей поездки в Россию в составе первой группы американских квакеров в 1917 г. она работала учителем в Вирджинии и инспектором доходного дома в Филадельфии. В России ей пришлось вместе с Анной Хэйнс и другими квакерами проводить работу по оказанию помощи беженцам во время I Мировой войны в Бузулуке и Могутово. Когда осенью 1918 г. миссия квакеров в Бузулуке была закрыта вследствие начавшейся гражданской войны, Нэнси Бабб присоединилась к Американскому отделению Красного Креста в сибирском Омске и, проработав там несколько месяцев, вернулась в Соединенные Штаты. Узнав о голоде 1921 г., она решила во что бы то ни стало ехать в Россию и даже предложила свои услуги Американской администрации помощи на случай, если квакеры не найдут для нее ответственной работы. В 1925 г. она так объясняла свое стремление:

Я работала честно и много... чтобы как можно большему количеству людей оказать помощь... ведь моя работа могла стать для этих не в чем неповинных людей живым свидетельством торжества справедливости, христианского отношения к ближнему и принципа служения Друзей³.

Бабб приехала в село Тоцкое, расположенное в 50 км восточнее Бузулука (примерно 1400 км к юго-востоку от Москвы) в декабре 1921 г. с первым поездом, доставившим туда одежду и продовольственную помощь. Продовольственная помощь состояла из муки, сахара, топленого свиного сала, соленой рыбы, крупы, кукурузы, консервов, рыбьего жира и замороженных туш животных из Австралии (которые, по ее словам, могли быть с одинаковым успехом «тушами носорогов, буйволов или любых других животных, о названии которых можно было догадаться лишь по размеру»). Село Тоцкое являлось волостным центром той самой местности, где голод поистине зверствовал (см. описание Анны Хэйнс, глава 4). Оно также было расположено примерно в пяти километрах от железнодорожной станции. Нэнси Бабб за короткое время смогла обустроить несколько складов для хранения гуманитарной помощи. Много лет спустя она вспоминала об этих первых днях, проведенных в Тоцком:

Над входом в каждое складское помещение и контору мы установили восемиконечные красно-черные квакерские звезды....

На следующее утро сопровождавшая меня американка должна была уехать вместе со своим переводчиком, оставив меня одну без паспорта в этом селе, где проживало более тысячи жителей, для того, чтобы я обеспечивала одеждой и продовольствием сорок трех населенных пунктов с общей численностью жителей в шестьдесят три тысячи человек и площадью около трех тысяч квадратных миль. Многие к тому времени уже умерли от истощения или переохлаждения, поскольку вся одежда была распродана за кусок хлеба, способный поддержать их хотя бы на какое-то время.

В этом селе Тоцком... не было ни одного подходящего складского помещения, в котором можно было бы хранить привезенный груз. Поэтому в течение первого года нам пришлось хранить его на железнодорожной станции, контролируемой местными властями. Ключи от помещения находились у

квакеров, но представители властей каждое утро присутствовали на процедуре его распломбирования. Измученная ежедневным утомительным путешествием на станцию по морозу через буран, которое зачастую заканчивалось обморожением лица, я изъявила желание постоянно жить на станции, но добросердечный чиновник заверил меня, что квакерам не стоит жить в столь отдаленном месте. В конце концов, для меня нашелся небольшой одноэтажный крестьянский домик из четырех комнат, который был в свое время национализирован и в котором ютилось на тот момент семь семей, включая одного тифозного больного....

Мне сказали, что мой дом располагался на пресловутой «бандитской линии», но добросердечный чиновник, в прошлом армейский повар и участник русско-японской войны, умолял меня ничего не опасаться, так как двадцать коммунистов, к тому времени убитых и похороненных на моей улице, были, по его словам, последними жертвами бандитов. Через несколько дней власти предполагали направить целый батальон солдат для защиты города, и нескольких из них обещали расквартировать в моем доме для обеспечения моей личной безопасности. Через неделю после того, как мы организовали раздачу питания, перед нашим домом выстроилось пятьсот человек. Жена начальника склада забилась в истерику... В дверь настойчиво постучали, потом постучали еще раз, требуя открыть. Я открыла и увидела, как и ожидала, толпу мужчин. «Кто вы и кто вас сюда прислал?», — как можно более доброжелательно осведомилась я. Они отвечали спокойно, указывая на свои винтовки: «Мы солдаты Красной армии, нас прислали защищать город от бандитов. Просим предоставить нам жилплощадь, чтобы мы могли охранять вас лично».

Я ответила им, что мы — квакеры, что мы не опасаемся бандитов и не нуждаемся в вооруженной охране. Они выглядели удивленными. Их было много, они были грязны и, очевидно, голодны. Я раздала каждому по буханке хлеба и просила оставить меня в покое, поскольку у меня очень много работы по организации питания. Я также сказала им, что их услуги не требуются ни в одном из учреждений, отмеченных квакерскими звездами.

На следующий день эта история дошла до главы сельского совета, и весьма его озадачила. Он был удивлен нашим отказом от вооруженной охраны. ... [Местные помощники] поспе-

Дом Нэнси Бабб в селе Тоцком

шили предупредить меня, что если я откажусь следовать установленным правилам и не позволю солдатам проживать в своем доме, то они вынуждены будут меня оставить. Я ответила: «Делайте, как знаете. Я оставлю все по-прежнему». После этого они немного успокоились.

Через несколько дней в село, где хранилось продовольствие, наведались собственно бандиты, но местные комитеты, не желая вовлекать меня, сами встретились с ними, объяснили про квакерские звезды и про то, что мы кормим малолетних детей... всех, независимо от национальности, вероисповедания или партийной принадлежности. Бандиты осмотрели запасы продовольствия и запретили своим людям касаться их, но при этом забрали всех советских лошадей⁴.

После окончания голода Нэнси Бабб запустила несколько масштабных проектов. Она выращивала лен, сено, картофель, зерно и овощи для обеспечения детских домов и санаториев. Она учредила механическую мастерскую, сельскохозяйственный техникум, школу грамотности для взрослых, несколько детских домов и организацию взаимопомощи, в которой крестьяне могли брать в аренду землю, сельскохозяйственную технику и лошадей для личного пользования. К 1924 г. она

контролировала работу родильных домов и медицинских амбулаторий, где лечились больные малярией и туберкулезом. Ей удалось создать множество надомных мастерских, в которых женщины занимались пошивом штор и одежды и вышивкой, а мужчин организовать в рабочие бригады, так что их силами было выкопано множество колодцев, восстановлен ряд разрушенных строений, возведено новое здание районной больницы, а также уничтожены все крысы в округе. Кроме того, Бабб смогла заручиться поддержкой многочисленных сельских комитетов и местных властей при реализации своих проектов.

Надомные мастерские и пайки в обмен на работу

Бабб удивительным образом удалось соединить свои планы с теми задачами, которые ставили перед собой местные власти. Она приняла решение – раньше, чем остальные квакеры – требовать, чтобы нуждающиеся в питании или одежде зарабатывали их собственным трудом, одновременно помогая восстановить собственную самостоятельность. Она старалась сделать все свои проекты самоокупаемыми и передавала руководство над ними русским людям, позволяя представителям квакеров переключиться на другую работу, что впоследствии стало отличительной чертой работы всех международных миссий квакеров. Как она вспоминала позднее:

Как только настала зима, в восстановительных работах стали принимать участие местные власти. Каждый, кто хочет есть, должен работать. Это привело к моментальному росту числа трудовых инспекторов, которые сотрудничали с моими комитетами, контролируя работы по строительству и ремонту дорог, обустройству сиротских приютов и школ для взрослых, изготовлению мебели, ремонту школ, милиционских и медицинских участков, библиотек и общественных учреждений, созданию надомных мастерских, где женщины занимались вышивкой или пряли, ремонту сельскохозяйственных помещений, распахиванию земель для тех, у кого не было своих лошадей, заготовке сена, строительству мостов, борьбе с моровой язвой, возведению отдельных бараков для тифозных больных... и бесчисленному количеству прочих работ, перечислять которые нет возможности⁵.

В начале 1922 г. для Бабб стало очевидным, что назревшая необходимость перехода от оказания срочной благотворительной помощи к совместным восстановительным работам прекрасно сочетается с общими тенденциями того времени. Советское правительство торопилось объявить, что голод побежден, АРА предполагала в скором времени свернуть масштабные проекты по оказанию благотворительной помощи, а квакеры, как в Великобритании, так и в США, решили пересмотреть размеры финансирования своих программ в России. Но причины, по которым Нэнси Бабб решила заняться восстановительными работами, не были связаны с политикой – она была убеждена, что долгосрочная благотворительность губит желание людей работать и унижает их достоинство. В своем отчете за 1922 г. она описывала свой подход:

Еще многое мы должны сделать для несчастных, пострадавших от голода, но... пришло время ограничить количество бесплатно раздаваемых продовольственных пайков и потребовать от каждой семьи выполнения какой-то определенной работы за полученную пищу... Наш духовный настрой и наше желание помочь им в восстановлении села будут оценены не меньше, чем наши хлеба и рыбы. Конечно, неизбежны трудности и проблемы, но именно здесь у нас появляется возможность продемонстрировать наше искреннее стремление помочь им и доказать, что иностранная поддержка действительно может быть бескорыстной⁶.

Все проекты требовали сотрудничества трех сторон: крестьяне непосредственно выполняли работу, государство предоставляло строительные материалы и административную поддержку, а квакеры занимались организацией работ, финансирували их и снабжали жителей продовольствием и инструментами. Когда речь шла о крупном строительстве, например, нового здания, Бабб шла в местный исполнительный комитет с предложением финансировать его на паритетных началах⁷. К зиме 1923 г. Бабб действовала практически независимо от других квакеров, работавших в Бузулукском уезде. У нее были отдельные складские помещения, своя бухгалтерия, она самостоятельно занималась распределением грузов, сельским хозяйством и медицинской, помогая каждой из перечисленных сфер выйти на самообеспечение. В феврале 1923 г. она писала, что такой подход себя оправдывает:

Образец вышивки, изготовленной русскими крестьянами

Имея представление... о текущей обстановке, я потребовала, чтобы некоторые волости приняли на обеспечение своих сирот в течение последних четырех месяцев, или хотя бы выдавали им хлеб. Сегодня мы полностью содержим все детские дома при условии, что государство постоянно увеличивает количество мест и по мере возможности предоставляет для детей более теплые и обустроенные с санитарно-гигиенической точки зрения корпуса. Поступая таким образом, мы не только экономим продовольствие, но и даем местным властям возможность гордиться своей работой по обеспечению детских домов и вырабатываем дух взаимопомощи и сотрудничества между квакерами и государством... Что касается программы по представлению пищи в обмен на труд, то с мая месяца было сделано много полезного, например, было полностью заготовлено сено для лошадей, и при этом не ушло ни одной лишней порции... Еще нам удалось заготовить семена без лишних денежных трат... Я уверена, что все мои планы... находят сочувствие в сердцах местных чиновников. С другой стороны, они не находят понимания или одобрения у тех членов нашей общины, которые плохо представляют, что квакерам нужно делать и каким образом выстраивать свою работу⁸.

Основной своей задачей Бабб видела предоставление пайка каждому взрослому работоспособному человеку только в обмен на качественно сделанную работу, в то время как дети, больные и старики продолжали бы получать питание безвозмездно. Таким образом, основной потребностью была не пища, а материалы и инструменты, необходимые для работы: одежда, книги, карандаши, бумага, дерево, стекло и прочее. Она описала свои планы:

Позволить самому бедному населению работать за продовольственный паек полный день, если количество работ ограничено, выдавать только детский паек... Предоставить местным властям некоторое количество пайков для тех, кто... имеет рабочий скот, с помощью которого можно распахивать землю

для детских домов, больниц или бедняков, или тех, кто владеет каким-либо ремеслом, необходимым в строительстве детских домов, больниц, дорог, мостов и т.д. Власти должны будут возвратить продовольствие первого сентября – каждый пуд... и полученные средства будут использованы для закупки учебников и других материалов для школ, стекла, скотины для детских домов, тканей и инструментов для техникумов. Все такие подобные мероприятия должны проводиться совместно квакерами и местными властями, но под руководством квакеров вплоть до своего завершения⁹.

В июне 1923 г. она докладывала, что в селе Гамалеевка ее программа успешно работала: «Все работоспособное население, мужчины и женщины, стоящие в списках на питание, должны работать четыре дня в неделю»¹⁰. Надомные мастерские стали, возможно, самым важным нововведением Бабб. Начиная с 1922 г. она собирала необработанную шерсть, мешки из-под продовольствия и остатки старой одежды, чтобы голодающие люди могли сделать из всего этого что-то полезное и раздать в селе. «Согласно нашему плану, вся собранная шерсть остается внутри района и поступает к наиболее нуждающимся людям, а менее нуждающиеся рады обменять шерсть на старую одежду»¹¹. В октябре 1923 г. она писала:

Из наших мешков женщины мастерят шторы для детских домов, вышивая на них замысловатые узоры цветными шерстяными нитками, которые они получают, распуская тюки. Еще они шьют шторы для общественных учреждений в каждой волости. Многие мешки находились в столь плачевном состоянии, что им приходилось чинить их для последующей продажи, а из тех, что сохранились лучше, шить рубахи и брюки. За каждые 12 починенных мешков или за каждые две пары сшитых рубах и брюк женщина получает продовольственный паек. Почкиненные же мешки можно продать дороже, если предварительно их выстирать ...¹²

В отчете Нэнси Бабб за октябрь 1924 г. подчеркивается значимость этих мастерских для восстановления жизни в пострадавших от голода регионах:

Надомные мастерские возникли, как попытка создать рабочие места в условиях голода, когда нужно было накормить большое количество людей, не владеющих какими-либо ремеслами. В то время любое занятие, которое могло принести поль-

зу, давалось человеку, чтобы он мог избежать обнищания. Такие занятия включали заготовку сена, ...изготовление кирпичей, рубку леса, строительство дорог и каналов и работу в надомных мастерских, занимающихся шитьем, вязанием, прядением шерсти и вышивкой... на мешках с помощью шерстяных ниток из распущеных тюков, свитеров и всего, что можно было отыскать. В конце концов, мы приняли решение закупить ограниченную партию льна и ниток для вышивания из Москвы. ... Как только число голодающих стало уменьшаться и условия приблизились к нормальным, объем общественных работ снизился, и надомные мастерские получили хорошее развитие.

Поскольку на самых разнообразных работах было занято огромное количество людей, ни один вид работ не считался важнее других. Но все же наибольшее внимание уделялось изготовлению тех вещей, в которых испытывали нужду воспитанники сиротских приютов. Это были валенки, носки, льняные рубашки, свитера, шапки, перчатки, пальто, платья, ботинки, корзины, мебель и прочие вещи, которые изготавливались на месте в дополнение к привезенным из-за границы. Работая таким образом, мы смогли полностью одеть более 600 детей из 14 детских домов... за последние три года, а также обеспечить одеждой семьи и вдов, не имеющих рабочего скота и государственных служащих, получающих за свою работу только продовольственные пайки.

В прошлом надомные мастерские сослужили двойную службу, сделав возможным трудоустройство нуждающихся в питании... с другой стороны, они позволили нам получить дополнительную одежду и другие изделия, без которых мы не смогли бы продолжать наши благотворительные программы и оказывать помощь сиротам. Мы никогда ничего не делали на продажу, и не собирались. Но в последнее время изделия становятся все качественнее, и население проявляет к ним интерес, который мы пока стараемся поддерживать, поскольку производство изделий, пользующихся спросом, гарантирует трудоустройство для тех, на кого рассчитана благотворительная помощь. Работа в большинстве случаев... может быть сделана более искусно и в конечном счете более привлекательно, но... не руками того человека, кто держится обеими руками за свое рабочее место. Белье можно купить уже готовое, однако, мы будем обкрадывать вдову... которой нужна работа, но которая не умеет искусно вышивать. Можно вложить деньги в более состоящие материалы, но тогда крестьяне, умеющие лишь вя-

зать и прядь, останутся без работы... пока не научатся делать что-то другое¹³.

По мере развития надомных мастерских Бабб стала убеждать местные власти в необходимости обеспечения их материалами, другие квакеры последовали ее примеру, поскольку нужда в материалах росла. Генри Тимберз, проживавший в соседнем селе Сорочинском, подтвердил значимость надомных мастерских для женщин-крестьянок:

Я не могу... переоценить значения, которое будет иметь поставка больших партий льна и шерсти для женских надомных мастерских... Если будет достаточно сырья, я не вижу причин, из-за которых каждая женщина, получающая пайки, не принимала бы участия в прядильных или ткацких работах. Можно установить определенное количество материала, требуемое для изготовления той или иной вещи, и выдавать материал на ежемесячной основе в селах, а продовольствие выдавать после того, как женщины принесут готовые изделия. Тогда же они смогут забрать материал для последующей работы. Во всех селах, где я бывал, женщины встречают идею о выполнении работы ради получения пайка с воодушевлением, им всем больше хочется работать, чем сидеть без дела¹⁴.

Детские дома

Сельскохозяйственные проекты Нэнси Бабб и ее надомные мастерские выросли из необходимости обеспечить взрослое крестьянское население работой, а бездомных детей питанием и одеждой. Когда она приехала в Тоцкое в 1921 г., в районе проживало около 800 беспризорников в возрасте младше пятнадцати лет. Они находились в так называемых колониях — плохо обустроенных заброшенных учреждениях, которые, к тому же, были переполнены вследствие революции, гражданской войны и недавно свирепствовавшего голода. Принимая во внимание тот факт, что работа с детьми изначально планировалась квакерами в рамках оказания помощи беженцам (см. главу 3), она решила заняться проблемой вплотную. Другой работник миссии Джессика Смит писала:

Больше всего нас волновали детские дома с их устрашающим видом и жалкими истощенными обитателями. [Крестьяне нам говорили:] «Да, да, мы знаем. Очень, очень плохи там дела. Но мы ничего не можем сделать». У нас недостаточно продук-

Дети одного из детских домов Самарской области, где питание обеспечивали квакеры

тов, а как мы можем просить крестьян помогать, когда их собственные дети почти умирают от голода?»...

[Мы] рассказали им о переменах, постигших другие детские дома, опекаемые квакерами — дети в них сейчас росли здоровыми и счастливыми. Но мы поставили условие — если они хотят получать помощь от квакеров, им нужно сначала самостоятельно привести детские дома в надлежащее состояние. И не успели мы уйти, как крестьяне уже договорились о том, что они готовы пожертвовать свои скучные средства для «обустройства детских домов», забыв о собственной большой нужде. ... В следующий наш приезд детский дом было не узнать — они назначили другого директора, соорудили новые кровати для детей и замечательно отмыли все помещения.

Поездка в детский дом неожиданно предоставила возможность рассказать крестьянам о квакерских ценностях:

Когда мы собирались уходить, крестьяне в углу начали что-то оживленно обсуждать, потом вдруг нас попросили вернуться. Первым заговорил большой светловолосый мужик: «Будьте добры ответить на один вопрос, прежде чем уйдете. Мы не можем понять, отчего квакеры приезжают и помогают нам. Мы слышали, что через год нам придется вернуть все, что мы от вас получили. Правда ли это?»

Мы быстро им все объяснили. «Квакеры привозят продовольствие безвозмездно. Они считают, что люди из разных стран должны помогать друг другу, когда кто-то попадает в беду, а если урожай в одной стране уродился, а в другой нет, то нужно делиться. Квакеры не приемлют войны и верят в то, что если бы люди по всему миру смогли понять и полюбить друг друга, им никогда не захотелось бы браться за оружие. Поэтому некоторые квакеры и решили сами приехать на помощь».

Крестьяне кивали. Большой мужик остался доволен нашим ответом. «Хорошо, хорошо, мы и сами так думаем. И все коммунисты так думают. Будем вместе работать»¹⁵.

Осенью 1922 г. Эдвин Вэйл писал из Гамалеевки о не предвиденных трудностях и тяжелой работе, потребовавшей от квакеров гораздо больше времени и усилий, чем предполагалось изначально:

В детских домах царит антисанитария, но нам удалось кое-что исправить в этом направлении: мы очистили дворы и построили туалеты. Недавно съездили в детский дом № 16... грязь там ужасающая. Мы потребовали, чтобы к следующему нашему приезду помещения были приведены в порядок, пригрозив, что в противном случае мы снимаем их с продовольственного обеспечения. ... Тем временем дети в уже обустроенных детских домах болезненно переживают смену воспитателей. К тому же, мы недавно имели неосторожность накормить их слишком плотно, поскольку многие сейчас помогают убирать урожай в полях и силы их нужно поддерживать. В результате половина детей почувствовала резкое недомогание...¹⁶.

Сотрудничество с уездными и волостными властями и крестьянскими комитетами в вопросах уборки детских домов, их ремонта, обеспечения мебелью и продовольствием значительно укрепило личные связи, столь важные для работы квакеров. На рождество 1922 г. работники миссии посетили все детские дома в округе, чтобы раздать детям небольшие подарки. Бабб писала:

Радость на лицах маленьких сирот, получивших свои первые в жизни рождественские подарки, невозможно передать кистью или пером... Местные власти нас тоже порадовали — в каждый детский дом доставили по настоящей елке. Елки потом были украшены простыми самодельными игрушками... Каждый ребенок сиял от гордости, неся свой маленький мешочек, в котором лежали игрушка, конфеты, орехи, зубная

щетка и тюбик зубной пасты. На ночь мешочки с этим первым в их жизни нехитрым имуществом накрепко привязывались к спинкам кроватей. Если бы американские малыши могли представить ту радость, которую испытали измученные голодом сироты, получив их подарки, они бы почувствовали большое удовлетворение от каждого пожертвованного пенни¹⁷.

Дети отвечали квакерам взаимностью. В архивах КСАД и института Гувера хранится множество писем, похожих на следующее:

Дорогая миссис Бабб,

Сначала я хочу рассказать немного о своей жизни. Мне шестнадцать лет. Я учусь в городе в педагогическом училище. Я сирота, у меня совсем нет денег, и поэтому жизнь моя очень трудная, у меня нет даже одежды и обуви, и других нужных вещей.

В училище я хожу босая и полураздетая, потому что последние мои ботинки совсем износились. ... Я уже совсем пришла в отчаяние и думала, что мне придется оставить учебу, как вдруг получила от Вас пару хороших ботинок и платье. Вы себе представить не можете, дорогая миссис Бабб, как я была счастлива в тот день.

Позвольте мне в этом письме выразить Вам свою огромную признательность, а в Вашем лице и всему Обществу Друзей. ...

С глубоким уважением,

Елизавета Васина¹⁸

К началу 1923 г. силами квакеров, местных властей, сельских комитетов (которые особенно помогли строительными материалами) и крестьян (выполнивших определенные работы за продовольственные пайки) были отремонтированы все детские дома в округе. Бабб писала:

Детские дома получили дополнительные койки и одежду, так что теперь каждый ребенок спит отдельно и имеет по три смены нижнего белья и верхней одежды. Это относится ко всем детским домам, кроме трех, в два из которых в начале следующего месяца также будут привезены одноместные койки. ... Санитарные условия согласно нашим наблюдениям во время последнего визита тоже заметно улучшены, и могут считаться удовлетворительными, хотя им еще далеко до американских стандартов. Местным людям очень тяжело принять наши идеи о том, как все должно быть устроено, из-за разницы в уровне жизни и полученного образования, но мы все еще надеемся на благоприятные изменения и постепенно направляем их¹⁹.

Просвещение и миссионерская работа

После того, как Нэнси Бабб увидела огромное количество бездомных детей в Тошком, она поставила вопрос об их обучении. В октябре 1922 г. она предложила КСАД организовать школу грамотности, а также сельскохозяйственные и профессиональные училища для взрослых и детей.

Принимая во внимание, что во время голода многие дети остались сиротами, а специальных школ практически нет... мне представляется крайне важным открыть большое профессиональное училище при сельскохозяйственной артели. Правда, у нас нет на примете не одного здания, в котором можно было бы разместить ...100 мальчиков. У нас сейчас... около 700 круглых сирот и 14 детских домов. Одно хорошо оснащенное училище обойдется гораздо дешевле, чем устройство школ при каждом детском доме. В артели все машины и цеха уже готовы к использованию в учебном процессе, нужно лишь найти помещение. ...Грамотных наставников мы тоже уже нашли. ...

Рекомендация: нужны 500 долларов и энергичный способный человек, готовый принять на себя полную ответственность за организацию работы училища. Такой человек должен будет постоянно проживать непосредственно в училище, при условии, что мы будем обеспечивать его всеми необходимыми... материалами... и постараемся наладить сотрудничество с каждой волостью. Мы сможем, таким образом, привлечь к полезному занятию многих рабочих, которым в любом случае требуются пайки. Однако, без финансирования организовать такую работу представляется невозможным, поскольку местные власти могут предоставить лишь транспорт и рабочую силу. Нужен обязательно кирпич, а также гвозди и бревна²⁰.

Из-за возражений советских чиновников, смелый план Нэнси Бабб так и не был реализован, но она не сдавалась. Вместо одного большого училища, устройство которого потребовало бы значительного количества материалов, разрешений, персонала и денежных средств, она открыла небольшие профессиональные школы в соответствии со спросом на те или иные услуги в каждом конкретном селе. Пользуясь всецелой поддержкой местных властей, некоторые из этих школ в течение многих последующих лет занимались подготовкой плотников, сапожников, укладчиков кирпича, кузнецов и специалистов по ремонту сельскохозяйственной техники²¹.

Вечерние школы грамотности для взрослых организовать было значительно проще, поскольку они были очень популярны среди населения и соответствовали поставленным большевиками задачам по ликвидации безграмотности и политическому просвещению. Обнаружив, что только 10% населения в 1922 г. могли написать свое собственное имя, Бабб заручилась поддержкой местных органов образования и предупредила каждого члена миссии квакеров о необходимости обучать население письму и чтению. Даже при отсутствии учебников, карандашей и бумаги, прогресс был стремителен. Протокол совещания квакеров повествует нам о следующем:

Вечерние школы для взрослых работают по три часа каждый рабочий день, всего двадцать часов в неделю, посещать занятия разрешается только неграмотным. Записывают учащихся в классы сами учителя. В конце первого месяца обучения учащиеся умели уже написать свои имена. Учителя несут ответственность за подготовку учащихся на должном уровне. В конце обучения все обязательно сдают экзамен²².

Один из квакеров, работавших в Грачевке, писал Нэнси Бабб в январе 1923 г.:

Из всех наших нововведений самый большой интерес население проявляет к вечерним школам грамотности и еще, пожалуй, к общественным работам. Люди с готовностью и желанием посещают школу, и мы, наверное, собьемся с ног в следующем месяце, организуя их обучение. Нам... просто необходимо... иметь хороший запас школьных принадлежностей, сегодня в школах для взрослых нет ничего... Я также думаю, что школы — это одна из важнейших наших точек соприкосновения с местными властями, которые также весьма заинтересованы в открытии школ, а их представители... с любопытством следят за нашей работой²³.

Популярность вечерних школ вновь напомнила о главном вопросе: имеют ли квакеры право обучать взрослое население, замалчивая о своих религиозных взглядах и убеждениях? И в какой степени комитеты в Лондоне и Филадельфии одобряют их открытую проповедь квакерского вероучения? Во время оказания благотворительной помощи и проведения восстановительных работ этот вопрос тоже был у квакеров на уме, но

Бабб и ее коллеги договорились о том, что они не будут предпринимать никаких действий. Не испытывая желания насилия обращать кого-либо в свою веру, они не видели противоречия между той работой, которую они делали, и не требующей оправдания ясностью в том, что касалось их религиозных убеждений. Поэтому работники миссии хотели иметь какие-нибудь материалы о квакерах на русском и английском на случай, если кто-то заинтересуется, но они не хотели вести какую-либо целенаправленную работу, пропагандирующую собственное вероучение.

Нэнси Бабб пребывала в уверенности, что если квакеры будут добросовестно работать в России и если российские крестьяне, интеллигенты и чиновники будут получать честный ответ на свой извечный вопрос: «Почему вы этим занимаетесь?», то их интерес к вероучению квакеров появится сам собой. Когда это случится, квакеры должны быть готовы предоставить им сведения как устно, так и в виде печатных материалов. Таким образом, она была уверена, что с течением времени влияние квакеров в России усилится, и религиозное Общество Друзей найдет опору среди русских людей. Она озвучила это на встрече с «Миссионерским комитетом» КСАД, будучи в отпуске в Филадельфии зимой 1925 г. Протокол совещания гласит:

Нэнси Бабб попросили рассказать о работе в России с точки зрения миссионерской деятельности. Она придерживается того мнения, что мы должны обеспечить доступ российскому населению к литературе, объясняющей основы вероучения квакеров на случай, если появится соответствующий интерес. Она считает, что русские люди весьма склонны к философствованию и часто задают вопросы о нашем учении, это делают даже советские чиновники в частных беседах. Открытая религиозная пропаганда сразу вызовет неодобрение советских властей, тогда как в частной жизни люди могут свободно следовать своим наклонностям касательно чтения или молитвы.

Квакеры имеют в России наибольшее влияние среди иностранных организаций, поскольку продолжают оказывать помощь населению безвозмездно. Нэнси Бабб подчеркивает существующую в России нужду в помощи Друзей²⁵.

Общественные работы

В то время как женщины-крестьянки были, в основном, заняты в надомных мастерских, мужчины привлекались к общественным работам в рамках нескольких значимых для села проектов. Они занимались ремонтом дорог и мостов, строили школы и обставляли их мебелью, утепляли входные двери в общественные здания. Для детских домов, больниц и санаториев они изготавливали короба, сундуки и кровати, чинили обувь, копали колодцы, кололи дрова, сажали деревья и распахивали поля для садов и огородов²⁶. В селе Сорочинском они построили плотины и небольшие резервуары для запасов воды на случай засухи и защиты от паводков. Гарри Тимберз писал:

Строительство водных резервуаров потребовало участия большого количества мужчин. Эти резервуары представляют собой просто большие плотины в устьях оврагов, которые могли бы скапливать дождевую воду так, чтобы скотину не нужно было каждый день гонять на водопой к реке. Эти работы, конечно, можно вести только осенью. На зиму у меня пока нет занятия, в которое можно было бы вовлечь всех этих мужчин²⁷.

Серьезной проблемой при проведении общественных работ оставалась нехватка материалов, которые было значительно труднее раздобыть, чем шерсть, лен и старые мешки для женских мастерских. Один из работников миссии в Сорочинском напрямую озвучил проблему советским властям:

В нашем районе срочно требуются материалы для проведения восстановительных работ: бревна и стальные листы для ремонта мостов, стальные прутья, болты, древесина, плотницкий инструмент, пилы, топоры, молотки, стекло, гвозди, шерсть, лен... для строительства и обустройства школ и больниц. Мы обеспечиваем рабочих питанием, но государство должно снабдить их материалами... Количество людей, которых мы сможем накормить, будет зависеть от количества предоставленных вами материалов²⁸.

Все работники миссии квакеров были озабочены поиском материалов для продолжения общественных работ. Эдвин Вэйл писал из Гамалеевки в августе 1922 г.:

Мы делаем все возможное, чтобы начать восстановительные работы и обеспечить рабочими местами как можно больше людей, но большинство наших планов упирается в от-

существие бревен, стекла, гвоздей, инструмента и всевозможных строительных материалов, которые невозможно найти внутри волости или получить от властей.

В Шестаковской волости мы выделили пятьдесят месячных пайков для обеспечения строительства новых колодцев в каждом населенном пункте. Старые колодцы давно пришли в негодность – новые будут иметь крышки и отвечать санитарным нормам. В Матвеевской волости мы выдали сорок пайков для рабочих, ремонтирующих здание школы. В Боголюбовской волости мы обеспечили пайками людей, в задачи которых входит инспектирование санитарного состояния дорог и дворов, а также плотников, занятых в ремонте детских домов и больниц. На сегодняшний день наша величайшая потребность – это материалы²⁹.

Кроме работ по уборке и рубке леса, квакеры также иногда получали материал от уездных и волостных чиновников, заинтересованных в восстановлении общественной инфраструктуры на подведомственных им территориях, таким образом, экономия привезенные в качестве благотворительной помощи материалы, обеспечивая население работой и уменьшая количество иждивенцев. Но Нэнси Бabb все отчетливее понимала, что только в рамках долгосрочной программы работа квакеров может гармонично вплестись в будущую жизнь каждой волости. Она понимала, что успех работы имеет множество составляющих: важную роль играла бесперебойная поставка материалов властями; крестьянский труд; продовольственная помощь от Американской администрации помощи, а также британских и американских квакеров; финансовые средства от КСАД и британских Друзей; урожай, выращенный собственными силами. Вся ее деятельность в 1920-х гг. была сосредоточена вокруг развития сельского хозяйства и сопутствующих сфер. Сено, картофель, овощи, зерно, скотину и шерсть можно было выгодно продать или обменять на металл, стекло, кирпич и другие материалы, вырастить которые было невозможно³⁰.

К зиме 1923 г. Бабб и другие работники миссии квакеров все больше видели себя в качестве управляющих сложной цепочкой проектов. Как с долей шутки писал из Гамалеевки Эдвин Вэйл:

Моя должность теперь официально называется волостной инспектор. ... Но я думаю, что это название не полностью отражает весь спектр моей деятельности, потому как я еще инспектор продовольствия и одежды, распорядитель общественных работ, начальник дорог и мостов, комиссар просвещения и медицинский консультант, а также главный политик и великий благотворитель. Итак, инспектор продовольствия и одежды: без моей визы не выдается ни один паек, будь то детский дом или обычные граждане. Я полноправный хозяин на складе одежды. Для того чтобы получить паек, каждый должен под моим руководством потрудиться две недели на общественных работах, к тому же я лично контролирую строительство дорог и мостов этим летом, чтобы по ним в будущем могли свободно передвигаться автомобили. Вот почему я начальник дорог и мостов и распорядитель общественных работ. Я могу называться комиссаром просвещения, так как засчитываю часы, проведенные на занятиях в вечерней школе, как работу, к тому же я поддерживаю детские театральные представления, обеспечивая их отличными костюмами в виде старых сюртуков, шелковых корсетов и украшенных цветами шляпок, которые прислали некоторые наши сограждане для того, чтобы согреть замерзающих русских. Я еще и главный политик, потому как увольняю недостойных директоров детских домов, направленных сверху, одним простым уведомлением о том, что данный детский дом снимается с продовольственного обеспечения до тех пор, пока им руководит тот или иной человек. А еще я великий благотворитель, потому как щедро раздаю некоторым достойным гражданам, умеющим грамотно озвучить свою просьбу, солдатские траншейные зеркала, игральные карты и прочие нужные вещи. Ну и, наконец, я консультант по вопросам медицины, потому как псевдо-врачи, которых мы активно поддерживаем, почти ничего не знают и не умеют, и мало кто из крестьян им доверяет³¹.

Сельское хозяйство и вспомогательные работы

Сельскохозяйственные работы в Тоцком и Сорочинском были сосредоточены на площади в 700 гектар, которые квакеры изначально начали разрабатывать для детского туберкулезного санатория. В селе была создана организация взаимопомощи для того, чтобы жители, не имеющие возможности приобрести

в личное пользование землю, лошадь, трактор или другую технику, могли все это арендовать. Бабб и другие члены миссии полагали, что правильнее будет поощрять возделывание крестьянами собственных участков, а не расширять отведенные им 700 гектар земли, привлекая крестьян для их обработки.

В 1923 г. Нэнси Бабб объяснила крестьянам, что получить качественное сено на землях, которые никто не обрабатывал со времен революции невозможно. Она предложила альтернативный вариант: сыр, изготовленный из молока принадлежащих крестьянам и квакерам коров, обменять на корм для скота. Попутно затем были засеяны зерном, что способствовало увеличению их плодородия. К 1925 г. жители округи полностью обеспечивали себя «хлебом, крупами, салом, сливочным маслом, молоком, сыром, сеном, одеждой... но чай, фрукты, куриное яйцо приходилось закупать»³². В 1926 г. она писала, что «сельское хозяйство теперь развивается почти независимо, у нас есть 150 голов крупного рогатого скота, амбары, домашняя птица, пастбища. Все ветхие строения были отремонтированы в дополнение к вновь построенным. Мы сами делаем сыр и занимаемся пчеловодством, а недавно засадили 50 десятин (примерно 110 акров) земли деревьями, чтобы сохранить опесчаненную почву и защитить ферму от песчаных и пыльных бурь»³³.

Кроме работ на ферме, стремясь задействовать большее количество крестьян, Бабб и ее помощники начали претворять в жизнь свой амбициозный план сельскохозяйственных проектов. Они включали в себя сушку сена, сбор и распространение семян и рытье каналов на покрытых снегом распаханных полях, чтобы во время таяния снегов в них скапливалась влага³⁴. Один из самых крупных проектов был посвящен восстановлению разрушенного цеха по ремонту тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Карл Бордерс, директор миссии КСАД в Сорочинском, подчеркивал значение ремонтного цеха в 1922 г.:

Мы обещали нашим трактористам и механикам, что зимой у них тоже будет работа. ...Когда закончился сельскохозяйственный сезон, мы стали искать им новое занятие. Как раз тогда Нароцкий и обнаружил этот разрушенный цех. Принимая во внимание наши планы по закупке нескольких новых тракторов и нарастающую в округе нужду в починке всевозмож-

ной сельскохозяйственной техники, местный отдел транспорта считал восстановление цеха очень хорошей идеей. К тому же, наши мужчины будут обеспечены работой на зиму, и мы смело можем сказать, что убъем одним выстрелом целую стаю зайцев. ...В цехе мы сможем ремонтировать нашу собственную технику и технику крестьян, обучать мальчиков ремонтному делу, а потом оставим новый цех городу³⁵.

Ключевым моментом в восстановлении сельского хозяйства стало приобретение лошадей. Как отметил Эдвин Вэйл в августе 1922 г. избавление крестьян от зависимости от квакерской помощи и переход на самообеспечение был обусловлен очень простой причиной: «В крестьянских хозяйствах ничего не осталось, даже одежды. Но главное – они потеряли весь рабочий скот. Самая большая беда – это отсутствие лошадей»³⁶.

Лошади для крестьян

Идея закупить лошадей для крестьян родилась в самый разгар голода в 1921 г. Квакеры в Лондоне и Филадельфии заметили, что лошади вымирали практически также быстро, как люди, а для восстановления сельского хозяйства они были незаменимы. Квакеры в Соединенных Штатах предложили как жест доброй воли переправить в Россию американских лошадей так же, как они переправляли муку в 1921–22 гг. Мысль была расценена, как интересная, однако, лошадям пришлось бы проделать в этом случае долгий и трудный путь. Они «должны были прибыть сначала в черноморский порт, оттуда их нужно было бы переправить железной дорогой до Волги, потом на баржах до Самары и снова железной дорогой до Бузулука и Сорочинского. Это целое испытание для животных. Только самые стойкие смогут выдержать такое путешествие, большинство же погибнет по дороге»³⁷.

Вскоре члены миссии решили искать лошадей в России. Осенью 1922 г. квакеры из села Сорочинского закупили 160 лошадей в регионах, где благодаря дождям урожай был спасен. 155 лошадей благополучно перенесли двухдневное путешествие. На каждую лошадь было нанесено клеймо с номером и квакерской звездой, их стоимость оценил специальный комитет, в который входили местные чиновники и члены миссии квакеров, а затем их раздали нуждающимся крестьянским се-

мьям. Еще 500 лошадей было закуплено для Бузулука и окрестностей. В течение следующего года планировалось еще увеличить их поголовье³⁸. Как утверждала Нэнси Бабб в письме к Анне Хэйнс, невозможно было улучшить положение, имея лишь символическое количество лошадей:

Крестьянка с лошадью, полученной от квакеров

приходится одна лошадь на 30 людей. Если бы мы даже имели 1000 лошадей, это количество все равно осталось бы символическим³⁹.

На совещании в ноябре 1922 г. члены квакерской миссии в России обсуждали, что предпочтительнее для восстановления сельского хозяйства: тракторы или лошади. Крестьяне предпочитали лошадей. «Комитет... пришел к выводу, что с точки зрения обучения и внедрения новых методов ведения сельского хозяйства... лучше закупить тракторы. Мы рекомендуем... приобрести 1000 лошадей... и просим Филадельфию... прислать 9000 долларов для покупки тракторов и 41000 долларов для покупки лошадей»⁴⁰. Реалистичное описание ситуации было приведено в их отчете:

Несмотря на то, что земледелие в этой части России никогда не сможет стать прибыльным делом, в течение трех лет

вполне возможно вывести наши фермерские хозяйства, по меньшей мере, на самоокупаемость. Принимая во внимание особенности почвы, здесь дешевле распахивать земли трактором, чем нанимать с этой целью крестьян. С помощью трактора пахать можно глубже и именно в то время, когда это необходимо. Крестьяне же всегда будут стремиться в первую очередь распахать свои собственные участки, что вполне понятно, но, ожидая их, мы ставим под угрозу будущий урожай. Поскольку за время голода вымерли практически все лошади, нужно будет ждать очень долго, пока крестьяне найдут возможность пахать для других. А для больниц и сиротских приютов нужно зерно, если же мы решим закупать его у крестьян, нам придется платить им огромные деньги. С помощью тракторов, помимо прочего, можно убирать урожай, сеять, молотить и молоть муку, с этой точки зрения крайне важным представляется закупка дополнительной техники, которая позволит нам продолжить уже начатую, как описано в настоящем отчете, работу⁴¹.

Зимой 1922 – 1923 гг. миссия квакеров предложила более смелый план по закупке и распределению лошадей, названный директором Уолтером Уайлдманом «ключом к постепенному восстановлению экономики»⁴². В феврале 1923 г. было подписано соглашение между Альфредом Шмальцем и Ильей Толстым (внуком Л.Н. Толстого, большим другом квакеров и экспертом по части лошадей), в рамках которого они должны были отправиться в Сибирь и закупить там от 500 до 1000 лошадей, в зависимости от их состояния, и перегнать их в Бузулук

Петров и Илья Толстой на лошади, предназначенный для передачи крестьянскому семейству

и Сорочинское. В соответствии с соглашением, стоимость лошадей не облагалась налогами, так что цены оставались вполне приемлемыми для крестьян⁴³.

Толстой и Шмальц отправились в Сибирь 1 марта. Вскоре они обнаружили, что «каждый житель России, скопивший мало-мальскую сумму денег, ехал туда в надежде купить лошадь», что побуждало продавцов повышать цены. К счастью, квакеры имели при себе банкноты, обеспеченные золотом, стоимость которого к тому времени возросла настолько, что могла покрыть образовавшуюся разницу в цене. В течение нескольких дней они приобретали лошадей на различных ярмарках, «окончательное решение всегда оставалось за Толстым». Как позднее писал Уайлдман: «Наши представители знали и любили лошадей, их задачу облегчало и то, что нам требовалось лошади одного вида — крепкие молодые особи, приспособленные к нуждам крестьянства».

Шмальц вспоминает о происшествии, в котором пригодилось умение Толстого договариваться: «Когда мы перегоняли очередную партию лошадей... две лошади, принадлежавшие местным чиновникам и пасущиеся на обочине, незаметно примкнули к нашему стаду полуобъезженных жеребцов. В тот же вечер два наших человека были арестованы за конокрадство. Это недоразумение поставило под угрозу все наши труды, но тут подоспел Толстой и всех покорил своим обаянием во время длительного чаепития, так что вопрос был уложен»⁴⁴.

25 июня, спустя пятьдесят пять дней, лошади, пережившие таяние снегов и весенние паводки, наконец, прибыли в Оренбург. К этому времени квакеры приняли решение восстановить на 70% поголовье рабочих лошадей, которое существовало в округе до голода. Они решили выделить 10 000 долларов на покупку лошадей, чтобы впоследствии продавать их крестьянам по себестоимости. Вся выручка должна была пойти на обеспечение самых низких возможных цен, таким образом, чтобы возможность купить лошадь оставалась у большинства крестьян, а не только у зажиточных. Квакеры просили Наркомат земледелия прислать им представителя «со всеми полномочиями, позволяющими ему действовать в качестве посредника между Обществом Друзей и местными комитетами» в вопросах транспорта, инспектирования и налогообложения. Также

Друзья просили об освобождении привезенных ими лошадей от возможной мобилизации в армию или для нужд правительства, поскольку они оставались собственностью квакеров⁴⁵.

Через неделю пришел ответ от Наркомзема о том, что предложение квакеров принято, представители ведомства одобрили расширение программы, но не дали гарантий относительно «освобождения лошадей от мобилизации». Вместе с тем, Наркомзем обещал помочь с вопросами транспорта, инспектирования и налогообложения и согласился не мобилизовать лошадей в ближайшие два года для нужд государства⁴⁶. Соглашение устранило все препятствия к ввозу лошадей, но вскоре вновь потребовалось деликатное вмешательство Ильи Толстого. Когда лошади прибыли в Оренбург «опять посыпались многочисленные вопросы... и только его терпеливое объяснение позволило все удовлетворительным образом уладить». Лошади прибыли в Сорочинское 5 июля, по этому случаю был устроен настоящий праздник⁴⁷. Альфред Шмальц так описывает экспедицию в письме к Уилбуру Томасу:

Успех или неуспех экспедиции всецело зависел от Ильи Толстого. На него таким образом была возложена огромная ответственность, но он справился со своими задачами прекрасно, несмотря на юный возраст. Он не только стойко переносил все неудобства, связанные с путешествием, но также обнаружил замечательную способность улаживать трудные и шекотливые ситуации и изрядную смекалку. Он знает и любит лошадей, поэтому все вопросы по части их покупки обсуждались с ним, кроме того, он искренне разделяет настрой квакеров, сопутствующий нашей работе, и может простыми словами, не теряя достоинства, донести этот настрой до всех, с кем нам доводилось общаться⁴⁸.

Бабб описывает радость крестьян, получивших в пользование лошадей. Она рассказывает и о том, каким образом распределялись привезенные лошади, и как складывались отношения между крестьянством, местными властями и квакерами.

Прошлая неделя выдалась тяжелой — мы начали продавать лошадей, и приходилось много путешествовать по разбитым грязным дорогам. Казаки, как правило, пригоняли лошадей в село за день до нашего приезда. Предполагаемых покупателей собирали заранее и рассказывали им об условиях договора, так что по приезду представителю миссии оставалось только подписать договор о продаже.

Розыгрыш лошадей – крестьяне тянут номера из шапок

Удовольствие, которое мы получали, продавая этих лошадок, было не меньшим, чем радость получающих их крестьян. Отрадно было видеть, что комитет действительно справедливо распределял лошадей после того, как им был объяснен основной принцип. Но, конечно, желающих получить лошадь было больше, чем самих лошадей, поэтому предпочтение отдавалось большими семьям, где было много работников. ...

Один человек потерял свою последнюю корову, потому что перевозил на ней какие-то общественные грузы. У другого всю скотину увезли бандиты. Другие... продали своих лошадей в надежде купить хлеб из Ташкента ... а он так и не доехал, в то время как большинство просто съели своих лошадей, а также собак и кошек и были безмерно благодарны квакерам за «пищу, которая помогла выжить». Те, кому лошади не досталось, просили нам на коленях съездить и закупить еще несколько, а некоторые осведомлялись, не окажутся ли квакеры в дальнейшем покупать для них лошадей в случае, если государство выделит давно обещанную крупную сумму денег...

Лошади были измощдены дорогой... поэтому перед тем, как использовать их для работы в поле... мы щедро накормили их овсом...

Рекомендация: закупить как можно больше лошадей ранней весной и распределить их согласно отработанной схеме. Продолжать продавать их по низким ценам, чтобы плата не обременяла крестьян⁴⁹.

Школа трактористов Пэрри Поля

В мае 1923 г. в дополнение к лошадям квакеры привезли из-за границы около дюжины тракторов «Фордзон». Пэрри Пол, отвечавший за вопросы транспорта в селе Сорочинском (куда были определены четыре трактора), видел долгосрочную перспективу использования тракторов для модернизации «основной отрасли» России – сельского хозяйства. В небольшом ранее не опубликованном очерке, написанном в 1924 г., он заставляет нас взглянуть по-новому на работу квакеров по восстановлению России после голода:

На краю оживленного рынка в селе Сорочинском в России стоит приземистое кирпичное здание, выкрашенное в желтый цвет. С обоих торцов этого здания расположены большие железные ворота. Они всегда закрыты и на них висят огромные железные замки. Пыльные окна загорожены железными решетками. Мне говорят, что это бывший склад, в котором некий богатый дореволюционный купец хранил зерно, скапываемое у крестьян в округе.

В течение года это здание использовалось в качестве гаража миссией Общества Друзей, работавшей в пострадавших от голода селах к востоку от Бузулука. К слову, это был единственный гараж между Бузулуком и Ново-Сергиевкой, расположенной на расстоянии 150 миль по железной дороге, ведущей в Ташкент....

Я захожу в гараж снежным, серым, скучным декабрьским днем. В одном из помещений, холодном и не отапливаемом, стоят двигатели и грузовики «форд», на которых квакеры путешествуют вплоть до Рождества, в то время как все дороги уже заметает, и крестьяне давно передвигаются на санях. Другое помещение отапливается печуркой, похожей на большую ржавую консервную банку. Пол черный и замасленный – здесь в течение года ремонтируются машины. Вдоль стен стоят скамьи, над ними полки с немногочисленными запасными частями. В углу одиноко стоит ведро с маслом и пустая бочка.

В одной части помещения стоит наполовину разобранный трактор «Фордзон», на котором мелом нарисованы многочисленные метки и стрелки. Напротив висит доска, перед ней

Квакерский трактор Фордзон около офиса американских квакеров в Сорочинске. За трактором в шляпке стоит Ребекка Тимберз-Кларк, квакер из США

два пустых ящика из-под мыла и две доски поверх них. На досках восседают слушатели школы трактористов Пэрри Пола.

В прошлом мае, когда в Сорочинское привезли тракторы «Фордзон», а земли к западу от села было решено распахать и засеять пшеницей, я...бросил клич в поиске трактористов по всей округе. В итоге я не нашел ни одного опытного тракториста – если они и были раньше, то умерли в голодные годы или переехали в другие края. Но зато оказалось много желающих обучиться управлять трактором – кузнецы, плотники, жестяники и энергичные молодые люди вставали в очередь. Никто из них ранее в глаза не видел трактор. Все они до смерти желали им управлять. Для них трактор олицетворял собой культуру и дух легендарной недосягаемой Америки. А те из них, кто причислял себя к коммунистам, связывали с трактором светлое будущее всего советского земледелия... повышение урожая в селе казалось им слишком прозаичной целью.

Из всех желающих я отобрал около десяти человек, вид которых мне подсказал, что они могут в принципе управлять машиной. Я посадил их за руль и практически сразу же они стали ездить днем и ночью. Конечно, не обошлось без ошибок,

«КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ»

аварий и неполадок, вызванных неправильным обращением, но они учились день за днем и постигали тайны маленьких, но могучих рычажков, которые теперь находились у них в руках.

Все их достижения невозможно перечислить в этом рассказе: они засеяли 1565 акров пшеницей, 700 акров рожью и озимой пшеницей, с распаханного ими участка, принадлежащего детскому дому, было собрано 52 тонны помидоров, и это только малая толика всего, что было сделано с помощью прицепных плугов, сеялок, борон и повозок, груженых сеном или мешками с пшеницей.

К концу лета десять трактористов уже кое-что знали. Увидев, как плодотворно большие железные существа работают в поле, они попутно получили представление о газовых двигателях, цилиндрах, коленчатых валах и клапанах, о которых доселе ничего не знали. Но я не полностью был удовлетворен их обучением ...поэтому и учредил школу трактористов, чтобы систематизировать и закрепить полученные ими в поле знания. Поэтому в тот пасмурный декабрьский день я шел в то самое гаражное помещение, где десять моих учеников готовились слушать мой рассказ о причинах и следствиях недостаточной и избыточной смазки, о действии смещения и игле карбюратора, о тормозе и заслонке и прочих вещах, которые должен знать хороший тракторист о фордзоновской машине.

Мои занятия обычно состоят из ответов на их вопросы. Я стою перед ними, облаченный в черную кожаную куртку и теплую шапку, и слушаю один вопрос за другим. Какая-нибудь часть трактора закреплена на столе позади меня. Я объясняю им устройство двигателя с помощью этого наглядного пособия, доски и указки, но больше всего мне помогает мой переводчик Сергей Муха – механик по образованию. Когда я задаю им какой-либо вопрос, все десять мужчин начинают отвечать наперебой. Почти каждый ответ демонстрирует приобретенный ими практический опыт в поле. Они поправляют друг друга и объясняют друг другу, как будет правильно. А на ящике перед ними сидит Григорий Еремин, мальчик-посыльный, который так долго проработал в гараже, что знает о двигателях не меньше, чем трактористы – он всякий раз смеется, если кто-то допускает ошибку, а он знает верный ответ – и

его круглые щечки сияют от радости. Мужчины сидят в своих шубах или привезенных квакерами пальто. Железная печурка почти не греет. Некоторые курят, другие о чем-то напряженно думают. Они должны поспевать за мной и Мухой и мальчиком-посыльным.

«Теперь, когда электрика в порядке, карбюратор работает, в баке достаточно керосина — что может быть причиной неисправности?» — я обращаюсь к Мите Лукину, ему двадцать один год и он мой самый способный ученик.

Митя почесывает свою рыжую голову, затягивается махоркой и отвечает. Муха переводит мне его слова. Я остаюсь доволен услышанным и говорю по-русски: «Правда!»

«А что еще может быть неисправно?» — спрашиваю я у Митиного старшего брата Левы Лукина.

Лева тоже отвечает правильно, под стать брату. «Правда!»

«Теперь. Если трактор дымит, и дым синего цвета, что не так?» — набрасываюсь я на Насдукина, самого старшего тракториста, который, как и большинство добросовестных работников в округе, служил в старые добрые николаевские времена на черноморском флоте.

«Слишком много масла», — отвечает Насдукин. «Правда! А если дым черный?»

«Слишком много керосина», — быстро говорит Георгий Стольников, пока Насдудин думает. «Правда...»

Перри Пол (в центре) и ученики его школы трактористов

Вот такая у нас школа трактористов: каждый сгорает от желания узнать что-то новое, некоторые записывают самое важное в тетради. Каждый из этих парней мог бы не дожить до сегодняшнего дня, если бы квакеры не привезли продовольствие в декабре 1921 г.

История этих мальчишек — сплошная череда борьбы и страданий. Взять тех же Лукиных. До войны их отецдержал мастерскую в Сорочинском. Лева был мобилизован и служил на противолодочном корабле в царской армии. После революции, когда белые были вынуждены покинуть Самару, его вновь мобилизовали, и он служил в военной ремонтной мастерской где-то между Оренбургом и Бузулуком. Когда контрреволюционеры, наконец, были разогнаны, он вернулся в Сорочинское. Их отец умер осенью 1921 года. На попечении молодых людей осталась мать с тремя сестрами. Потом наступил голод. Лева отправился в Ташкент за продуктами, а вернулся с тифом и почти ничего не привез. Семья бедствовала, еды не было никакой, голод стоял жесточайший. Потом появилась миссия квакеров, и я объявил набор в школу трактористов. Оба юноши были приняты. Это спасло их семью. Мальчики схватывали все на лету — дал о себе знать опыт работы в ремонтной мастерской отца — и вскоре они уже работали бригадирами трактористов, Лева в дневную смену, а Митя в ночную...

Когда Перри Пол в 1924 г. писал этот очерк, он надеялся на то, что новая партия тракторов из Америки прибудет следующей весной. Квакеры планировали затем распределить тракторы между сельскохозяйственными артелями, которые впоследствии оплатили бы их стоимость зерном и стали бы, таким образом, полноправными собственниками машин. Пол предполагал, что закончившие его школу мальчики затем разъедутся вместе с тракторами по сельхозартелям. Там они обучат новых людей управлять тракторами и правильно с ним обращаться и еще более расширят круг получателей благотворительной помощи, обеспечивая «успех программы Друзей по восстановлению сельского хозяйства в этом году. К тому же, мы сможем оказать помощь России именно в той сфере, которая больше всего в ней нуждается, поскольку мрачные тени голода постепенно рассеиваются. Мы сможем оказать техническую помощь в восстановлении, улучшении и совершенствовании самой важной отрасли для России — земледелия»⁵⁰. Но вследствие изменившейся политической обстановки в России и появления других приоритетов у квакеров в США и Великобритании, ни новые лошади, ни новые тракторы так и не были закуплены.

Больницы и медицинская помощь

Наиболее продолжительный эффект имели, несомненно, медицинские проекты Нэнси Бабб. Большинство организованных ею больниц и санаториев оказалось долговечнее, чем сельскохозяйственные проекты и надомные мастерские. Строительство больницы в селе Тоцком потребовало от нее умения договариваться как с крестьянами, так и с местными чиновниками. Больница эта оставалась единственной в Тоцком районе до 1970-х гг., а потом еще в течение тридцати лет здание использовалось, как молодежный центр.

Развитие медицины оставалось насущной проблемой после 1923 г. Голодные годы были позади, от недоедания умирало уже значительно меньшее количество детей и взрослых, однако заразные болезни по-прежнему уносили жизни многих людей. Медицина также была одним из приоритетных направлений для местных властей, поскольку, в отличие от просвещения, она не была связана с идеологией. В течение 1920-х гг. квакеры учредили в Бузулукском уезде родильные дома, тифозные и малярийные амбулатории и медицинские пункты. Они организовали санатории для лечения туберкулеза и ревматизма и, наконец, построили больницу. Эдвин Вэйл писал о необходимости организации медицинской помощи в Гамалеевке:

Крестьяне работают на износ в поле. В результате они часто болеют. Сегодня у нас есть палата, где за больными ухаживает медсестра, к тому же, мы наняли несколько людей для тщательной уборки помещения и расплачиваемся с ними ежемесячными пайками... В окруже свирепствует малярия, брюшной тиф, дизентерия. Восемь человек, проживавших в одной избе, умерло от холеры, поэтому мы организовали специальные бараки для изоляции больных... где благодаря присмотру и лекарствам... болезням не дают дальне распространяться⁵¹.

Записи Бабб о положении дел в медицинских пунктах, особенно в родильных домах и малярийных амбулаториях, свидетельствуют о резком увеличении количества пациентов в 1923–1925 гг.:

За последние шесть месяцев мы открыли семь медпунктов в наиболее разоренных селах... и пригласили на осмотр всех детей... По результатам медицинского осмотра мы выявили детей, страдающих от недоедания, и предложили их родите-

«КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ»

лям пайки от квакеров в обмен на работу в надомных мастерских или на огородах. ...Кроме того, мы читаем каждую неделю лекции в медпунктах, посвященные вопросам элементарной гигиены, санитарии, кормления детей, ухода за больными в домашних условиях, беременности и инфекционных заболеваний.

В селе Тоцком, где население составляет более 12 000 человек, есть только одна акушерка. В случае если роды тяжелые и не имеющие медицинского образования местные повивальные бабки не справляются, женщинам приходится ехать за 25 миль в Бузулук. Квакеры назначили врача, имеющего специальное образование, акушерку и несколько медсестер, которые не только консультируют беременных и кормящих женщин, но и выезжают по мере надобности в село и обучают повитух, предлагая им как можно больше знаний из области медицины. Сейчас мы находимся в процессе открытия молочной кухни для грудных детей, не получающих достаточного питания, и на постоянной основе проводим лекции, на которые приглашаются все молодые мамочки. Посещаемость очень хорошая, как заметила одна женщина: «Наконец-то хоть кто-то решил помочь женщинам». Мы надеемся, что тем самым мы поможем им лучше заботиться о своих новорожденных детях, смертность среди которых составляет сегодня 50%.

Большую часть лекарств и зарплаты работников обеспечивают квакеры... В радиусе 25 миль нет ни одной больницы и ни одного доктора, кроме привезенного квакерами, поэтому наша помощь является поистине спасением для жителей. Больница же крайне необходима... Как только государство сможет выделить большую сумму денег на развитие медицины или же квакеры перечислят больше средств и пожертвуют медицинское оборудование, мы сможем говорить об открытии постоянно действующей больницы, в которой сегодня так нуждается население⁵².

Отрывок из отчета Нэнси Бабб за 1924–1925 гг. гласит:

Количество детей, получивших медицинскую помощь с момента открытия Центра здоровья в апреле 1924 г., – 2924 чел. Количество персонала, количество детей, прошедших полное обследование, количество выездов к детям на дом – 487. Всего посещений медпункта, включая консультации, – 3 100 детей в

возрасте до трех лет, 5389 детей в возрасте от трех до четырнадцати лет, всего 8498 детей. Количество проведенных лекций – 250, количество приемов у врача – 250⁵³.

В конце 1924 г. уже 44 малярийных медпункта работали на территории в 5 000 квадратных километров. В них более 20 000 пациентов получили помощь, предварительно для этих медпунктов были закуплены крупные партии сульфата хинина и хининовых таблеток⁵⁴. Слава о медпункте в Бузулуке так быстро распространилась, что местные чиновники уже хотели его сделать исключительно «правительственным», но квакеры настояли на том, чтобы медицинские услуги могли получать все жители округи, несмотря на длинные очереди и списки предварительной записи⁵⁵.

Как только врачи и медсестры, нанятые квакерами, начали обследовать большие группы больных, а лекарства спасать жизни, спрос на медицинские услуги резко возрос. То, что вначале называлось «Станцией здоровья» и куда люди приходили получить лекарства, консультации, детское питание или амбулаторную помощь⁵⁶, вскоре разрослось до учреждения, принимающего 3000 пациентов в месяц и обозначившего необходимость строительства в Тоцком настоящей больницы⁵⁷.

Другое значимое нововведение Нэнси Бабб – это ставшая весьма популярной «Детская и женская консультация», а также просветительские программы при медпунктах. В течение 1925–1926 гг. доктор В.К. Боянус рассказывала женщинам о правильном питании и гигиене во время беременности, малярии, инфекциях, abortах, контрацепции, трудном вскармливании, роли матери в воспитании ребенка, сифилисе, гонорее и детском развитии. Каждую лекцию посещало в среднем 30-40 человек⁵⁸. Нэнси Бабб и доктор Боянус вскоре запустили на основе этих лекций целое движение за здоровье общества. Они разбили село Тоцкое на участки и учредили комитет, в который входили медсестры, ответственные каждая за свой участок. Эти медсестры лично обходили дома на своем участке и приглашали молодых матерей на лекции и консультации. В 1925 г. Бабб и Боянус планировали таким же образом организовать работу в округе, где проживало 63 000 человек⁵⁹. Бабб писала Уилбуру Томасу в июле 1925 г.:

«КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ»

Наша амбулатория обслуживает 1 000 взрослых пациентов... Аптека каждый месяц выписывает до 5 000 рецептов, а женская и детская консультация (куда приходят дети до 14 лет), имеет на попечении 1 800 детей, и еще в среднем 800 детей обращаются туда ежемесячно. Акушерка наша постоянно занимается образованием беременных женщин, пытаясь убедить их от услуг незаконно действующих повивальных бабок, ничего не смыслящих в медицине. Детское отделение в больнице было закрыто этим летом, поскольку все средства и персонал было решено перебросить на санаторий. ...Государство, тем не менее, не хочет закрывать больницу, а, напротив, предполагает расширить ее, открыв специальное родовое отделение и обеспечив дополнительные места для взрослых в прилегающем здании. Сейчас мы делаем небольшой ремонт в преддверии зимы. ...⁶⁰

Когда Рут Фрай приехала в Россию в январе 1925 г., сельскохозяйственные проекты и надомные мастерские уже не представляли такой важности, как медицинская сфера. В своем дневнике Фрай описала визит в организованный Нэнси Бабб «больничный комплекс внушительных размеров», включающий в себя кабинет врача, детское отделение и туберкулезную палату⁶¹.

Рут Фрай (генеральный секретарь квакерского Комитета помощи жертвам войны) в Бузулуке в 1922 г.

К середине 1925 г. голод был практически побежден, средства оскудевали и Комитеты в Лондоне и Филадельфии пришли к решению урезать расходы на Россию и сократить количество членов миссии. Осенью исполнительный секретарь КСАД Уилбур Томас просил Нэнси Бабб начать постепенно сворачивать свою деятельность и готовиться к возвращению в Соединенные Штаты. Она сочла такое предложение оскорбительным и быстро нашла выход из ситуации. Она писала Томасу:

Поскольку получение средств на закупку тракторов оставалось под вопросом, грузы приходили с опозданием, а наше пользование землей никак не было узаконено, я не видела никакой перспективы заработать деньги и приняла решение не растрачивать попусту средства квакеров, а вложить их в развитие медицины... Уездный комитет заплатил мне 10000 рублей за мои старые тракторы и согласился перепахать землю при условии, что я использую эти деньги для строительства новых палат при нашем медпункте в Тоцком. Конечно, они бы не возражали, если бы деньги были потрачены и иным образом, но... я согласилась с их предложением, поскольку вложить их нужно было очень быстро, а лучшего применения я придумать не смогла. Если государство будет помогать и в дальнейшем, на что я очень рассчитываю, я думаю, мне удастся свести концы с концами, и мы закончим ремонт и строительство, как больницы, так и санатория к следующей осени, хотя денег у нас впритык. И это в случае, если вы продолжите направлять нам средства.

Так она перехватила инициативу и сосредоточила всю работу в Тоцком и на прилегающих территориях вокруг медицины. В обмен на материалы, оборудование и землю, государство обещало ей построить новую больницу. Без согласования с Лондоном и Филадельфией, Бабб определила средства, присланные квакерами на строительство больницы и санатория, и подписала соглашения сроком действия до 1927 г.⁶²

Когда Томас высказал протест по поводу ее *fait accompli*, она ответила, что для нее просто «не представляется возможным» вернуться либо закончить работу в России раньше заявленных сроков. Если он распорядится, чтобы она вернулась, она обещала «официально» закончить всю работу 1 октя-

бря 1926 г., но заявила, что останется на свой страх и риск до полного и успешного исполнения соглашений. Она писала: «В этой стране, по слухам, нарушаются столько соглашений, что я очень рада тому, что квакеры до последнего держат данные обещания... Друзья помогли восстановить здоровье сотен маленьких детей после голода. Все, что было уничтожено ненавистью, местью, войной, впоследствии было восстановлено для пользы маленьких ни в чем не повинных детей». По поводу же недостроенной больницы высказывалась следующим образом:

Еще одно детище квакеров (теперь уже подросшее), Центр здоровья в Тоцком, вполне могло бы стать самостоятельным в течение следующего года, если квакеры не оставят его на произвол судьбы в этот решающий момент. Лицо я была бы рада сбросить с себя груз ответственности 1 сентября, но к счастью или к несчастью, мой характер не позволяет принять такой поворот событий, ведь «когда придется выбрать долг иль наслажденье, да будет выбран долг, пусть даже с сожаленьем», поэтому я решила самостоятельно, не вовлекая Комитет, остаться здесь и проследить за работой вплоть до ее завершения, чтобы вверенные мне средства не были использованы иначе. ...Мы отдали этой работе столько денег, времени и сил, что меня переворачивает от мысли, что мне придется оставить все без контроля в самый ответственный момент. Главный врач губернии сказал нам, что наше детское отделение и наш Центр здоровья являются самыми лучшими если не во всей России, то в губернии-то уж наверняка⁶³.

В октябре 1926 г. санаторий был сдан государству, но строительство больницы еще не было завершено, а Бабб решительно намеревалась дождаться ее открытия. Несмотря на задержку, ее письмо, адресованное Уилбуру Томасу, описывающее всеобщее ликование по поводу строительства больницы и искреннее взаимодействие разных групп населения при строительстве, является непревзойденным образцом жанра:

Здесь в Тоцком мы уже запустили работу по строительству нового кирпичного корпуса для нашего больничного комплекса, когда получили от Вас сообщение о решении прекратить финансирование из США, начиная с сентября, поэтому менять что-либо было уже поздно. Нам сопутствовала удача. Местные жители, правительство и чиновники Самарской

губернии оказали значительную помощь, так что, несмотря на все задержки, вызванные паводком, погашением долгов, моей болезнью и множеством других вещей, мы предполагаем открыть нашу больницу для пациентов следующим летом ... Я отправляю Вам план нового корпуса, который обещает быть очень красивым, и останется стоять там на многие годы, напоминая крестьянам о добром отношении к ним квакеров.

Теперь... Наркоминдел извещает нас о готовности Наркомздрава любыми способами раздобыть 50% средств, необходимых на отделку и оборудование нового корпуса. Вам, думаю, интересно будет узнать, что это первое крупное здание, которое будет построено здесь со времен войны и местные жители очень гордятся тем, что для строительства будут использованы изготовленные ими кирпичи. Один милый пожилой крестьянин сказал мне на прошлой неделе: «Каждый свой выходной день я хожу смотреть на нашу чудесную больницу. Теперь нам нужно будет построить под стать ей хорошие мосты⁶⁴.

Несколько лет спустя Бабб описала строительство больницы:

Как я строила больницу

- I. От государства поступило распоряжение расширить комплекс строений, временно отведенных под больницу в 1923 г.
- II. Оборудование изношено, по большей части оно осталось там со времен голода
- III. Недостаток 8000 рублей, изначально обещанных местными властями
- IV. План Нэнси Бабб был утвержден с небольшими поправками губернским комитетом по строительству, а также губернским отделом здравоохранения
- V. Работа контролировалась представителем квакеров, который получал ежемесячное жалованье за наблюдение за выполнением сразу нескольких соглашений. Работа проводилась поэтапно: в первый год квакеры поставили материалы, во второй год заключили соглашение с подрядчиком на производство строительных работ...

Строительные материалы доставлялись отовсюду: (а) кирпич изготавливали на новом кирпичном заводе непосредственно в селе; (б) бревна привозили железной дорогой из леса, расположенного на расстоянии 100 миль; (в) водопроводные трубы везли из

Москвы за 1000 миль; (г) стекло из Уфы за 400 миль; (д) краску, алебастр, дверные петли, пружины, цемент и пр. закупали в Самаре за 200 миль; (е) гвозди, кровельное железо, щебень и другие мелочи уже в Бузулуке за 50 миль.

Работы выполнялись следующим образом: освобожденный от государственной службы архитектор сделал чертеж карандашом и наблюдал за строительством; инженеры и подрядные рабочие приезжали из Бузулука, укладчики кирпича из Оренбурга, плотники из Бузулука, маляры из Бузулука, доставку кирпича и песка взяли на себя частично крестьяне, а частично транспортный отдел Бузулука⁶⁵.

Наследие Нэнси Бабб

Когда Нэнси Бабб уезжала в 1927 г., медицинский персонал больницы в Тоцком вручил ей благодарственное письмо:

Вам удалось заложить основу большого дела в селе Тоцком, которое изначально стремилось к самостоятельности. Медицинский персонал шаг за шагом вместе с Вами осуществлял работу по организации и расширению Центра, а вместе с тем вел работу по просвещению населения и профилактике болезней. Охрана здоровья грудных детей, дошкольников, беременных и кормящих женщин, родильный дом, больничная палата, аптеки, детский санаторий, дневной стационар для туберкулезных больных, лекционная работа – все это Вы смогли поставить на твердую основу. А кроме всего этого, Вам удалось построить прекрасную новую больницу из красного кирпича – лучшую в окрестностях...

Медицинский персонал, который Вы собрали, с самого начала восхищенно следил за Вашей работой и верит, что Ваше дело будет жить вечно, а лучшей памятью о Вашей работе в России станет добрая слава больницы и ее дальнейшее развитие⁶⁶.

После возвращения в Соединенные Штаты Нэнси Бабб часто приглашали выступить на публичных мероприятиях. Она была активным членом нескольких общественных организаций вплоть до своей смерти в июне 1948 г. Но память о ней жива в Тоцком и по прошествии семидесяти лет после ее отъезда. Иван Леонтьевич, 86-летний пенсионер, а в прошлом школьный учитель, живет через дорогу от больницы. До 1970-х гг. она была единственным медицинским учреждением в округе, а затем была переделана под молодежный центр. В своем интервью

Дэвиду Макфаддену и Сергею Никитину в 1998 г. он рассказал, что помнит, как он ребенком играл рядом с только что залитым фундаментом. Он также хорошо помнит день открытия больницы. В течение четырех дней до знаменательного события лил проливной дождь, на дорогах стояла непроходимая грязь. Но в день открытия с утра выглянуло солнце и осветило новенькие кровати, кафельный пол и сверкающие водопроводные краны. «Я никогда не забуду грязь, которую оставляли ботинки на чистом полу, — сказал он. — Но не забуду и искренней радости на лицах людей, переступивших порог своей новой больницы»⁶⁷.

7. «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ»

АННА ХЭЙНС И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИТИКА В 1919–1927 ГГ.

Первые поездки Анны Хэйнс в Россию в 1917–1921 гг.

Анна Хэйнс входила в состав первой группы квакеров, отправившейся в Бузулук в 1917 г. для оказания помощи беженцам во время I Мировой войны. Когда начавшаяся гражданская война вынудила квакеров покинуть Бузулук в 1918 г., она отправилась в Омск (вместе с Нэнси Бабб), а затем вернулась в Соединенные Штаты. Она вновь приехала в Россию в 1920 г., став первым представителем американских квакеров в Москве, и работала вместе с Артуром Уоттсом (см. главу 3). В ходе своей работы она пришла к выводу, что, прежде всего, русские люди нуждаются в медицинской помощи, поэтому в октябре 1921 г. Хэйнс едет домой с целью изучения сестринского дела, чтобы потом снова вернуться и продолжить помогать русским людям, но уже в новом качестве. Ее третья поездка в Россию состоялась в 1925 г. и продлилась почти два года.

Биография Анны Хэйнс напоминает биографию Нэнси Бабб, но по характеру и мировоззрению это были совершенно разные люди. Нэнси предпочитала действовать независимо от всех, и самым значительным ее проектом стало строительство больницы в Тоцком, в то время как Анна была командным игроком, она добросовестно писала многочисленные отчеты и мечтала открыть в Москве школу сестринского дела по западному образцу. Она родилась в семье квакеров в Мурстауне, штат Нью-Джерси в 1886 г., получила образование в академии Общества Друзей, школе Мурстауна, пансионе Вестстайн, колледже Брин Мор, а затем закончила школу сестринского дела при больнице Филадельфии и школе социальной и ме-

дицинской помощи Пенсильвании. Проживая в Пенсильвании, она преподавала в средней школе и работала инспектором по жилищным условиям в Департаменте здравоохранения¹. Ее появление стало большим приобретением для московской команды: она замечательно владела пером, о чем свидетельствуют ее многочисленные письма, в том числе, письмо к У. Томасу от 25 ноября, в котором она пытается проанализировать противоречия, возникшие между Артуром Уоттсом и Грегори Уэлчом в начале 1920-х гг.:

На наших совещаниях... теперь имеют место длительные споры, особенно между Артуром Уоттсом и Грегори Уэлчом... Уэлч не отступается от своего мнения о том, что России более всего необходима наша духовная поддержка, которую мы можем оказать в рамках, свидетельствуя о собственной вере. Он полагает, что материальная помощь не должна быть нашей основной целью, но лишь точкой соприкосновения с русскими, чтобы в дальнейшем они получали представление о более важной составляющей нашей работы. Артур Уоттс же, напротив, полагает, что именно материальная помощь будет воспринята большинством голодающих русских как величайшее благо, и что сегодня нужно в первую очередь рассматривать хлеб насущный как выражение бескорыстной христианской любви. Впоследствии, когда страна выберется из политического и экономического кризиса, он считает возможным учреждение Посольства квакеров, в наши же дни такой жест будет просто неверно истолкован².

После переезда в Москву Анна Хэнс сразу же занялась обустройством представительства квакеров и даже заказала печать бланков с надписью «Международное отделение Общества Друзей» на русском и английском языках и квакерской восьмиконечной звездой. Затем она, по своему собственному выражению, стала вечным «балластом» Артура Уоттса, присоединяясь к нему во время бесконечных переговоров с большевиками и инспектируя распределение благотворительных грузов. Она в большей степени, чем другие работавшие в России квакеры, стремилась подробно описывать быт членов миссии. Свой очерк, повествующий о 48 часах из жизни миссии в зиму 1920 г. она назвала так:

Дни нашей жизни

Одна из пьес Андреева с одноименным названием, рассказывающая о цепочке пустяковых и, очевидно, не имеющих большого значения событий в жизни самых обычных людей, стала настолько популярной в России, что мы решили вести своего рода дневник и записывать в него все, что происходит в нашей миссии. Мы не будем рассматривать это как официальный отчет, в отчетах требуется соблюдать принцип «единобразия, последовательности и объемистости», а здесь ничего этого нет! Это будет просто вольное описание 48 часов из нашей жизни последних трех недель.

7:30 утра: Трезвонят будильники. Никто из прочих гостей в отеле, где мы живем, и не подумает подниматься раньше, чем через два часа. А.У. [Артур Уоттс] готовит завтрак для себя и двух наших русских сотрудников, после чего они отправляются на велосипедах на склад. А.Х. [Анна Хэнс] решила поспать еще часок и позавтракать по пути на работу, поскольку в ее номере нет никаких приспособлений для приготовления пищи, а черный хлеб можно с тем же успехом жевать и по дороге. Пятьдесят минут бодрым шагом (извозчики ужасно дороги, а А.У. всяких раз говорит, обгоняя А.Х. на велосипеде, что «ходить пешком полезно для здоровья») – и вы уже на площади трех вокзалов. В это время суток площадь наводнена крестьянами, приехавшими в Москву в надежде продать несколько фунтов хлеба и пару крынок молока счастливчикам, которые еще имеют деньги для покупки таких редких продуктов. Улицы заполнены пешеходами, спешившими на службу, то там, то здесь виднеются длинные очереди – это люди ждут раздачи продовольственных пайков. Почти каждый пешеход везет небольшие самодельные санки – у кого-то в них мешок с продовольствием, у кого-то ребенок, у кого-то коробка с инструментом. Лица немного осунулись и посерели в сравнении с тем, какими они были три месяца назад, поскольку отсутствие продуктов питания, а также транспортного топлива заставили многих москвичей голодать. Около склада улицы более узкие и грязные, а на одной из них стоит настоящий деревенский колодец, из которого проживающие по соседству люди черпают питьевую воду. Наша контора расположена в подвале большого бетонного здания, она оборудована электричеством, которое пока работает, и паровым отоплением, которое уже приказали долго жить.

Воскресенские ворота у Красной площади в Москве

Заведующий складом выделил нам двух рабочих: средних лет мужчину и энергичную пожилую женщину. Пока они ведут светские беседы о религии и политике, мы рубим мыло (при помощи топора, так как другой инструмент отсутствует) и пакуем банки со свиным салом в освободившиеся из-под мыла коробки — к счастью, все надписи на них сделаны на английском. Наша одежда уже лоснится от жира и постоянного трения, но физический труд хороши тем, что он согревает. Нас прерывает... суетливая маленькая женщина из какого-то детского учреждения, ее интересует, действительно ли какое-то количество драгоценного товара поступает в ее распоряжение. Увидев стопку своего товара уже готовым к отправке, она торопится нанять лошадь и сани, пока мы не передумали. Вскоре она возвращается... с мешками для одежды, которую... она тщательно пересчитывает, чтобы ничего не упустить из списка. Ну вот, не хватает пары чулок! Все бросают работу и начинают искать чулки. К сожалению, эта стопка с одеждой лежала у самого входа, и слишком много людей проходило мимо нее за последние два дня. Нам приходится выдать еще одну па-

9:15 утра: Каждый вокруг взвешивает, считает, отмеряет какое-то количество товаров различным учреждениям, которым мы помогаем. У нас 82 заказа, и к моменту заполнения шестидесятой накладной, наши складские помещения, которые еще на прошлой неделе выглядели очень достойно и аккуратно, представляют собой полный беспорядок: по полу разбросаны вперемешку брикеты с мылом, чулки, пакеты с овсянкой и банки со свиным салом, а также детские юбочки, ожидающие отправки в детский санаторий.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ру вместо пропавшей, и маленькая женщина на радостях уходит, подписав около десяти разных документов, свидетельствующих о том, что она действительно приняла груз. Теперь она может беспрепятственно покинуть ворота склада... а также имеет право провозить груз по железной дороге и т.д. Мы вновь возвращаемся к рубке мыла, сетуя на непорядочность голодающих людей (поговорить только, украдь пару чулок!). Затем появляется следующий представитель какого-то учреждения и, передвинув коробки со свиным салом, мы обнаруживаем пропавшие чулки, которые просто завалились за прилавок.

Мы уходим на обед с восторжествовавшей верой в человечество.

12:30 дня: Когда мы работаем на складе, нам разрешено обедать в расположенной по соседству столовой для рабочих, организованной Центросоюзом. Это помещение с низкими потолками и запотевшими стенами, столы здесь покрыты kleenкой, рядом с ними длинные скамьи. После предъявления соответствующего талона каждый получает жестяную миску с рыбным или мясным супом и тарелку гречки или пшена, приправленного подсолнечным маслом. Ложку и вилку нужно приносить с собой, иначе придется есть руками, что здесь отнюдь не считается дурным тоном. Нам нравится это место, потому как здесь мы можем увидеть самых разных людей, к тому же, кормят и вправь очень хорошо. На нас смотрят с любопытством и долей снисходительности, поскольку всякий раз перед едой мы чинно шествуем на кухню, чтобы вымыть руки.

1:15 дня: Наших бытовых знаний пока хватает, чтобы поделить на порции мыло и свиное сало, но с медикаментами дело обстоит сложнее, и мы часто оказываемся в тупике, не представляя, сколько стрихнина или рыбьего жира необходимо для одного детского или подросткового организма. Мы обратились в городской отдел здравоохранения, после чего в наше распоряжение был предоставлен главный фармацевт города, очень приятный мужчина из бывшей интеллигенции, совершенно не приспособленный к грязной физической работе... мы надеемся поближе познакомиться с ним и его семьей... а также посетить в скором времени две детские больницы.

4:00 дня: Время закрывать склад. Дверь торжественно опечатывается каждый день. Вся процедура требует участия не-

скольких людей, поскольку нужно одновременно держать свечу, расплавлять воск, смачивать печать и т.д., но в итоге наша восьмиконечная звезда сияет чистотой линий, что должно гарантировать неприкословенность наших запасов в ночное время. Мы пожимаем руки заведующему складом, шести или восьми рабочим, а затем отправляемся в гостиницу «Савой» к А.У.

5:30 вечера: В миссии начинается приготовление ужина. Некоторые продукты можно раздобыть в ресторане гостиницы, котелок кипятка всегда найдется у горничных, какие-то деликатесы (лично для Уэлча и Бейкера) покупаются в стремительно исчезающих с окрестных улиц лавках. А.У. обычно выражает свое презрение по поводу такого вопиющего чревоугодия, но остальные не высказывают никаких претензий. Мы лишь беспокоимся о том, что они потратят все деньги на еду задолго до того, как поступит новая сумма.

Пока мы занимаемся мытьем посуды (номер А.У. состоит из кабинета, спальни, столовой, кухни, сарай для велосипеда, а также плотницкой мастерской и фотографической студии), в дверь входит секретарь русского Наркомата иностранных дел. Он извиняется за отсутствие галстука и наслаждается чашкой настоящего кофе, который мы поспешно для него варим. Он рассказывает нам последние новости из-за рубежа, а также некоторые местные сплетни и откланивается — пора на службу. Весь Наркоминдел работает по ночам: как они утверждают, в ночное время гораздо меньше заглядывает разных чудаков.

7:00 вечера: Мы начинаем заполнять бухгалтерские и учетные книги, днем нам представляется совестным заниматься такой ерундой. Когда в комнате не остается ни одного живого места — повсюду разложены бумаги — к нам заходит горничная, чтобы убрать номер, поскольку в другие часы, когда она работает, номер обычно бывает закрыт. Как только она заканчивает, нелегкая приносит некоего толстовца с горящим взором, жаждущего побеседовать о философии и душе. За вечер наш порог переступает множество людей: комиссары Красной армии, переводчики-стенографисты, соседи по гостинице в поисках сигарет, путешествующие американские коммерсанты, но только наш толстовец, кажется, намерен сидеть до утра... В 10:30 А.Х. тащится пешком в свою квартиру через темные заснеженные улицы. Только зимней ночью можно по достоинству оценить

Анна Хайнс с представителями местных властей в Бузулуке

всю красоту башен и стен Кремля и перед лицом этой красоты... отступают все невзгоды.

9:30 утра: Мы встречаемся с начальником отдела транспорта Центросоюза в надежде заполучить одну из их грузовых машин... пока не прибудут наши автомобили из-за границы. Мы ждем около получаса, потом рассказываем ему о нашей просьбе, и он соглашается дать нам машину на следующий день... Затем мы идем в отдел здравоохранения и просим предоставить статистику о количестве, месторасположении и постоянных покупателях молочных станций, чтобы подготовиться к распределению первой партии молока, которая, как мы слышали, уже прибыла в Ревель.

Нужно еще добавить, что вчера на пути со склада в гостиницу на А.У. набросилась голодная собака, учившая запах свиного сала, и полностью изъевала полы его пальто. Вместе с вчерашим толстовцем мы пытались починить пальто, но результат наших стараний практически незамечен глазу. Гвозди на складе нанесли соответствующую порчу юбкам и галошам А.Х., так что мы ни в коем случае не считаем себя достойными называться членами «Об-

щества представителей друзей», как обратился к нам недавно в официальном документе один переводчик-стенографист.

1:30 дня: Тем не менее, наша прекрасная одежда (в Москве мы не слишком выделяемся из общей массы) не помешала нам отправиться в театр, куда мы были приглашены Наркоматом просвещения на детский спектакль. Из ложи, расположенной рядом со сценой, нам хорошо были видны все 600 маленьких зрителей, некоторые из которых были одеты в вязаные свитера, которые мы раздали в детские дома только пару недель назад.

Во время представления к нам в ложу вошел просто одетый человек в небольших очках с толстыми стеклами и бородкой а-ля Ван Дейк... и кивнул А.У. Это нарком просвещения Луначарский, во время антракта он мило беседует с нами о пользе таких спектаклей для детей... Вскоре он поднимается и идет на сцену, чтобы поприветствовать детей. Свою речь он начинает обращением: «Мои маленькие друзья!», затем говорит о том, что раньше учеба считалась тяжким трудом, так что ею детей пугали, но лично он считает, что получение новых знаний – это удовольствие для каждого пытливого ума. И, конечно, сносное поведение всех этих ранее беспризорных девочек и мальчиков... свидетельствует об успехе его начинаний по либерализации системы образования.

5:30 вечера: Ужинали с нашими русскими коллегами, как и вчера... Несколько часов мы потратили на составление отчета... и телеграммы с ходатайством о скорейшей отправке новой партии груза. Около полуночи А.У. несет отчет и телеграмму в Наркоминдел, где их читает цензор, а потом относит международному курьеру, поскольку почтовая связь с Россией работает крайне плохо.

Вот так и протекают наши дни. На этом я заканчиваю свой легкомысленный рассказ³.

Вскоре после описанных Анной Хэйнс событий письма из России уже могли свободно пересекать как Атлантический океан, так и пролив Па-де-Кале через отгрузочный пункт в эстонском Ревеле. Уоттс и Хэйнс писали 27 января 1921 г.:

Мы были очень рады получить телеграмму о намерении Рут Фрай и Клемента Биддла посетить Москву. Из-за неустойчивых отношений между Америкой и Россией... мы сначала боялись, что нам не удастся получить разрешение на

въезд для Биддла... Надеемся, что сможем сделать их поездку интересной и насыщенной. Мы особенно хотели бы обсудить с ними дальнейшую работу миссии в России... и очень бы просили их поделиться с нами мнениями наших домашних комитетов относительно возможности и желания продолжать нашу деятельность, в которой существует очевидная нужда. На сегодняшний день только двум благотворительным организациям выдано разрешение на работу в Советской России – нам и «Джойнту». Мы думаем, что нам будет предоставлено исключительное право обеспечивать больницы, школы сестринского дела и другие медицинские учреждения персоналом и всем необходимым. Если нам настолько доверяют и возлагают нас такую ответственность, то нужно либо принимать ее, либо уезжать совсем⁴.

После обсуждения планов Советского правительства капитально организации детских санаториев в Крыму и известий о нежелании властей сотрудничать с Американским отделением Красного Креста, она продолжала:

Власти предложили нам полностью контролировать распределение благотворительной помощи... поскольку в Москве все еще находятся в заключении несколько американцев и англичан (около десяти, возможно). В настоящее время многие организации и частные лица безрезультатно пытаются получить контроль над распределением благотворительных грузов. Пока нам не будет разрешено... ввезти дополнительных сотрудников, нам следует отказываться от этого предложения... поскольку все это потребует значительных временных и трудовых затрат... Мы будем благодарны, если получится кого-нибудь направить специально для проведения этой работы...

Нам необходимы только люди надлежащим образом обученные и имеющие опыт работы в соответствующей сфере. Здесь и так придется усвоить слишком много нового, так что на обучение основным навыкам времени не останется. В целом, нам нужны люди, которые любят выигрывать, а не просто принимать участие. Не обязательно они должны быть коммунистами, но им необходимо иметь открытое сердце и при этом уметь держать язык за зубами. Нам не нужны мечтатели из числа кабинетных социалистов, нежелательны и охотники за приключениями, поскольку ожидается кропотливая напряженная ра-

бота. Жизнь здесь не более увлекательная, чем дома, но значительно менее комфортная, хотя, в целом, очень интересная и вполне сносная для того, кто имеет к ней вкус⁵.

Уоттс и Хайнс получили письмо от Наркоминдел от 14 апреля, выражавшее одобрительное отношение властей к деятельности квакеров и ее предполагаемому расширению:

Деятельность вашей организации в Москве с момента ее возобновления не заслуживает ничего другого с нашей стороны, кроме поддержки и одобрения... Сам факт того, что Наркоминдел... обеспечил вам условия... для проведения вашей работы... ясно говорит о нашем к вам отношении. Само по себе это... не означает, что Советская Россия готова распахнуть двери для всевозможных благотворительных иностранных обществ и организаций, которые крайне заинтересованы в работе на нашей территории. Для вас, наверное, не является секретом то, что большинство этих организаций враждебно настроены по отношению к Советской России и будут использовать любую возможность для плетения интриг и антисоветской пропаганды. Более того, мы не согласны с тем, что благотворительные организации тех самых стран, которые душили своей экономической блокадой миллионы русских рабочих, их жен и детей, теперь пытаются своими предложениями о помощи замаскировать самые отвратительные проявления бесчеловечной политики своих стран...

Тем не менее, поскольку предлагаемая благотворительная помощь будет оказываться через вашу организацию, то есть через людей, которые доказали свою полную непричастность к политике, и при условии, что вы будете продолжать работать в том же духе, что и в прошлом году, мы не будем создавать никаких препятствий⁶.

Артур Уоттс докладывал от имени всей миссии 21 марта: «Россия – прекрасная страна для проведения совещаний и обсуждения планов, но потом ситуация меняется в корне, и от планов не остается и следа. Так было и на этой неделе – сначала строили планы, потом вынуждены были поступить совершенно иначе». Под заголовком: «Кража на складе» он рассказывает очередной анекдот о неожиданной ситуации, с которой пришлось столкнуться работникам миссии:

В понедельник утром нам позвонили по телефону и сообщили, что наш склад был взломан на выходных... После то-

го, как мы все пересчитали, оказалось, что украдены рубашки, чулки, детские юбочки, шали, хлопковые нитки и фланелевая ткань общей стоимостью ... в сто одиннадцать фунтов стерлингов. На следующий день мы узнали, что в пять часов утра в понедельник у Николаевского вокзала то ли сломалось два экипажа, то ли две лошади охромели. Когда милиция подоспела на помощь, они обнаружили в мешках, в которых, по словам пострадавших, находилась картошка, привезенную нами одежду. Пострадавшие скрылись, но товар был доставлен в милицию, и нас пригласили опознать его. Это был вне сомнения наш благотворительный груз, по крайней мере, оставшаяся часть его.... Побег воришек освобождает нас от необходимости преследовать их по закону, но в суд нам все равно придется обратиться, чтобы милиция вернула наш товар.

Уоттс заканчивает свой отчет последними известиями относительно административных вопросов:

Мы наконец-то добились согласия господина Хороша (брата того человека, который помогал в свое время Теодору Риггу и Эстер Уайт) стать управляющим нашим складом, кроме того, мы надеемся вскоре увеличить количество наших сотрудников, так что организация наша растет, и, мы надеемся, находится в начале большого пути⁷.

Погодные условия в последующие шесть месяцев были удовлетворительными, однако, как писала Анна Хайнс 26 мая 1921 г., голод оставался серьезной проблемой:

На прошлой неделе новые партии товара почти не поступали, но все мы были очень заняты распределением того, что уже находится на складе. Мыло и молоко мы развозим на собственном транспорте, а хлопковое масло забирают на своих машинах те учреждения, для которых оно предназначено. Двор перед нашим складом всегда полон грузовиков, фургонов «форд», крестьянских телег и экипажей, а также босоногих детей, которые проходят пешком несколько миль с кувшинами и бидонами, чтобы получить хоть немного драгоценного масла. Правительственный паек для детей в прошлом месяце включал в себя один фунт сливочного масла, это единственный источник жиров для ребенка в течение месяца. Взрослые не получают и того⁸.

Ответ Томаса от 30 июня выдает некоторое волнение центрального отделения Общества Друзей. «Мы вновь про-

сим вас выслать нам фотокарточки. Без них очень тяжело заполучить деньги от тех, кто в принципе не настроен жертвовать. Мы стараемся использовать, по возможности, все те карточки, которые вы уже прислали, но нам нужны новые, способные тронуть сердца. Мне неудобно об этом писать, но запоминающиеся детские снимки помогут нам привлечь очень большие средства⁹. Приехав в Соединенные Штаты в 1921 г., чтобы привлечь внимание американцев к проблеме голода в России, Анна Хэйнс выступила перед Фондом помощи голодающим в России, респектабельной организацией, расквартированной в Нью-Йорке. Фонд занялся сбором средств для КСАД и опубликовал краткий очерк Хэйнс под названием «История женщины-квакера в России», повествующий о голоде в России глазами очевидца (см. главу 4)¹⁰.

Политика оказания медицинской помощи

На протяжении своей работы в России после революции, квакеры видели одной из главных своих задач развитие медицины: восстановление системы здравоохранения, поставку медицинских препаратов и учреждение медицинских школ. Этому делу со временем себя посвятила и Анна Хэйнс. Когда квакеры впервые посетили Россию в 1916 г., они обнаружили, что состояние здравоохранения и санитарные условия в стране оставляют желать лучшего, но за годы I Мировой войны, революции, гражданской войны, голода, засухи, эпидемий брюшного тифа, оспы, холеры и малярии ситуация резко ухудшилась.

Таким образом, все ужасы и трагедии, с которыми столкнулись за время своей работы квакеры, были так или иначе связаны с бедственным положением медицины. Мольбы о продовольствии часто звучали одновременно с жалобами на эпидемии, плохие санитарные условия и отсутствие больниц, где можно было бы получить качественную медицинскую помощь. В состав первой группы британских квакеров, приехавших в Россию в 1916 г., входили врачи и медсестры. Имелись врачи и среди американцев, прибывших в Бузулук в 1917 г. Находясь в Стокгольме в 1919 г. в ожидании разрешения на ввоз в Петроград продовольствия и медикаментов, Артур Уоттс вел длительные переговоры с Наркомздравом и постоянно обсуж-

дал с ними поставку медикаментов и мероприятия по совершенствованию системы здравоохранения¹¹.

Голод 1921–1922 г. обострил проблемы в системе здравоохранения. Доктор Хорсли Гантт, один из ведущих медиков АРА, так характеризовал состояние здравоохранения в России в 1923–1924 гг., через два года после голода:

Несмотря на то, что 80 процентов россиян всегда питалось плохо, равно как и бедное население других стран... а нехватка продовольствия наблюдалась, начиная с 1916 г., голода, как такового, не было до небывалой засухи 1921–1922 г. ... Некоторые другие факторы способствовали распространению болезней – отсутствие одежды, грязь, перенаселенность жилых помещений и необходимость переездов в другие регионы из-за близости военных действий. Из-за отсутствия горячей воды и мыла, мытье в бане осуществлялось крайне нерегулярно... Перенаселенность жилых помещений также представляет серьезную проблему... Уровень смертности вырос с обычных для России 25 процентов до 85 процентов.

В этих условиях порожденные войной эпидемии, которым всегда была подвержена Россия, достигли своего апогея. ... Согласно официальным данным, начиная с 1916 г. от эпидемий погибло от 8 до 10 миллионов человек... Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что в соответствии с западными стандартами, примерно половина российского населения сегодня нуждается в госпитализации¹².

Когда голод отступил, медицинские программы стали основной деятельностью квакеров. Хорошие отношения с Наркомздравом позволили им совместно с российскими властями вести профилактическую работу, сооружать родильные дома и палаты матери и ребенка, отпускать лекарства по низким ценам, бороться с туберкулезом, холерой и малярией и строить больницы¹³.

Советская власть и советские медики одной из основных задач революции считали создание доступной отлаженной системы здравоохранения. Историки утверждают, что основой для советской системы здравоохранения послужили принципы работы Пироговского общества, членами которого были талантливые врачи, практикующие в сельской местности в 1880–1890-х гг.¹⁴ Пироговцы в традициях народничества считали, что

медицинская помощь должна оказываться на общественных началах. Многие из пироговцев принимали участие в революционном движении вплоть до 1905 г., одновременно внося значительный вклад в развитие здравоохранения, улучшение санитарных условий и методов профилактики заболеваний. Среди членов Пироговского общества были специалисты в области бактериологии, эпидемиологии, врачебно-санитарного дела. Некоторые из них сотрудничали еще с царским правительством в вопросах реформирования системы здравоохранения, другие примкнули к большевикам. Осознание необходимости проведения профилактической работы и приверженность идеалам общественной медицины, особенно что касалось сельской местности, объединили пироговцев против политики царского правительства в сфере здравоохранения. Их усилиями была организована система земских больниц. После прихода к власти большевиков некоторые пироговцы эмигрировали, другие продолжили работу в медицинских учреждениях во время революции и в 1920-х гг. Как писал Питер Круг:

Члены Пироговского общества не имели частной практики, все они работали на общественных началах и рассматривали свою работу, как способ удовлетворения своих профессиональных потребностей. В их число входило... несколько врачей-большевиков, которые впоследствии заняли видные посты в советской системе здравоохранения. Изначальное противостояние советской власти и пироговцев было вызвано, скорее, опасениями последних по поводу возможной утраты государственного контроля над общественными медицинскими учреждениями... а не их неприятием принципов общественной медицины. После нескольких лет опалы, многие члены общества приняли деятельное участие в становлении советской медицины.

Одной из причин их совместной работы стало практическое полное совпадение целей советской медицины и Пироговского общества... Как пироговцы, так и врачи-большевики были заинтересованы в программе по поддержке беспартийных специалистов, принятой большевиками в 1918 г.¹⁵

Круг далее приводит данные о профессиональной подготовке руководителей Пироговского общества:

Лидеры Пироговского общества к моменту революции 1905 г. уже являлись опытными врачами, многие из них начали

заниматься врачебной практикой задолго до нее. Все они получили хорошее образование, все хотя бы в течение нескольких лет обучались в Московском университете... в период с 1882 по 1896 гг. Поэтому они имели колossalный опыт работы как до, так и после 1905 г.

К тому же, все руководители движения пироговцев были общественными врачами, как по призванию, так и по своему характеру. В своем большинстве к 1917 г. это были земские врачи, тесно сотрудничавшие с земствами в качестве консультантов либо служащих¹⁶.

После захвата власти большевиками в конце 1917 г., сочувствующие им медики, одним из которых был народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко, выступили с инициативой учреждения национального органа по вопросам здравоохранения с целью создания единой системы здравоохранения и борьбы с разоряющими страну эпидемиями. Ленин вначале воспринял идею с осторожностью, но уже в июле 1918 г. им был учрежден Народный комиссариат здравоохранения во главе с доктором Семашко¹⁷. В своем докладе на съезде* летом 1918 г. Семашко четко обозначил приоритетные направления работы Наркомздрава, а именно развитие медицины в сельской местности и другие идеи, изначально принадлежавшие Обществу пироговцев. Во-первых, «насущной организационной задачей» советской медицины являлось ее объединение за счет устранения прежних ведомств, занимающихся вопросами здравоохранения. Во-вторых, медицина должна была основываться на принципах общедоступности и бесплатности, а медицинская помощь оказываться исключительно профессиональными медиками. И, наконец, требовалось уделять больше внимания улучшению санитарных условий и предотвращению социальных болезней, а также борьбе с жилищной нуждой беднейшего населения. Эти три принципа – единство, общедоступность и профилактика – стали краеугольными камнями советской системы здравоохранения¹⁸.

* Имеется в виду I Съезд медико-санитарных отделов местных советов, проходивший в Москве в июне 1918 г. (Прим. переводчика)

После 1918 г. Ленин настоял, чтобы вся медицинская работа иностранных организаций в России контролировалась Наркомздравом, особенно в вопросах социальной гигиены, профилактической работы и борьбы с эпидемиями. Семашко последовательно отстаивал эти приоритеты и приветствовал любую иностранную помощь (в частности, помощь квакеров). С момента первой встречи Артура Уоттса с представителями Наркомздрава в 1919 г., квакеров связывали очень теплые отношения, как с доктором Семашко, так и с Верой Лебедевой, занимавшей пост начальника отдела материнства и детства. Партии медикаментов, доставленные Уоттсом и Хэйнс в 1919 – 1920 гг. заложили основу для дальнейшего сотрудничества, в рамках которого в конце 1920-х гг. была предпринята попытка организации школы сестринского дела¹⁹. Пять соглашений между квакерами и советской властью, подписанные в период с 1922 г. по 1926 г., были посвящены строительству больниц и медпунктов и проведению других работ в сфере здравоохранения, поскольку острая нужда в продовольственной помощи к тому времени уже отпала²⁰.

Семашко дорожил дружбой с квакерами и стремился всячески защитить их интересы. Зимой 1921 г. он лично обратился к Ленину с просьбой, чтобы вся благотворительная помощь распределялась в детские дома, больницы и амбулатории через квакеров²¹. Даже в 1925–1926 гг., когда общая политика советского правительства была направлена против оказания благотворительной помощи иностранными организациями, Семашко поддерживал отношения с квакерами. Один из самых больших скептиков среди региональных руководителей КСАД Эдгар Николсон отмечал в письме к Уилбуру Томасу в июне 1924 г., что:

Правительство действительно весьма дружелюбно настроено по отношению к Друзьям. Это отмечали все, с кем мне довелось общаться. ...из всех иностранных организаций, работающих в России, квакеры пользуются наибольшим уважением и доверием. Это лишний раз подтверждает, что нам нет нужды слишком отдалиться от властей и пренебрегать работой, которая их больше всего интересует²².

Медицинская работа квакеров в Бузулуке

Используя в качестве образца модель, реализованную Нэнси Бабб в селе Тоцком, на протяжении 1920-х гг. квакеры все больше внимания уделяли просвещению населения в вопросах здравоохранения и учреждению медицинских пунктов и санаториев, большинство из которых пережили другие их проекты²³. Осенью 1922 г. руководитель миссии в Бузулуке составлял список вопросов для обсуждения на встрече с большевиками. Список включал пункты: «медицина: 5 больниц, 2000 кроватей, 2000 фунтов угля, 10 аптек» и «нам нужно постельное белье и одеяла, и по 1/2 порции мыла для каждого, кто находится в больницах и детских домах, а также для врачей»²⁴.

Когда большевики в итоге решили сократить количество иностранных организаций в России, они сделали исключение для тех из них, которые занимались вопросами здравоохранения. Так, Семашко выступил за перевод в сельскую местность врачей из Москвы и Санкт-Петербурга и увеличение их жалованья за счет средств квакеров. В апреле 1923 г. региональный руководитель Уолтер Уайлдман писал Уилбуру Томасу:

Крайняя нужна в медицинской помощи сохраняется... В России не хватает грамотных специалистов, а также медикаментов и препаратов. Думаю, они не будут возражать против нашей работы в сфере медицины, если только речь не пойдет о какой-то особенной деятельности, требующей их внимательного рассмотрения... Они рады, тем не менее, получать от нас как можно больше медикаментов²⁵.

Врачи, входившие в состав миссии квакеров, Мелвилл Маккензи и Элфи Графф, составили вместе с Уайлдманом подробный план по реализации медицинской программы в Бузулукском уезде. Они рекомендовали увеличить количество врачей и медсестер, обеспечить дополнительные места в стационарах для больных туберкулезом, малярией и венерическими заболеваниями и поставить новые партии медикаментов и препаратов. Они настаивали на увеличении количества туберкулезных санаториев в летние месяцы, чтобы предотвратить ухудшение состояния больных. Реализация этих предложений зависела от возможности получения дополнительного финансирования из Лондона и Филадельфии и согласия советских

властей на продолжение работы совместно с русскими врачами и московскими специалистами, готовыми переехать в Бузулук. Как Рут Фрай, так и Уилбур Томас питали большие надежды относительно будущего программы в 1923 г. Предложение Уолтера Уайлдмана по предоставлению медицинской помощи включало в себя следующие пункты:

1. Помощь в ремонте и оборудовании существующих постоянно действующих больниц и санаториев, поставке медикаментов и медицинских препаратов.
2. Поддержка фельдшерских пунктов и фельдшеров, назначенных Уздравом* и Обществом Друзей, при условии, что фельдшеры будут иметь соответствующую профессиональную подготовку.
3. Помощь в организации диспансеров для больных венерическими заболеваниями и оснащении их всем необходимым для борьбы с распространением таких заболеваний.
4. Помощь в организации дополнительного питания и оснащении учреждений, занимающихся лечением и профилактикой туберкулеза среди детей и взрослых.
5. Поставка медикаментов в детские дома через местных врачей и медицинские учреждения.
6. Организация детских и женских консультаций при существующих медицинских учреждениях и независимо от них по согласованию с уездными властями.
7. Организация детских садов в летние месяцы в тех сельскохозяйственных районах, где существует такая необходимость.
8. Помощь Уздраву в проведении просветительской и профилактической работы с использованием книг и наглядных материалов.
9. Продолжение начатой работы по открытию малярийных амбулаторий в Бузулуке и Сорочинском.
10. Оказание поддержки врачам и медсестрам, прибывшим в уезд для предоставления медицинской помощи населению²⁶.

* Уездный отдел здравоохранения.

Работа по борьбе с малярией, холерой и тифом в уезде приносила плоды²⁷. К концу 1924 г. квакеры контролировали работу 44 малярийных диспансеров на территории общей площадью более 5 000 кв. километров. Всего они раздали 8 5000 таблеток хинина для 20000 больных²⁸. Британский член миссии квакеров так описывает проблему малярии в Бузулуке:

Я увидел, что крестьяне в моем районе слегли с малярией. Малярии никогда не было в этих краях, хотя комаров всегда было много. Ее привезли люди, ездили за продовольствием в Ташкент ... я был удивлен такому большому количеству новых случаев заболевания во время зимы, но доктор Маккензи объяснил мне, что виной всему тропическая жара, царящая в избах крестьян. «Многие из них держат в избах ведра с водой, — сказал он. — А это идеальное место для размножения комаров, оставшихся с лета». Он снабдил меня хинином, и вскоре ко мне стали стекаться больные даже из отдаленных сел²⁹.

Квакеры стремились истребить все возможные места размножения комаров, но задача эта оказалась невыполнимой, поскольку почти все крестьяне имели в своих садах водоемы для полива и ухода за скотиной³⁰. Тогда было решено привезти больше хинина, открыть дополнительные диспандеры и за шесть месяцев эпидемия была остановлена. Все отчеты за 1923–1924 г. повествуют об успехе проведенной работы по борьбе с распространением малярии, холеры, тифа и других заразных заболеваний³¹.

К лету 1924 г. реализация смелых планов, принятых квакерами в 1923 г., оказалась под угрозой. Вместе с сокращением финансирования из Великобритании и США пришло понимание того, что программы оказания помощи в России слишком затянулись. Продовольственную помощь изначально не планировалось оказывать в течение столь длительного времени. Неверное истолкование деятельности квакеров местными властями затрудняло привлечение новых врачей. Наркомздрав отказался продолжать финансирование начатой работы на паритетных основах, повысив при этом квакерам плату за аренду и коммунальные услуги, а также потребовав увеличить жалования русским работникам. Проекты в Москве, Тоцком и Бузулу-

ке в результате стали конкурировать друг с другом за оставшееся финансирование³².

Региональный директор Николсон подлил масла в огонь своим неодобрительным отношением к сути работы, проводимой квакерами в России. Пребывая в стране с долгосрочным визитом, он направлял в Филадельфию и Лондон пространные послания, высказывая в них мысли, которые впоследствии стали центральной стратегией КСАД: о том, что необходимо закончить оказание благотворительной помощи и участие в восстановительных работах и сосредоточиться на создании центрального представительства квакеров в Москве, благодаря которому ценности и идеалы квакеров станут известными широкой публике, а всю работу можно будет выстроить по-новому, централизованно и на долгосрочной основе. Некоторые квакеры поддерживали идею открытия сельскохозяйственной школы в селе Умновка, в то время как Анна Хэйнс и другие настаивали на открытии школы сестринского дела либо в Ясной Поляне, бывшем имении Льва Толстого, расположенному близ Тулы, либо где-то в окрестностях Москвы.

В январе 1924 г. в письме к Уилбуру Томасу Николсон убеждал последнего, что голод закончился и « дальнейшее оказание продовольственной помощи дурно повлияет на моральное состояние людей ». Он наблюдал « равнодушие со стороны многих чиновников » и полное отсутствие какого-либо « духовного роста, на который рассчитывали Друзья ». В заключение он объявил, что « цели не оправдывают вкладываемых средств... поскольку мы стремимся охватить слишком обширную территорию » и предложил свернуть программу. Он хотел, чтобы квакеры завершили свою работу в Бузулуке к лету 1924 г., а в дальнейшем оставались бы лишь в Москве, « распространяя оттуда свое влияние на все российские регионы, включая Сибирь ». Из всех сфер, в которых серьезная работа могла бы проводиться в будущем, Николсон отдавал предпочтение медицине, но только в том случае, если квакеры самостоятельно будут контролировать всю работу, и если удастся привлечь средства. Несмотря на то, что до окончательного ухода квакеров из России оставалось еще несколько лет, план Николсона был частично ре-

ализован, но из всех озвученных квакерами идей, только идеи Нэнси Бабб удалось воплотить в жизнь в Ташкенте и обеспечить им существование на долгие годы³³.

Кризис 1924–1925 гг.

В то время как Николсон выражал свои сомнения относительно продолжения помощи России в КСАД в Филадельфии, Семашко и Наркомздрав переживали серьезные проблемы с финансированием. В конце 1922 г. КСАД принял на себя ответственность по финансированию работы Американской ассоциации медицинской помощи России, основанной во время голода американскими либеральными и прогрессивными благотворительными группами и общественными деятелями и занимавшейся закупкой и доставкой медикаментов и медицинских препаратов, требующихся Наркомздраву³⁴.

В начале 1923 г. КСАД также взял на себя ответственность по финансированию деятельности Ассоциации американских женщин по оказанию помощи больницам (ААЖБ), работавшей над учреждением детских поликлиник и больниц под руководством доктора Веры Лебедевой. Доктор Лебедева приходилась близким другом Семашко и была одним из первых представителей советской власти, с которыми Анне Хэйнс удалось установить контакт в 1919 г.³⁵ В 1921–1922 гг. ААЖБ полностью содержала одну больницу. Но к 1923 г. средства их оскудили, и во время своего визита в июне 1923 г. представитель ААЖБ, доктор Мэйбел Филипс смогла пожертвовать лишь скромную сумму в \$525 на обустройство детской молочной кухни³⁶. К лету 1924 г. единственными иностранными организациями в России оставались « Джойнт » и квакеры, которые кроме собственной работы поддерживали Американскую ассоциацию медицинской помощи России и ААЖБ.

Наркомздрав испытывал определенные трудности с организацией профилактической работы, учреждением сельских медпунктов и эпидемиологических лабораторий из-за нежелания советских медиков работать в сельской местности. Затем в 1925–1926 гг. после принятия декрета о передачи расходов из общегосударственного бюджета в местные, средств на содержание медицинских учреждений стало недостаточно и,

как следствие, медицинская помощь населению была еще более сокращена. Семашко обратился за помощью к «Джойнт» и КСАД, а один из его заместителей извещал квакеров в своем письме о том, что «сельская сеть фельдшерских пунктов лишь на одну треть оснащена койками и имеет возможность оказывать услуги только 40% населения, в то время как специализированная медицинская помощь практически не доступна»³⁷.

Семашко просил квакеров предоставить средства для поставки специализированного оборудования из-за границы для медицинских учреждений и лабораторий. Когда Уилбур Томас встречался с Верой Лебедевой в 1923 и 1924 гг., она дала ему понять, что Наркомздрав не заинтересован в новых проектах либо передаче квакерам контроля над медицинскими учреждениями и работниками³⁸.

Вместо этого, Наркомздрав просил денег на ремонт зданий, приобретение препаратов и продолжение запланированной ими работы. В результате в 1924 г. квакеры помогли Наркомздраву оборудовать Старо-Екатерининскую больницу в Москве, закупив для нее кровати, хирургическое оборудование, рентгеновскую установку и кухонную утварь³⁹. В то же время Нэнси Бабб заканчивала строительство больницы в Тоцком и стремилась передать управление ей в руки местных властей⁴⁰.

Желая выстроить работу в России после завершения голода таким образом, чтобы она ассоциировалась у людей с Обществом Друзей, руководители организаций квакеров в США и Великобритании не соглашались предоставлять России денежные средства и оборудование без права вмешиваться в процесс их использования. Летом 1925 г. было проведено крупное совещание с участием Правления КСАД, Комитета по делам России и только что организованного Международного отделения общественного служения по случаю возвращения из России двух врачей-квакеров (Граффа и Филлипса) и визита Карла Хита, нового руководителя Совета общественного служения Общества Друзей. Хит выступал за создание «Посольства квакеров», но в основном обсуждение было посвящено медицинским проектам. Графф заверил присутствующих в том, что существующие медицинские проекты крайне востребованы на-

селением и пользуются поддержкой местных органов здравоохранения, которым «известен дружественный настрой и добрая воля Друзей, сопутствующая всей их работе».

Филлипс и Графф обозначили несколько направлений будущей работы квакеров и вынесли их на рассмотрение: 1) работать в Москве в тесном сотрудничестве с Наркомздравом, 2) запустить новые проекты по обеспечению детских домов в Армении, 3) продолжать работу, начатую Нэнси Бабб в Бузулукском уезде, 4) разработать новые проекты по оказанию медицинской помощи в сельских районах (возможно, совместно с ААЗБ). Но Комитет под давлением Карла Хита высказался за учреждение центрального представительства в Москве, в рамках которого можно будет как заниматься оказанием медицинской помощи, так и распространять вероучение квакеров. Члены Комитета решили подробно изучить возможности по улучшению системы здравоохранения и учреждению специализированной медицинской школы в Москве⁴¹.

Третья поездка в Россию Анны Хэйнс, 1925 г.

Возвращение в Россию Анны Хэйнс летом 1925 г. позволило Комитетам получать информацию о ситуации в России из первых рук. В 1922 г. Хэйнс отправилась в США, намереваясь получить там диплом медсестры, чтобы в дальнейшем применять свои знания в России и организовать там процесс обучения сестринскому делу. В марте 1925 г. она писала:

Когда я приезжала в Россию раньше с гуманитарной помощью, которая была очень востребована в условиях голода, мне всегда хотелось, чтобы настали времена, когда Друзьям не придется полностью отдавать себя делу распределения продовольствия и одежды, когда они смогут посвятить некоторое время созиданию чего-то более долговременного через просвещение и улучшение технических условий. Когда я разговаривала с русскими, все они говорили о своем желании сделать страну самостоятельной ... но также жаловались на нехватку грамотных учителей, особенно в деле освоения различных наук и современных технических средств... но они при этом продолжают сочувствовать политике своего правительства, что позволяет мне надеяться на их сотрудничество со мной⁴².

Ее мечтой стало учреждение школы сестринского дела западного типа. Претворяя эту мечту в жизнь, она одновременно работала на добровольных началах медсестрой в московской детской больнице Веры Лебедевой и представителем американских квакеров в Московском квакерском центре вместе с англичанкой Дорис Уайт. Принимая во внимание ее опыт и образование, а также питая к ней полное доверие, американские квакеры просили ее быть директором всех программ Общества Друзей в России в переходный период 1925–1926 гг.

В московской больнице Веры Лебедевой Хэйнс отвечала за работу целого отделения, в котором кроме нее работала только одна студентка-практикантика. Она быстро начала собирать данные, контакты, вносить предложения и планы по улучшению качества подготовки медицинских сестер. Она заставила группу медицинских работников в больнице Лебедевой изучить книги по медицине, привезенные ею из Соединенных Штатов. Она также имела в планах посетить большую международную конференцию по сестринскому делу в Хельсинки, чтобы иметь возможность обменяться опытом с ведущими медиками Европы и Северной Америки. Совместно со старшим поколением медиков, работавших у Лебедевой, она написала доклад о состоянии сестринского дела в России и новых методах обучения молодых медсестер. Она писала в Филадельфию, что огромный интерес русских медиков к работе над совместным русско-американским докладом является «большим шагом на тернистом пути к хорошим международным отношениям... Это еще раз подтверждает мое убеждение, что мир достигается в процессе созидания лучших социальных условий, как побочный продукт такой деятельности, а не как ее пресловутая самоцель»⁴³.

Комитет по делам России (и КСАД в целом) проводил множество длительных совещаний по обсуждению ситуации в России с участием Элфи Граффа, Мэйбел Филлипса и Карла Хита в течение июня и июля, поэтому обеспокоенный Уилбур Томас писал Анне Хэйнс:

Вы, конечно, понимаете, что некоторые члены нашего Комитета критически относятся к нашей работе в России... Комитет пришел к выводу, что нам необходимо учредить пред-

ставительство в Москве, в рамках которого мы сможем проводить свою работу и поддерживать связь с местными властями. Медицинская помощь остается приоритетным направлением, Комитет считает, что нужно создать нечто вроде единого благотворительного центра, который бы предоставлял различные социальные услуги населению.

Он затем просил Хэйнс подыскать «несколько комнат в одном из самых оживленных районов города», в которых можно будет разместить будущий «центр здоровья» и сотрудников миссии⁴⁴.

В августе Хэйнс докладывала Томасу о своем выступлении на конференции в Хельсинки, и переговорах с Наркомздравом и доктором Лебедевой. Несмотря на то, что идея центра здоровья понравилась советским чиновникам, они сочли, что острой необходимости в его учреждении в Москве нет. «Большая нужда в таких центрах сохраняется в сельской местности», всего в 100 км от столицы, и Хэйнс обещала изучить положение дел в этих районах. На конференции в Хельсинки она почерпнула множество идей по обучению медицинских сестер. «Наибольшую ценность на конференции для меня представляла возможность обсудить состояние сестринского дела в России, о котором я знаю не понаслышке, с самыми образованными и дальновидными специалистами по сестринскому делу в Америке». Они с Томасом договорились о следующем:

Невозможно внедрить современную систему обучения медицинских сестер, отвечающую всем западным требованиям, без привлечения достаточных средств для учреждения специальной школы, где все обучение (как теоретическое, так и практическое), будет проводиться по западным программам... и где руководство отнесется к нашим идеям с сочувствием и пониманием⁴⁵.

Хэйнс с радостью обнаружила, что ее московские коллеги поддержали ее новую идею. Ей предложили преподавать сестринское дело на курсах при больнице, а также написать статью в местный журнал о своей поездке на конференцию и выступить с докладом на собрании одного из врачебных обществ. Хэйнс описывала эту непростую ситуацию в письме к Томасу:

Я пробовала связаться с врачом, который руководит школой, чтобы объяснить ему необходимость включения в программу общих курсов по уходу за взрослыми больными и детьми... Отдел здравоохранения хочет направлять окончивших курсы медсестер на работу в деревни, где они, возможно, будут в одиночку обслуживать жителей нескольких деревень, но он продолжает ориентировать девочек исключительно на работу с грудными детьми. Таким образом, они получают специальные знания, не получив предварительно общих, а это противоречит научно обоснованным практикам обучения сестринскому делу.

Единственное, что может убедить местные власти в их неправоте... это создание альтернативной практически ориентированной школы, выпускники которой будут лучше разбираться в своей будущей работе, чем девочки, которые сегодня выпускаются с удостоверениями медсестер. Такая школа должна иметь жесткие вступительные требования, студенты должны проводить несколько часов в день на дежурстве в отделении, таким образом, чтобы они досконально смогли изучить процесс ухода за больными. Только в рамках подобного учреждения представляется возможным создать соответствующую атмосферу и условия для того, чтобы сестринское дело в России развивалось в соответствии с достижениями современной науки.

Теоретическая подготовка здесь неплохая, но девочки имеют достаточно низкий общий уровень подготовки, и их ошеломляет объем новых знаний, которые им приходится усваивать. Они не могут применить полученные знания на практике, старшие медсестры во время их дежурств в отделении почти ничего им не объясняют. Усилий одного человека будет недостаточно для того, чтобы заметно улучшить ситуацию. Если Фонд Рокфеллера все еще намеревается провести анализ медицинского образования в России в следующем году... я им с удовольствием помогу собрать данные⁴⁶.

Хэйнс писала много статей, как в периодические издания Общества Друзей, так и в другие журналы, преимущественно либерального толка. Ее небольшое исследование «Здравоохранение в Советской России» (изданное в 1926 г.) даже с по-

зиций XXI века представляет собой компетентный, критический, но полный сочувствия анализ деятельности Наркомздрава по реформированию системы здравоохранения в России⁴⁷.

К декабрю у Анны Хэйнс созрел новый план, призванный найти компромисс между желанием КСАД учредить центр здоровья в Москве и ее собственным стремлением развивать здравоохранение в сельской местности. Она рекомендовала открыть центр здоровья в Ленинском уезде, примыкающей к Москве сельской территории, где находилось множество сел, лишенных какой бы то ни было медицинской помощи. Как писала Дорис Уайт:

Помощь Друзей в организации центра здоровья будет иметь большое значение, как для местных жителей, так и для чиновников московского отдела здравоохранения. Его преимущество – это близость к Москве, что позволит привозить туда гостей и успешно привлекать средства на его содержание (по аналогии с работой, успешно проводимой Нэнси Бабб и Верой Карловной Боянус в Ташкенте). Хэйнс уже даже составила примерную смету на ремонт деревянного дома в Ленинске силами местных жителей⁴⁸.

Поскольку коллеги Хэйнс в Москве с энтузиазмом встречали ее новые идеи, она за время работы в больнице и общения с другими медсестрами все больше утверждалась в мысли о необходимости учреждения полноценной школы сестринского дела по западному образцу. В декабре 1925 г. она писала Уильяму Томасу:

Я могу успешно обучать практическим аспектам ухода за детьми, и я в большей мере, чем другие старшие медсестры, стараюсь заниматься студентами во время их дежурств в отделении. Некоторые мои предложения были приняты отделом здравоохранения, несколько книг по сестринскому делу было прочитано одной из старших медсестер, которая понимает по-английски и сейчас по заданию врача готовит учебное пособие для студентов... Мне поручили составить критический доклад для группы врачей и медсестер, сравнив работу патронажных медсестер в России и Америке. ...Какая жалость, что здесь нет ни одной британской или американской школы се-

стринского дела именно сейчас, пока планы их окончательно не оформлены⁴⁹.

К февралю 1926 г. Хэйнс уже знала, каким образом использовать приобретенные знания:

Я очень близко познакомилась с практикой ухода за больными, существующими типами медсестер и проблемами, с которыми сталкиваются здесь школы сестринского дела – все это невозможно узнать за время поверхностного визита с проверкой. Я также приношу некоторую пользу, рассказывая врачам о наших методах ухода за больными. На прошлой неделе я делала доклад в медицинском научном институте о различиях в работе патронажных медсестер в России и Америке, меня слушало около 150 врачей и несколько медсестер. ... Вчера они просили меня снова выступить с тем же докладом и фильмом на общем совещании медицинских работников Москвы. Я написала также две статьи для российского журнала «Акушерство и сестринское дело»...

У нас установлены хорошие контакты со многими московскими врачами, особенно с теми, кто работает с отделом защиты материнства и детства. Теперь, когда почва для развития сестринского дела подготовлена, было бы идеально, если бы какая-нибудь организация взяла на себя учреждение современной школы для медсестер. ... Если отдел здравоохранения предоставит помещение и возьмет на себя расходы по его отоплению, на содержание школы потребуется не более \$25 000 в год. Реализация этого плана представляется мне наилучшим способом повысить уровень сестринского дела в России. Еще я думаю, что была бы очень полезна поездка нескольких русских медсестер в Америку, чтобы дать им возможность своими глазами увидеть, как проходит у нас обучение⁵⁰.

В конечном итоге КСАД не одобрил идею центра здоровья в Ленинске. 19 марта Томас сообщал, что большинство членов Комитета, равно как и британские Друзья считают обоснованным вложение средств только в московский проект. Вместе с тем, они продолжали проявлять интерес к школе сестринского дела и надеялись привлечь средства для ее обустройства. Томас просил Хэйнс предоставить ему пакет документов, включающий в себя смету, сведения о требуемом количестве иностранных специалистов, разрешительные письма из Наркомз-

здрава и подробное описание предполагаемого взаимодействия с больницами и медицинскими училищами. Он также интересовался, захочет ли сама Хэйнс работать в школе, если в итоге будут собраны средства⁵¹. В процессе сбора документов Хэйнс подготовила предложение следующего характера для Семашко и Наркомздрава:

Общество Друзей учредит... школу сестринского дела, обучение в которой будет проводиться согласно самым современным учебным программам и методикам. Выпускники школы смогут работать в больницах, поликлиниках или амбулаториях, в качестве патронажных сестер, ведущих профилактическую работу в школах и общественных учреждениях, а также в качестве акушерок, принимающих нормально протекающие роды. Они смогут работать в системе здравоохранения, как в небольшом селе, так и в крупном городе. ... Общество Друзей обязуется принять на себя расходы по приобретению учебных пособий и оплате труда преподавателей, питанию слушателей, обеспечению их медицинской формой на срок до пяти лет при условии, что российские власти помогут с помещением⁵².

Наркомздрав поручил рассмотрение предложения Хэйнс доктору Лебедевой, поскольку она являлась руководителем отдела материнства и детства, а также близко знала Хэйнс. Сначала Лебедева отклонила предложение, передав Хэйнс, что если квакеры действительно заинтересованы в развитии сестринского дела в России, то им ничего не мешает оказывать финансовую помощь уже существующим школам, но Хэйнс смогла убедить ее в необходимости учреждения именно отдельно стоящей структуры, поскольку это значительно упростило бы сбор средств. Лебедева дала свое устное согласие и предложила квакерам на выбор несколько помещений, относящихся к научно-исследовательскому институту. Хэйнс подсчитала, что для ремонта предложенного помещения потребуется \$22 000 и подписала официальное соглашение с Наркомздравом об учреждении школы сестринского дела⁵³.

К концу июля 1926 г. КСАД подготовил все материалы, необходимые для старта кампании по сбору средств, уже имея предварительную договоренность с двумя благотворителями о переводе суммы в \$15 000. Затем КСАД принял решение пере-

смотреть свою позицию. Некоторые члены Комитета высказали недовольство одержимостью Уилбура Томаса по отношению к России (см. главу 5). Например, Уильям Биддл выразил Томасу свое сожаление по поводу того, что комитеты Филадельфии и Лондона вообще допустили, чтобы Анна Хэйнс начала собирать этот пакет документов. Он также сказал Томасу, что не видит причин обнадеживать русских чиновников «своей готовностью финансировать столь крупные проекты на предлагаемых условиях и тем более гарантировать их финансирование в течение пяти лет»⁵⁴. Из Лондона пришла телеграмма похожего содержания: «Комитет очень заинтересован... но не может обещать какого-либо финансирования в настоящее время»⁵⁵.

Правление КСАД поручило Томасу написать Анне Хэйнс, что, несмотря на поддержку идеи Комитетами Филадельфии и Лондона в целом, им представляется весьма сложным привлечение требуемой суммы денег, поэтому они просят ее отозвать предложение. Хэйнс пришла в отчаяние. Она умоляла Комитет не отказываться от принятого плана, предлагала приехать в США и лично выступить перед широкой общественностью, а также принять участие в сборе средств. Она писала с глубоким сожалением:

Какая огромная жалость... упустить возможность открытия школы для медсестер из-за отсутствия средств на ее содержание. Тот тип медсестры... который мы надеялись подготовить в результате обучения... был бы очень востребован в России, особенно в сельской местности. Мы стали первой иностранной организацией, которой власти дали добро на открытие в России образовательного учреждения. Эта работа осуществлялась бы исключительно в пределах Москвы... Мы все давно пришли к выводу, что полезна только та работа Друзей, которая предполагает оказание небольшой технической помощи, демонстрирующей наш дружественный настрой по отношению к России. Не нужно останавливаться ни перед чем в стремлении собрать средства для нашей будущей школы⁵⁶.

Наркомздрав предоставил квакерам уникальную возможность открыть первое иностранное образовательное учреждение в Советской России, что полностью противоречило сущ-

ствующей политике советской власти⁵⁷. Но в течение года разделение мнений между членами и сотрудниками КСАД и усиливающееся недовольство квакеров стилем руководства Уилбура Томаса (усугубленное разногласиями между британскими и американскими квакерами) нарушили планы Анны Хэйнс. Она вернулась в Соединенные Штаты и продолжала активно работать в рамках КСАД – оказывая разнообразную помощь шахтерам Аппалачей в 1930-х гг. и вплоть до своей смерти в 1969 г.

С ее отъездом прерывается история медицинских проектов квакеров в России, если не принимать в расчет одинокое представительство Дорис Уайт в Москве в течение последующих нескольких лет, и всплеск интереса к строительству поликлиники в Ясной Поляне в 1928 г. Фактически же отношения между Обществом Друзей и советской властью были разорваны почти на семьдесят лет.

Карта России с указанием мест,

где работали квакеры в 20-е годы

8. «ОСОБЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ»
РЕАКЦИЯ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КВАКЕРОВ
в 1921–1927 гг.

Отношение русского населения к благотворительной помощи квакеров и их восстановительной работе никогда не было однозначным. В Москве, Самаре, Бузулуке местные власти, сельские комитеты помощи голодающим и простые крестьяне питали по отношению к квакерам сложную гамму чувств: уважение, воодушевление, растерянность, практицизм и подозрительность.

Ленин и другие лидеры большевиков изначально были настроены двойственно по отношению к благотворительной помощи иностранных организаций. Советское правительство было убеждено, что под маской благотворительности скрываются попытки иностранной интервенции, и поэтому широкомасштабное оказание продовольственной помощи иностранцами было запрещено вплоть до предложения Нансена-Гувера в 1919 г.¹ За несколько месяцев до голода власти все еще не хотели осознавать масштабы надвигающейся катастрофы, вызванной засухой и неурожаем, и Ленин с неохотой позволил Горькому обратиться за помощью к Западу². Он намеревался сделать так, чтобы западная помощь оказывалась в умеренных количествах и в течение короткого времени под пристальным контролем большевиков. Такой подход определил взаимоотношения советского правительства с АРА и другими иностранными благотворительными организациями вплоть до 1923 г.³

В 1921–1927 гг. многочисленные бюрократические сдвиги и изменения политического курса привели к ужесточению режима работы иностранных миссий. «Даже в самый разгар голода зимой 1921–1922 гг. Политбюро постоянно разделялось в своем мнении о том, позволительно ли благотворительным миссиям оставаться на советской земле... Во время двухлетне-

го присутствия в России АРА, основным камнем преткновения оставался вопрос о том, кто должен контролировать распределение продовольствия и медикаментов, поступающих из Америки⁴. Начиная с 1921 г. Ольга Каменева (жена Льва Каменева и сестра Льва Троцкого) снабжала Политбюро подробной информацией о деятельности всех иностранных граждан, прибывших с благотворительной миссией⁵. Только Лев Каменев (один из самых умеренных политиков в правительстве большевиков), председатель ВЧК Феликс Дзержинский и сам Ленин имели большие полномочия, чем она. Агенты ВЧК были изначально внедрены во все подразделения АРА, и в декабре 1921 г. Троцкому и Каменеву был представлен исчерпывающий отчет о деятельности АРА и других иностранных благотворительных организаций⁶. Когда АРА прекратила свою работу в России, объектом пристального внимания Ольги Каменевой стали другие иностранные благотворительные организации, от которых она требовала неукоснительного соблюдения всех наложенных на них ограничений и предоставления регулярной отчетности.

Особенные взаимоотношения с миссией квакеров

Начиная с лета 1920 г. квакерам удалось выстроить поистине уникальные отношения с руководством ряда советских ведомств, включая Наркоматы иностранных дел, просвещения, здравоохранения и Наркомат по делам продовольствия. Артур Уоттс и Анна Хэйнс заключили ряд знаменательных соглашений с представителями Наркомпрода и Центросоюза, которые предоставили квакерам право действовать независимо. К январю 1921 г. они уже имели полномочия распределять благотворительную помощь, поступавшую от Американского отделения Красного Креста, АРА и британского фонда «Спасем детей». В мае 1921 г. было подписано еще несколько соглашений, согласно которым квакеры назначались ответственными за распределение продовольствия и медикаментов во все детские дома Москвы. И, наконец, во время поездки Анны Хэйнс в Бузулук, местные власти выдали квакерам разрешение на расширение их программ продовольственной помощи «за Волгой» в надежде остановить жестокий голод 1921 г. Все эти соглашения предшествовали договору Гувера-Горького, подписенному в августе 1921 г., и закрепили за квакерами значи-

Сотрудники миссии квакеров в Москве

тельную долю работы на последующие годы⁷. После совещания с Артуром Уоттсом в мае 1921 г., руководство лондонского Комитета помощи жертвам войны отмечало в протоколе: «Нам создали условия для распределения продовольствия...и представляют все большую свободу действий...кажется, наша миссия пользуется беспрецедентным доверием властей»⁸.

После заключения Рижского договора члены КСАД приняли решение распределять свою благотворительную помощь через АРА, в то время как британские квакеры предпочли работать в рамках Европейского комитета по оказанию помощи, возглавляемого норвежским полярным исследователем и филантропом Фриттофом Нансеном. Основное взаимодействие с властями, однако, имело место не в Москве, а в Самаре и Бузулуке на уровне сельских комитетов. После того, как руководство АРА объявило о прекращении программ оказания благотворительной помощи в России в июле 1922 г., КСАД удалось заключить новое соглашение напрямую с советским правительством. В октябре 1922 г. уполномоченный советского правительства при иностранных миссиях помоги голодающим в России Карл Ландер объявил квакерам, что руководство страны намерено заняться «восстановлением разрушенных отраслей промышленности, повышением производительности сельского хозяйства» и решением вопросов благосостояния насе-

ния исключительно силами центральных и местных властей. Но в то же время он приветствовал работу квакеров и выражал надежду на скорейшее подписание нового соглашения с ними⁹.

Квакеры приняли на себя обязательства по продолжению благотворительных программ в Бузулукском уезде и Москве с условием их постепенного преобразования в программы восстановления. Это соглашение стало наиболее полным и четким из всех заключенных с советским правительством, и оно определило работу квакеров в 1923–26 гг. Новые программы включали в себя безвозмездное предоставление квакерами 1000 лошадей в пользование крестьян, организацию ими ткацких, прядильных и пошивочных производств, а также строительство больниц, амбулаторий, и других медицинских учреждений в Бузулукском уезде. Общество Друзей выразило готовность «содействовать росту социального и экономического благополучия русских людей» и «оказывать посильную помощь детским домам и больницам, прочим медицинским учреждениям, а также экономике села»¹⁰. В ответ советское правительство соглашалось оказывать квакерам поддержку в вопросах транспорта, проживания, хранения грузов и обеспечения связи. Вся благотворительная помощь в рамках соглашения должна была предоставляться «вне зависимости от расовой, религиозной, социальной или политической принадлежности». Общество Друзей надеялось также «полномочиями по заключению договоров с представителями власти на местах»¹¹.

В мае 1923 г. исполнительный секретарь КСАД Уилбур Томас посетил Россию вместе со своей британской коллегой Рут Фрай. Они приняли участие в ряде переговоров и совещаний, в ходе которых большевики выразили свою огромную признательность квакерам. Рут Фрай писала, что она просила большевиков «искренне ответить», хотят ли они, чтобы квакеры продолжали свою работу в России «сейчас, когда голод уже позади», на что они ей ответили: «Квакеры – это единственные иностранные, которых мы хотели бы в дальнейшем видеть на нашей земле, потому как полностью им доверяем»¹². Ольга Каменева призналась Рут Фрай: «Из всех иностранных организаций советская власть более всего заинтересована в продолже-

ОСОБЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

нии работы Общества Друзей»¹³. Фрай заключила, что продолжение работы Друзей в России приветствуется, особенно если речь идет о «восстановительных работах, а не оказании срочной гуманитарной помощи»¹⁴.

Но несмотря на тесное сотрудничество и добросердечные отношения, между властями и квакерами оставались некоторые проблемы. В течение 1922–1926 гг. квакерам приходилось писать долгие разъяснительные письма в Москву на имя Каменевой относительно используемых транспортных тарифов, выдачи разрешений на въезд для новых сотрудников миссии, освобождения их грузов от таможенных пошлин, а партий хинина и других медикаментов от налогообложения и смягчения условий ввоза в страну ношеной одежды и ниток для народных мастерских. Справедливости ради стоит отметить, что почти всегда решения принимались в пользу квакеров. Даже когда было принято постановление о том, что все остальные иностранные организации должны самостоятельно оплачивать свои расходы, квакерам удалось добиться для себя исключительных условий, поскольку у них уже были подписанные соглашения с советским правительством¹⁵.

За исключением некоторых случаев, в 1922–1926 гг. все возникающие проблемы решались благодаря личному вмешательству Ольги Каменевой. Сотрудники миссии восхищались ее вниманием к деталям при инспектировании детских домов и обеспечении их продовольствием. Квакеры часто просили ее помочи в устранении бюрократических проволочек, зачастую ставивших под угрозу успех их работы¹⁶. Она помогала как в мелочах, так и в серьезных вопросах. Именно Каменева добилась, чтобы Наркомат внутренних дел освободил и срочно направил в Бузулук врача в разгар эпидемии малярии, а в Сорочинское переволнчика. В 1923 г. на Берлинской конференции, посвященной иностранной гуманитарной помощи, Каменева назвала миссию квакеров «самой деятельной иностранной благотворительной организацией», из всех работающих в России, и отметила, что отдельные медицинские и сельскохозяйственные проекты квакеров заслуживают большей похвалы, чем вся деятельность Международного благотворительного комитета рабочих целиком¹⁷.

Хорошие личные связи квакеров с правящей верхушкой позволяли им избегать разногласий с местными властями, особенно во время голода 1921–1922 гг. Миссия квакеров в Бузулуке решала все вопросы совместно с уездными чиновниками и работающими в каждом селе комитетами взаимопомощи, которые самостоятельно определяли места для пунктов питания и решали, какие семьи будут получать пайки. Вместе с квакерами они принимали решения о назначении того или иного человека на ответственную должность. Квакеры контролировали раздачу продовольствия, развивали сотрудничество с местными властями и уделяли большое внимание разработке подробных планов на будущее. Если принять во внимание размер территории, на которой работали квакеры, огромное количество расположенных на ней сел, пунктов питания и медицинских амбулаторий, и сравнительно небольшое число сотрудников миссии представляется удивительным, как мало возникало в процессе их деятельности конфликтов¹⁸.

Тем не менее, квакеры сталкивались с множеством трудностей: от разногласий по поводу русского персонала и характера их работы до конфискации у них благотворительной помощи и денежных средств и, конечно, неизбежных личностных конфликтов. Один из сторонних наблюдателей так характеризовал работу КСАД в Сорочинском:

Распри из-за распределения грузов... вряд ли возможны, поскольку государство имеет полный контроль над этой сферой, трудно представить себе и разногласия из-за денег: квакеры самостоятельно оплачивают все свои расходы, кроме проживания, отопления, электричества и аренды складских помещений. Разногласия возникают в отношении персонала и т.д. ... поэтому встречи с местными комитетами и советскими чиновниками мало напоминают по настрою собрания Друзей¹⁹.

В архивах квакеров и АРА, а также в российских архивах хранится обширная переписка, посвященная всевозможным мелочам: спорам о найме персонала, жалобам на злоупотребление благотворительным продовольствием, требованиям русских чиновников предоставлять более подробные отчеты и запросам квакеров относительно участия властей в финансировании проектов и обеспечении их необходимыми материа-

лами. Отчеты в Москву, Лондон и Филадельфию упоминают о «раздражении, которое вызывают всевозможные мелкие препятствия, чинимые местными властями и крайне затрудняющие нормальный ход работы». Уолтер Уайлдман писал в 1923 г.: «Если что-то делается не так, как хочется местным чиновникам... они, как мне кажется, идут на любые ухищрения, чтобы помешать нашей работе»²⁰. Он продолжает:

Некоторую работу так и не удалось осуществить из-за нежелания местных властей идти на сотрудничество, подразумевающее некоторые расходы с их стороны, а также из-за их непонимания важности предлагаемых нами действий... Местные власти обычно с неодобрением относятся к нашему желанию следить за выполнением какой-либо работы от начала до конца, отчасти потому что это лишает их возможности объявить результат своей собственной заслугой и получить, таким образом, одобрение от партии, а отчасти из-за их недоверия по отношению к нам²¹.

Эдвин Вэйл также оставил описание переговоров квакеров с местными властями и комитетами помоши голодающим в 1922–1923 гг. Это было напряженное время: политический курс постоянно менялся, вследствие чего чиновники также постоянно сменяли друг друга, и во всем царила полная неразбериха. Вэйл описал кражи медикаментов в Сорочинском, конфискацию продовольствия запасов и ярость квакеров, вызванную отказом местного комитета внести изменения в списки стоящих на получение продовольствия жителей села после смерти некоторых из них. Он писал: «Современное состояние правительственной системы позволяет местным чиновникам безнаказанно творить все, что им захочется. Руководство партии в Москве слишком занято своими высокими идеалами, так что их руки не доходят до провинции. Мы засыпаем жалобами вышестоящие инстанции в Москве, но как только разрешается одна проблема, тут же появляется новая»²².

Злоупотребление продовольствием, предназначенным для спасения жизни людей, особенно удручало квакеров. Вэйл, в частности, описал такой случай:

В пятницу... я решил... навестить детский дом, больницу и комитет помоши голодающим. Директор больницы за день до этого встретился со мной, чтобы получить мое разрешение на

отгрузку со склада продовольствия, сказав мне, что все места в больнице заняты. Я зашел в больницу и увидел, что она заполнена менее чем наполовину. Затем я отправился в комитет помощи голодающим, но был остановлен на полпути председателем сельского совета, который вручил мне письменное уведомление о том, что мы отныне должны всегда согласовывать с ним посещение данного учреждения. Я отказался подписываться. Тогда Нароцкий устроил скандал, в результате чего его хотели даже арестовать, но в итоге не посмели.

Я написал письмо председателю о том, что ни одна новая партия продовольствия не будет ввезена в пределы волости до тех пор, пока он не отзовет своего уведомления. Конечно, я предполагаю, что он просто присвоил себе часть продовольствия. Здесь его все боятся, и он полностью контролирует работу больницы, детского дома и комитета по борьбе с голодом. Я рекомендовал... обсудить этот случай с представителем центральной власти в Сорочинском, но он, как оказалось, тоже стоит в сговоре с мошенниками из сорочинского совета. И нам приходится работать с этими мерзавцами²³.

Через несколько месяцев, вернувшись из отпуска, Вэйл писал, что «теперь я спокойнее отношусь к комитетам помощи голодающим. Я даже приветствую этих негодяев, как святых, и считаю, что только таким образом можно направить их на путь истинный»²⁴.

Артур Уоттс и Анна Хэйнс, Теодор Ригт и Эстер Уайт – все они сталкивались с «мелкими проблемами в отношениях с властями»²⁵. Но в конечном итоге все проблемы решались, и квакеры смогли добиться от чиновников плодотворного сотрудничества. На каждой встрече местные комитеты просили квакеров о дальнейшем продолжении их работы²⁶. Некоторые чиновники прилагали все возможные усилия, чтобы помочь квакерам в их работе, о чем повествует следующий отчет:

Нам всем очень повезло – в течение последних трех недель нам очень много помогал местный партийный инструктор, очень убежденный и деятельный человек, который проявил искреннюю заинтересованность в сотрудничестве с нами. После того, как он одобрил наши планы, местные чиновники мгновенно забыли про свою неприязнь к нам. Он дал им неоднозначно понять, что наши планы – это планы Москвы,

поэтому их необходимо неукоснительно выполнять. Он внимательно выслушал рассказ о наших скандальных происшествиях и надлежащим образом наказал виновных, помог нам в обустройстве детских домов, больниц и школ, уволил всех недобросовестных сотрудников и дал много ценных советов относительно существующих в районе проблем²⁷.

Но по мере того, как миссия квакеров расширяла свою деятельность, а советская власть стремилась полностью сосредоточить в своих руках контроль над проведением восстановительных работ, стало очевидно, что время срочной благотворительной помощи иностранных организаций в России миновало, а постоянное их присутствие здесь было нежелательным.

Арест Генриха Классена

Карл Бордерс занимал пост регионального директора КСАД в Бузулуке в 1922–1923 гг. Это был спокойный, невзыскательный, но очень компетентный человек, стремившийся всегда действовать согласованно с британскими квакерами и советскими чиновниками. Он писал Уилбуру Томасу:

Мне начинает нравиться замечательная манера квакеров принимать решения только с полного согласия всех членов миссии, и хотя наши обсуждения часто затягиваются до поздней ночи, мне кажется, что мы теперь стали жить более дружно и работать более плодотворно²⁸.

Самое серьезное столкновение между местными советскими властями и миссией квакеров случилось во время работы Бордерса. Разрешение тягостного противостояния, достигнутое в результате многочисленных напряженных переговоров – это целиком заслуга его спокойного, но настойчивого характера.

Гражданин СССР Генрих Классен, владевший английским и немецким языками, работал у квакеров переводчиком в селе Сорочинском. Власти вынуждали его оставить свою работу, поскольку однажды он встал на сторону квакеров во время их спора с председателем местного сельского комитета. Прокурор предъявил Классену туманные обвинения в «преступлениях», якобы связанных с его переводческой деятельностью, и запретил ему продолжать работу, а квакеров уведомил о том, что Классен «отстраняется от должности» и будет преследоваться по закону.

Классен обратился за поддержкой к Бордерсу, который написал в Филадельфию: «Мы не должны в принципе позволять властям запугивать наших переводчиков». Он просил о встрече с руководством большевиков, чтобы понять, какие выдвинуты конкретные обвинения. Уверенные в честности и компетентности Классена, квакеры приняли на себя ответственность за его дальнейшую судьбу. Они предложили ему взять временный отпуск и укрыться на одной из их квартир, пока страсти не улягутся. Российские власти тем временем потребовали его выдачи²⁹.

Все квакеры, работавшие в Сорочинском, собрались на молитву и в ходе ее решили, что они не могут отступать, поскольку происходящее ставит под угрозу их свободу самостоятельно выбирать персонал и переводчиков и приглашать в гости, кого им захочется. На встрече с руководством села Бордерс настойчиво просил представить ему подробности выдвинутых против Классена обвинений, и грозил в противном случае обратиться за разъяснениями в Москву. Большевики не сдавались и требовали отставки Классена. Квакеры приняли решение написать в Москву о том, что вся их работа в Сорочинском будет прекращена, если они не получат удовлетворительных разъяснений. В ответ судья процитировал им закон, гласящий, что каждый находящийся под следствием гражданин может быть отстранен от занимаемой должности и заключен под домашний арест. Квакеры оспорили это положение, заявив, что они работают в рамках специального соглашения с советским правительством и потому на них и их сотрудников распространяются исключительно условия данного соглашения. Судья ответил, что в случае если Классен не будет заключен под домашний арест, его вынужденены будут заключить в тюрьму. Бордерс не сдавался: «если это произойдет, мы немедленно прекращаем всю работу в вашем уезде, и извещаем Москву об истинных причинах нашего отъезда»³⁰.

В итоге судья выдвинул против Классена два обвинения: « злоупотребление полномочиями» (которое и привело к аресту председателя сельского комитета) и « ношение револьвера и размахивание им во время разговора с председателем». Присутствовавшие на месте происшествия квакеры знали, что второе

обвинение было ложным, поскольку Классен являлся членом меннонитской церкви, запрещающей использование оружия. Что касалось первого обвинения, то показания Классена, ставшие причиной ареста председателя, вряд ли можно было классифицировать, как « злоупотребление полномочиями», скорее, это были честные показания об истинном положении дел, которым можно было доверять³¹.

Квакеры направили телеграммы в Москву, требуя вмешательства центральных властей и угрожая полным прекращением работы миссии в России. Неожиданно в местных органах власти появился новый человек. Он «отнесся к нам с величайшим вниманием и, казалось, разделял нашу позицию». Он просил миссию квакеров не прекращать свою работу и обещал направить кого-нибудь в Сорочинское в течение «одного-двух дней» для «выяснения обстоятельств». Миссия временно закрылась в ожидании окончательного решения³².

Председатель горкома Бузулука направил квакерам телеграмму с обещанием провести расследование и распоряжением выставить «для вашей же защиты» вооруженную охрану у всех принадлежащих квакерам зданий. Через несколько дней следователь пригласил квакеров и беседовал с ними в течение пяти часов, указывая на многочисленные ошибки каждой из сторон конфликта, а затем предложил закрыть дело. Но квакеры не соглашались с увольнением Классена, даже при условии, что с него будут сняты все обвинения. Они требовали письменного предъявления обвинений и открытого судебного процесса, в результате которого Классен будет признан невиновным, и только после получения соответствующего письменного решения суда, они соглашались возобновить работу миссии в Сорочинском. Если же Классена признают виновным и квакеры не будут согласны с таким решением суда, возобновление работы миссии вновь будет отложено. В итоге большевики согласились. Классен продолжил работу, миссия вновь заработала, а отношения Карла Бордерса с властями остались такими, будто бы ничего и не произошло. В течение двух недель все обвинения с Классена были сняты³³.

Отношения Нэнси Бабб и российских чиновников

Работа Нэнси Бабб в Тоцком в 1921–1927 гг. остается образцовой в отношении сотрудничества квакеров и местных властей. Как уже упоминалось в главе 6, успехи Нэнси Бабб были вызваны ее способностью объединять свои планы по восстановлению с задачами местных комитетов. Начиная с весны 1922 г. она видела, что выполнение определенной работы для получения продовольственного пайка или материальных ценностей значительно способствует обретению селом самостоятельности. Когда дело касалось капитального ремонта или строительства зданий, Бабб соглашалась работать с местными комитетами исключительно на паритетных началах: крестьяне выполняли работы, государство обеспечивало строительные материалы и решало административные вопросы, квакеры же предоставляли денежные средства, продовольствие и материалы, которые невозможно было доставить непосредственно в селе³⁴. В 1923 г. она потребовала, чтобы некоторые волости самостоятельно обеспечивали продовольствием или, по меньшей мере, хлебом детей-сирот, находившихся на их попечении. В обмен на пайки она требовала, чтобы местные власти приняли меры по улучшению санитарных условий и приобрели дополнительные койки. Она отмечала: «Поступая таким образом, мы не только экономим продовольствие, но и даем местным властям возможность гордиться своей работой по обеспечению детских домов и вырабатываем дух взаимопомощи и сотрудничества между квакерами и государством... Я уверена, что все мои планы... находят сочувствие в сердцах местных чиновников»³⁵. Несомненно, самым крупным успехом Нэнси Бабб, достигнутым в процессе тесного сотрудничества с властями и крестьянами, стало строительство первой больницы в селе Тоцком.

Крестьяне поддерживали Бабб, даже несмотря на неприязнь к ней мелких чиновников. Свидетельством тому является рассказ Нэнси Бабб о том, как по инициативе крестьян были смешены члены комитета помощи голодающим в селе Сорочинском:

В апреле продовольствие наконец-то стало распределяться удовлетворительным образом – впервые со временем на-

Улица в Сорочинске, на которой находилось представительство американских квакеров

шего приезда прошлой зимой. Крестьяне в селе Сорочинском настолько преуспели в составлении новых списков нуждающихся в продовольствии граждан, что было решено действовать подобным образом и в других населенных пунктах. Поэтому в каждом селе жители самостоятельно пересмотрели списки стоящих на получение пайков. Были собраны последние данные касательно имеющейся скотины, количества членов семей, наличия в семье инвалидов и работоспособных взрослых людей. В ходе составления новых списков они обнаружили отвратительную ложь в списках, составленных прошлой осенью: в одном из сел комитет добавил к списку 14 несуществующих граждан. Получается, что 40 пайков были просто присвоены комитетом.

Крестьяне пришли в ярость и самостоятельно разбираются теперь со своим комитетом. Общее обсуждение и одобрение списков позволяют каждому жителю села принять непосредственное участие в судьбе каждого отдельного пайка. Вот это действительно коммунизм в действии: у всех есть возможность повлиять на принятие важного решения. Общими усилиями... уже были предотвращены многочисленные случаи мошенничества. Еще на таких собраниях стало возможным объяснить причины приезда квакеров в Россию и рассказать немного о наших идеалах. Чаще других звучит вопрос: «Почему вы сюда приехали?»³⁶.

Но хорошие отношения с советской властью, в 1925–1927 гг. не смогли обеспечить проектам квакеров дальнейшего развития. Даже после того, как их многочисленные детища об-

Улица Ленина в Бузулуке в 1998 году

рели самостоятельность и интегрировались в жизнь местного сообщества, квакеры были вынуждены покинуть Россию в связи с отсутствием дальнейшего финансирования из Соединенных Штатов и Великобритании.

Предложение об открытии сельскохозяйственной школы в селе Умновка вызвало определенные споры между разными квакерами (см. главу 9)³⁷. С того момента, как появилась идея открыть школу, квакеры пытались добиться от местных властей согласия, чтобы будущая школа не подчинялась системе советского образования и не пропагандировала, согласно заведенному порядку, атеизм³⁸. Но даже если бы правительство предоставило им такую возможность, разве прекратили бы квакеры вопрошать себя о том, возможно ли работать без права открыто рассказывать о своих убеждениях и «выражать идеи через дела»³⁹. Ольга Каменева ответила им, что их просьба будет удовлетворена только в том случае, если они не будут настаивать на письменных гарантиях. Однако к тому времени уже зародилось слишком много сомнений, и идея строительства школы была оставлена.

Память на долгие годы

Какую память оставили о себе квакеры, работавшие в России в 1920-е гг. и как сегодня относятся русские люди к помощи иностранных организаций во время голода? В мае 1998 г. Дэвид Макфадден и Сергей Никитин предприняли путешествие в Бузулук, Тоцкое, Сорочинск и Могутово. За две недели им удалось встретиться с пятнадцатью оставшимися в живых очевидцами голода 1921–1922 гг. Встречи происходили на рынках, в церквях, в домах этих людей; иногда спонтанно, иногда по рекомендации знакомых и друзей. Почти все без исключения представители старшего поколения хорошо помнят голодные годы и тех, кто привозил продовольствие, они с благодарностью говорят об «американцах», а также о квакерах и их благородных делах. В селе Тоцком Дэвид и Сергей смогли увидеть построенную Нэнси Бабб больницу, служившую жителям села в течение пятидесяти лет.

В Бузулуке миссия квакеров располагалась в одном из самых заметных зданий города – это построенный в стиле «модерн» особняк 1906 г. В 1998 г. в здании размещалась детская поликлиника. Главная врач поликлиники знала об истории здания и его предыдущих владельцах, и с радостью провела для Дэвида и Сергея экскурсию, показав, в числе прочего, малярийную амбулаторию квакеров. Директор архива Бузулука предложил Дэвиду и Сергею написать несколько статей, которые появились в мае 1998 г. в местной газете «Российская провинция» под общим заголовком «Американские квакеры в России».

Ирине Павловне в 1921 г. было всего пять лет. Ее мать перевезла всю семью в Сибирь в надежде спастись от голода, а она осталась с бабушкой в деревне неподалеку от Бузулука. Американские квакеры приехали в эту деревню, привезли продовольствие, накормили детей и помогли им выжить. «Спаси Господь тех людей, которые прислали нам продовольствие. Никогда их не забуду»⁴⁰.

В селе Сорочинском, где в 1920 г. размещалась основная часть американской миссии, Дэвид и Сергей также имели возможность побеседовать с пожилыми женщинами, которым помогли квакеры. Все они утверждали, что спасла их не советская

власть, а американское продовольствие и личное участие американских людей.

В отдаленном селе Могутово, где в 1917 г. располагался один из первых квакерских пунктов помощи беженцам, они провели беседу со школьниками старших классов о помощи квакеров во время голода и общих интересах подростков в России и Америке сегодня. Дэвида очень тронули вопросы детей: «Почему вы к нам приехали?» и «Кто такие квакеры?». Ему на мгновение показалось, что крестьяне, задававшие те же самые вопросы Нэнси Бabb, находятся где-то рядом и через своих потомков благодарят квакеров за их работу⁴¹.

В 1923 г. Аллен Уордвелл из Комиссии по гуманитарной помощи Национального информационного бюро писал: «Мы убедились, что все эти начинания оставили глубокую и долговечную память и благодарность в сердцах русских людей, которая будет жить вечно»⁴².

9. «ЖИТЬ ПО-КВАКЕРСКИ»

СЛУЖЕНИЕ И ПРИСУТСТВИЕ; НАСЛЕДИЕ И УРОКИ.

1917–1931 гг.

Во время революции 1917 г., а затем на протяжении всей эпохи НЭПа и первых лет правления Сталина, вплоть до завершения своей работы в России, квакеры имели различия во мнениях относительно способов оказания благотворительной помощи и проведения работы по восстановлению взаимоотношений с властями и религиозной веры. Несмотря на сомнения и трудности, с которыми приходилось сталкиваться, квакеры оставались в России до 1931 г. Почему же они уехали? Чаще всего завершение работы квакеров в России объясняют возвышением Сталина, но это только одна из причин. В действительности же дело обстояло гораздо сложнее.

Как нами уже было отмечено, британские и американские квакеры приехали в Советскую Россию сначала для того, чтобы оказывать помощь беженцам I Мировой войны, а потом беженцам гражданской войны и голодающим. После того, как голод миновал, они предложили реализовать медицинские, сельскохозяйственные и восстановительные программы. В то же время квакеры продолжали демонстрировать личное и религиозное свидетельства, и они открыли в Москве квакерский центр, призванный способствовать общению с русскими толстовцами и другими интеллектуалами и «ищущими», не примкнувшими к большевикам. Их опыт показал, что одновременно осуществлять работу по оказанию благотворительной помощи, поддерживать хорошие отношения с властями и пытаться открыто показывать квакерские религиозные ценности весьма непросто, даже если бы они находились в более благоприятных условиях.

Разногласия по поводу их работы менялись вместе с ситуацией в России. Уже в 1917–1920 гг. шел спор: «бескорыстная помощь» или «служение, сопряженное с квакерскими свидетельствами». Во время голода 1921–1922 гг. срочность в оказании помощи была доминирующей. Но в послевоенные 1924–1926 гг., когда голод был уже позади, работники миссии, оказывавшие благотворительную помощь, старались найти «золотую середину» между работой и своими свидетельствами. В 1925–1928 гг. некоторые квакеры высказывались за «свидетельство веры и присутствие в Москве», в то время как другие их коллеги выражали предпочтение «осуществлению конкретных проектов по восстановлению в провинции». В итоге после того, как проекты по восстановлению к 1928 г. были отвергнуты, в московском представительстве осталось только несколько квакеров и их друзей-толстовцев, но спор «служение или свидетельства» продолжался вплоть до окончательного отъезда квакеров из России в 1931 г.¹

Некоторые квакеры принципиально настаивали на оказании «бескорыстной помощи» (знаменитая фраза Артура Уоттса), отказе от участия в политических спорах, уклонении от конфликтов с властями (будь то большевики или правительства Великобритании и США) и старательном избегании религиозной пропаганды или прозелитизма.

Другие, напротив, полагали, что Друзья просто обязаны чётко формулировать собственные ценности – открыто заявлять о непринятии войны, о поддержке духовного поиска, религиозной свободы и человеческого достоинства, даже если такое свидетельство поставит под угрозу оказание конкретной благотворительной помощи в условиях российского послереволюционного хаоса.

Когда острая нужда в продовольствии отпала, некоторые высказались за реализацию конкретных проектов в медицинской и сельскохозяйственной сферах в тесном сотрудничестве с властями. Другие считали, что все усилия нужно сфокусировать на «квакерском посольстве» в Москве, через которое квакеры смогут оказывать более долговременное влияние, свидетельствуя о собственной вере. По двум причинам они не смогли бы воплотить в жизнь оба подхода. Во-первых, денежных средств явно недоставало для выполнения всех задач, которые

ставили перед собой британский и американский комитеты. Во-вторых, постоянное присутствие миссии в Москве и оказание благотворительной помощи требовали разного характера взаимоотношений с советским правительством, порой просто противоречащих друг другу, и даже иногда ведущих к взаимным угрозам. В воздухе постоянно висел политический вопрос: «Насколько тесно придется сотрудничать с властями для выполнения любой из задач».

Американские Друзья склонялись к идеи «бескорыстной помощи», но КСАД продолжал вести переговоры с сотрудниками миссии в Москве и совместно со своими британскими коллегами пытался определить перспективы работы в России вплоть до 1931 г. Британские и американские квакеры прилагали огромные усилия для успешной совместной работы. Как неоднократно повторял Руфус Джонс: «Комитет служения верит в британских Друзей и желает полнейшего сотрудничества и единения с ними во всём, где это возможно»².

Начало – война и голод. 1917–1920 гг.

Первые годы работы квакеров в Советской России были ознаменованы революцией, гражданской войной, и драматическим развалом попыток реализации программы помощи беженцам, начатой в 1916 г. в Москве и Поволжье³. Но эти годы также и поставили основные вопросы о работе в России, причём настолько ясно и требовательно, что они всегда осознавались квакерами. 5 ноября 1918 г. было проведено специальное заседание Комитета помощи жертвам войны, посвященное «духовным аспектам» работы Друзей в России, особенно в условиях русской революции. Протокол заседания гласит:

Друзья сегодня работают в Москве под эгидой имени Толстого, и это дает нам некоторые преимущества по сравнению с другими организациями. Но мы должны сказать, что для нас в первую очередь важно не то, что мы квакеры, не то, что мы англичане, и уж точно мы не миссионеры, приехавшие, чтобы передать свою веру. У нас есть вера, которой мы можем поделиться по мере того, как мы учимся совмещать работу на местах с пониманием того, что происходит там, где мы работаем... Материальное неотделимо от духовного пока наши сотрудники осознают, что есть нечто высокое, ради чего наш труд⁴.

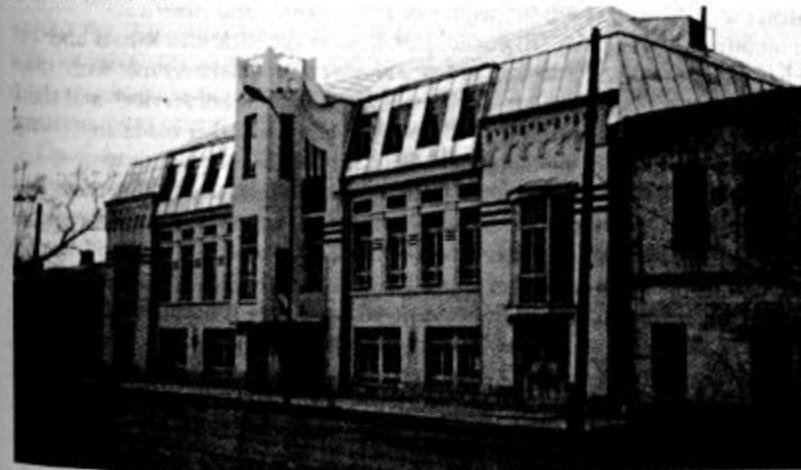
После отъезда из Москвы и Петрограда Эстер Уайт и Теодора Ригга в 1919 г. комитеты в США и Великобритании провели ряд совещаний, посвященных вопросу возвращения миссии в Россию и характера ее будущей работы. Бывшие сотрудники миссии регулярно встречались с комитетами, подчеркивая «возможность продолжения работы по оказанию помощи» и «большую ценность этой работы»⁵. В марте 1920 г. Хинман Бейкер совершил ознакомительную поездку, сопровождая 50 тонн благотворительного груза, предназначенного для русских детей в Петрограде и Москве. Затем Комитет помощи жертвам войны получил разрешение на въезд еще двух британских квакеров – Артура Уоттса и Грегори Уэлча с целью сопровождения гуманитарной помощи для детских домов. Уоттс впоследствии стал ключевой фигурой англо-американской благотворительной миссии квакеров в Москве, просуществовавшей в той или иной форме до 1931 г. Уэлч, напротив, провел в России всего один месяц, но его наблюдения затем послужили поводом для серьезного спора.

После возвращения в Лондон Уэлч заявил, что, несмотря на успешное распределение благотворительной помощи и конструктивные переговоры с большевиками, долговременная благотворительная работа в России невозможна, поскольку советское правительство «не видит места для благотворительных организаций». Тем не менее он полагал, что британские квакеры должны оставить Артура Уоттса в России и учредить «Посольство квакеров», которое будет оказывать поддержку толстовцам и просвещать всех русских граждан, интересующихся Обществом Друзей. Если же последняя задача окажется недостижимой, квакерам следует покинуть Россию⁶.

Артур Уоттс рьяно выразил несогласие. Он приводил в качестве аргумента искреннюю заинтересованность советских чиновников из различных ведомств, включая Наркоматы просвещения и здравоохранения, в продолжении благотворительной работы квакеров. Уоттс полагал, что такая работа сама по себе является исчерпывающим свидетельством веры квакеров. Их будут узнавать по делам, все остальное не имело значения. С точки зрения Уоттса, квакеры могли оставаться в Советской России только при условии полной отстраненности от любых политических, религиозных или философских вопросов, ни в коем случае не выступая с какими-либо официальными заяв-

лениями⁷. Сначала Комитет помощи жертвам войны поддержал мнение Уэлча. Было записано решение собрания – для дальнейшей передачи советскому правительству, – в нем говорилось о философии и задачах квакеризма. Артур Уоттс возражал, что такое заявление не только неуместно, но более того, оно может поставить под угрозу квакерскую работу по оказанию помощи. «Я полагаю, что лучше всего с нашей стороны в настоящий момент будет сказать российскому народу, что есть христиане, у которых сердце настолько большое, что они готовы оказывать совершенно бескорыстную помощь»⁸.

Под давлением Уоттса и КСАД лондонский комитет отозвал заявление, но спор не был разрешен. Затем Уоттс частично разделил позицию Уэлча мастерски показав квакерский принцип прямоты и честности в послании большевистским властям. Открыто озвучив главное стремление квакеров – «вступить в религиозное братство с русскими людьми, которые исповедуют взгляды, схожие с нашими собственными», он обещал, что квакеры не будут обращать в свою веру, а просто продолжат «оказывать помощь» там, где в ней есть нужда, не ставя никаких дополнительных условий, таких, как разрешение на распространение религиозного учения Общества Друзей⁹. (См. главу 3)

Здание бывшего представительства британских квакеров в Бузулуке, ныне здание детской поликлиники

В разгар голода британские и американские квакеры в Бузулукском уезде были поглощены сбором денежных средств, распределением продовольствия и материалов, наймом и обучением персонала и реализацией главной международной программы по оказанию помощи голодющим в России. Для обсуждения вопросов, связанных с характером и целями работы в России и споров о том, что важнее: гуманитарная помощь или свидетельство о вере, общественное служение или централизованное присутствие, — у них не оставалось ни сил, ни времени. Но даже в те годы можно было наблюдать следы разногласий по этим вопросам. Так, в Бузулуке, и в Лондоне они спорили, нужно ли вывешивать в пунктах раздачи питания и амбулаториях плакаты, указывающие на то, что помощь оказывает именно Общество Друзей с короткой справкой об их вероучении. Они даже не могли достигнуть согласия и по вопросу участия местных властей в процессе найма и увольнения персонала.

Природа служения

По мере того, как ослабевал голод, слабело и единство квакеров, как в России, так и в США. Стало сложнее привлекать денежные средства, в дискуссиях преобладала тема будущего всей программы. В предложении по открытию сельскохозяйственной школы в селе Умновка квакеры просили, чтобы власти освободили их от обязанности преподавать атеизм, что создавало потенциальную возможность для преподавания там основ собственного вероучения¹⁰.

Руководитель миссии квакеров в Бузулуке Эдгар Николсон написал в Лондон и Филадельфию, что власти не удовлетворили их просьбу, что послужило поводом для нового витка обсуждений. Элис Найк, сотрудник Комитета служения Друзей в Лондоне, ответила Николсону в марте 1924 г.:

Основное сомнение Друзей...заключается в том, можно ли будет в рамках предложенного проекта и в условиях жесткого контроля со стороны советских чиновников обеспечить достаточную свободу для Друзей, которые будут проживать непосредственно в учебном заведении. Если мы согласимся финансировать проект...мы должны смириться с тем, что преподавание какой-либо формы религии в школе будет невозможно. ...

Поэтому нас волнует вопрос: если мы согласимся работать в таких условиях, будет ли нашим работникам предоставлена свобода жить так, чтобы их дела отражали их веру¹¹.

Число сторонников «служения» в дилемме «служение или присутствие» постепенно увеличивалось в команде британских Друзей. Месяц спустя, когда стало ясно, что позиции Друзей и советского правительства расходятся, вследствие чего о проекте сельскохозяйственной школы в Умновке можно забыть, Элис Найк не потеряла оптимизма. Она писала сотрудникам на местах:

Переговоры, которые имели место, могут значительно способствовать развитию сотрудничества между миссией и властями Москвы и Бузулука. Все к лучшему, по крайней мере, вопрос нашей позиции в отношении религии был тщательно, что называется, провентилирован¹².

Проект открытия школы был, как уже упоминалось, отложен.

Переписка между Лондоном, Москвой и российской провинцией всё в большей степени затрагивала вопросы пропаганды, образования и религии в целом. В московском офисе недоставало листовок на русском языке, рассказывающих об Обществе Друзей, у «центра» даже не было читального зала или постоянного места для квакерских молитвенных собраний¹³. Один из британских Друзей предложил сотрудникам миссии начать преподавать английский язык для увеличения интереса русских людей к деятельности квакеров. Материалы перевели и доставили из Лондона, но с привлечением средств и получением книг для библиотеки на безвозмездной основе дело обстояло хуже¹⁴, и когда руководитель московского офиса Е.К. Боллс на встрече с властями озвучил идею о проведении занятий по английскому языку и созданию библиотеки, он получил весьма неоднозначный ответ, описанный ниже:

Он [представитель власти — прим. переводчика] не возражал против того, чтобы мы обучали профессорский состав...английскому, но дал понять, что это нежелательный прецедент: ведь уроки можно давать и частным образом...Что касается библиотеки, то он не видит здесь препятствий, только немногого волнуется, что все это будет слишком похоже на пропаганду квакеризма¹⁵.

Как потом выяснилось, стремление лондонского комитета решать все вопросы официально послужило причиной отказа властей дать разрешение не только на проведения занятий по английскому языку, но даже на открытие библиотеки и читального зала. Весной 1925 г. Друзья в Москве приняли решение вести работу по-новому: не спеша, менее скрыто и ориентируясь на долгий срок. Боллс заключает:

Друзьям надо будет проявлять терпение в связи с тем, что продвижение их работы в России будет небыстрым, довольно затягиваться в ближайшие годы тем, что нам разрешают проводить ту работу, которую мы делали в течение прошлых лет. Единственное, что нам здесь остается — это жить по-квакерски, продолжая в ходе нашего общения с разными людьми вызывать в них чувства доверия и дружбы, что пока нам неплохо удается в России. Если мы хотим продолжать нашу деятельность в России, нам нужны деньги для четкой программы полезной работы¹⁶.

Свидетельство о вере или конкретные дела?

Голод миновал, основные проекты по восстановлению были завершены. К 1928 г. в Москве осталось единственное представительство квакеров — так называемый «московский центр», поддерживающий связи с толстовцами, духоборами и немногочисленными русскими квакерами. В помещении центра изредка проводились молитвенные собрания. Несколько русских толстовцев обратились в Собрания Друзей Лондона и Филадельфии с предложением стать заочными членами Общества Друзей, поскольку квакеры в России были малочисленны, открытие же Собрания в Москве представляло собой рискованное с политической точки зрения предприятие¹⁷. В то время как квакеры Лондона стремились к религиозному диалогу, сотрудники миссии в Москве и их русские друзья опасались, что публичное обсуждение религиозной тематики поставит под угрозу оставшуюся часть программы. В сентябрьском отчете за 1926 г. Дорис Уайт описывает трехнедельный визит в Россию руководителя ИМКА Джорджа Шервуда Эдди, писателя и общественного деятеля, принадлежавшего к общине евангелистов. Его визит был организован через Бюро культурных связей, так что членов его делегации «всюду встречали как дорогих гостей». Эдди в сопровождении группы из двадцати человек заглянул и в квакерский центр:

Перед тем, как уехать из Москвы Эдди сделал несколько критических замечаний по поводу политики советского правительства, в том числе, он подверг критике отсутствие свободы религии. В ответ на это замечание его заверили, что у граждан остается свобода общаться и спорить на религиозные темы... и мистер Эдди был приглашен на дебаты, посвященные проблеме христианства, в следующее воскресенье. Его сопровождал мистер Геккер из Колумбийского университета, постоянно проживающий в Москве и организующий семинары для служителей «Живой церкви». Его оппонентами, выступавшими от лица коммунистов, стали один московский профессор и главный редактор атеистической газеты «Безбожник». Выступлению мистера Эдди на дебатах были посвящены многочисленные публикации в московской прессе, в которых и сам мистер Эдди, и предмет его выступления были жестоко раскритикованы.

Дебаты произвели сенсацию среди небольшой квакерской общины в Москве и отразились на политике комитетов в Лондоне и Филадельфии¹⁸.

В 1927–1931 гг. квакеры в России, Великобритании и США активно обсуждали новые проекты по восстановлению сельского хозяйства, способы привлечения средств для их реализации, возможности получения разрешений от властей и перспективы расширения деятельности московского центра. Они также продолжали спорить о том, где должна быть сосредоточена основная работа: в Бузулуке, в Москве или в другом месте.

Квакерский центр

Идея открытия в Москве «квакерского центра», наподобие тех, которые работали в Париже и Вене, родилась еще в 1916 г., когда квакеры впервые прибыли в российскую столицу. В таком центре можно было бы проводить молитвенные собрания, встречи с людьми и осуществлять благотворительную и добровольческую деятельность. Но свое развитие идея получила уже после того, как российская миссия, ранее работавшая в структуре Комитета помощи жертвам войны под руководством Рут Фрай, в 1924 г. стала подчиняться более крупной организации — Комитету служения Друзей, возглавляемому Карлом Хитом. Хит был одним из ярых сторонников идеи «Посольства

квакеров», о чем свидетельствует множество статей, написанных им на эту тему. Еще в 1917 г., когда свирепствовала война, Хит и другие сформулировали свою точку зрения:

Когда буря войны уляжется, мы, квакеры, будем нести ответственность, возложенную на нас – каковая есть несение квакерской вести внутреннего света Христова, подтверждённую опытом нашим, а ещё вести о переоценке предназначения рода человеческого, – нести во всякий город Европы и для каждого народа. Мы должны призывать людей заново осмысливать свое предназначение в этом мире, рассказывая им о нашем собственном религиозном опыте. Это огромная и важная задача, выполнение которой потребует от Общества большой веры и храбрости, а также большого смирения¹⁹.

Много лет спустя в очерке о работе квакерских центров в Европе в 1914–1939 гг. Хит рассказывал:

Где бы ни работало Посольство квакеров или Центр квакеров, они всегда основывались на знаменитом изречении датского общественного деятеля Кристена Кольда: «Прежде чем просвещать человечество, нужно влить в него свежие силы». В своих центрах квакеры не столько проповедовали свое вероучение, сколько просто старались жить в соответствии с принципами собственной веры. Людей привлекала именно их искренность в проявлении дружбы и несении общественного служения. Духовная энергия созидательна... она является основой обновления жизни ...в миротворческой деятельности, в оказании помощи заключенным, в медицине, просвещении, в восстановительных работах, в преподавательской и исследовательской деятельности или в спонтанных молитвенных собраниях²⁰.

Тем не менее, даже самые большие энтузиасты в московской миссии видели необходимость в информировании Лондона о том, почему так трудно работать в Москве. Е.К. Боллс писал Хиту 25 апреля: «Боюсь, что что-то делать тут будет очень трудно для Центра, поскольку нам здесь просто не позволяют заниматься той деятельностью, которой от нас ожидают Друзья»²¹. В любом письме, даже если оно касалось открытия медицинского центра, школы сестринского дела, сельского медицинского пункта или больницы в Ясной Поляне, Карл Хит всегда уделял несколько строк идеи Посольства квакеров. В 1925 г. он писал в московскую миссию Дорис Уайт:

ЖИТЬ ПО-КВАКЕРСКИ

Наша первейшая задача – добиться от общества, в котором мы работаем, понимания и пересмотра ценностей. Медицинские центры, проекты по здравоохранению – все это вторично. Мы имеем своей целью учредить центр в самом сердце России, который поможет нам добиться дружбы и понимания людей, в чьих руках сегодня находится будущее России²².

Карл Хит был настолько увлечен идеей квакерского центра, что в 1926 г. он убедил лондонских Друзей не поддерживать совместное предложение КСАД и Анны Хэйнс по открытию школы сестринского дела и их последующие планы касательно создания медицинских пунктов в сельской местности. Его бескомпромиссность также затормозила перевод денежных средств для строительства больницы в Ясной Поляне, по инициативе Ольги и Александры Толстых.

После того, как все выше перечисленные проекты были отклонены, квакеры осознали печальную истину – московской миссии находится на грани выживания, о том, чтобы преобразовать ее в Посольство квакеров, не может быть и речи. К 1928 г. из всех сотрудников в миссии осталась только Дорис Уайт, которая описывала свою роль, как «напоминание о щели», по аналогии с тем, как в лондонском метро пассажиров каждый раз предостерегают о щели между вагоном и платформой. Другой работы не предвиделось из-за отсутствия денег, персонала и целостной картины всего происходящего в стремительно меняющейся Советской России. Действительно, к моменту отъезда Дорис Уайт из России в 1931 г. лондонские Друзья жаловались на комиссаров из обновленных аппаратов власти, которые отказывались признавать прежние заслуги квакеров. Эти комиссары уже не были настроены дружелюбно при обсуждении вопросов получения разрешений или освобождения от налогов, продления сроков аренды и замены одного вида работы другим²³.

Впечатления Эммы Кэдбери о Советской России

Эмма Кэдбери – та самая, которая когда-то высказалась в защиту одновременного сотрудничества с Гувером и советской властью (см. главу 4), посетила СССР в 1928 г. и описала свои впечатления. В своем оптимистичном отчете о поездке она выразила надежды многих своих современников: она бы-

ла убеждена, что по мировоззрению квакеры и советские люди чем-то похожи, поэтому совместными усилиями они могут построить новое, более справедливое общество. Она также искренне указывает на некоторые проблемы, которые послужили причиной провала всего предприятия квакеров в Советской России.

В соответствии с условиями генерального соглашения в рамках которого работает Миротворческое братство в Соединенных Штатах, я привожу здесь следующее заявление:

Любовь Христова подразумевает глубокое уважение к личности; мы пытаемся создать общество, в котором ни один человек не будет порабощен ради удовольствия или выгоды другого, но каждый будет иметь возможность развивать свои таланты таким образом, чтобы принести добрые плоды.

Все, кто разделяет основную мысль этого заявления и понимает, что в современных политических и социальных условиях воплотить эту мысль в жизнь очень трудно, должны обратить внимание на происходящее в СССР: там была предпринята смелая попытка создать свободное от эксплуататоров государство и предоставить возможность жить полной жизнью, по крайней мере, рабочему классу, который в других странах терпит много лишений.

В начале июня прошлого года я с волнением и восторгом пересекла русско-польскую границу... В течение четырнадцати дней, проведенных в России, я была поражена размерами советского государства и разнообразием живущих в нем людей, и я представила, как трудно, должно быть, внедрять идеи социализма на такой гигантской территории. На карте расстояние от расположенной в Минске таможни до Москвы казалось незначительным, но в результате пути от Вены до российской столицы занял 47 часов.

Меня несколько пугала таможня. Нас заставили принести весь багаж для проверки в большое помещение, задрапированное красными знаменами с портретами Ленина и других героев большевиков... такие портреты висят в каждом общественном учреждении Москвы, будь то больница, клуб или школа. Переводчик сновал вокруг, рассказывая сразу на английском, немецком и французском, что нам необходимо делать. Русские деньги, приобретенные мной сразу после пересечения границы, пришлось отдать таможеннику с условием их возврата на обратном пути, поскольку я, оказывается, уже нарушила закон, купив русские

деньги за пределами России. А легально купить рубли можно только здесь... и здесь же их следует продавать перед тем, как выехать за границу или же, если иностранных банкнот на тот момент не окажется в наличии, вам будет выписан чек, который можно будет обналичить в течение двух месяцев на территории России. Находясь в Москве, я поняла, что этот строгий закон создает огромные трудности как для пересылки денег за границу, так и для приобретения иностранной наличности для заграничных поездок. Например, один господин, у которого дочь живет в Риге, умолял меня позволить ему обналичить личный чек, чтобы он мог оплатить ее расходы, а некая путешествующая в Англию дама была очень счастлива, что ей удалось купить у меня несколько фунтов стерлингов. Спекулянты изрядно наживаются благодаря этому закону, несмотря на то, что такая деятельность очень рискованна.

Первый вечер в Москве запомнился мне более других. Меня окружили заботой два работника миссии квакеров — один американец и один русский, которые затем опекали меня в течение всей моей поездки. Этот русский работал в одной из деревень, которым квакеры оказывали благотворительную помощь, а потом решил помочь им в обустройстве школы сестринского дела, о которой мечтала Анна Хайнс. В течение последних двух лет он посещал курсы сестринского дела в Москве, где одним из условий обучения является членство в союзе медицинских работников. Поэтому он прекрасно знает условия жизни в городе и в селе, взгляды принадлежащих к коммунистической партии рабочих и крестьян, а также бывшей аристократии...

После позднего обеда невестка Льва Толстого повела меня смотреть Москву. Сначала она привела меня на книжный рынок, расположившийся на одном из центральных бульваров. ...Палатки были установлены по обеим сторонам главной аллеи, а между ними высались кое-как сделанные деревянные арки с различными лозунгами, написанными белой краской на красном фоне. Я попросила переводчика прочитать их мне. Среди них был лозунг: «Религия — это опиум для народа», остальные же были посвящены пользе чтения. Выставленные на продажу книги в своем большинстве имели научно-публицистический характер, художественной литературы я увидела мало. Меня в особенности интересовали детские книги, поскольку картинки к ним зачастую имеют скрытый подтекст.

Было воскресенье, и по рынку прогуливалось множество народа. Но этот народ сильно отличался от того, который обычно гуляет по Карнтинерштрассе в Вене. Все были одеты буднично: мужчины в чистых косоворотках, девушки в ситцевых платьях, точно таких же, какие они носят в рабочие дни на фабрику. Многие были обриты наголо, но девушки-комсомолки в ярко-красных платках добавляли цвета серым московским улицам. Сначала возникло ощущение всеобщего равенства. Но ни разу я не увидела стильно одетого человека. Это, должно быть, вызвано нежеланием выделяться из толпы из-за опасности прослыть буржуем...

Несмотря на однообразие в одежде, люди здесь очень разные. Всматриваясь в лица, можно различить множество типов мужчин и женщин, и характер их проступает со всей четкостью, не замаскированный богатыми одеждами. Еще это люди самых разных национальностей и рас, что напоминает о многонациональности Советского Союза...

С каждым днем я все более сожалевенно относилась к идеалам и достижениям нового строя, посещая различные созданные для блага людей учреждения, и общаясь с их воодушевленными сотрудниками. Мне также удалось по-новому взглянуть на культурные и художественные памятники старого времени и послушать осторожные рассказы тех, кто знал в них толк и любил их.

Рынок в Москве

Даже эти люди, сильно пострадавшие во время революции, видели много хорошего в нынешних хозяевах России и шли на сотрудничество с ними. Я была восхищена их самопожертвованием, преданностью своему делу и умением прощать советскому правительству все лишения.

В Москве... чувствовалась непоколебимость нынешнего правительства, и можно было действительно поверить во власть рабочих и в то, что они со всей серьезностью относятся к возложенной на них ответственности и имеют свободу критиковать самых высокие чины, если те не работают на благо народа.

Мужчины, штукатурившие стены в здании московской миссии выполняли работу очень медленно и халатно, но я выяснила, что это были крестьяне, приехавшие в город на заработки, самые ненадежные работники. В отделе социальной защиты мне сказали, что таких людей очень сложно обеспечить работой, потому как строительных материалов всегда недостает. До нас дошел слух о довольно некрасивой попытке безработных устроить мятеж. Но ведь Россия — это далеко не единственная в мире страна, где безработица является собой серьезную проблему, к тому же, как мне известно, все местные и приезжие безработные получают от государства свой бесплатный продовольственный паек.

Я так понимаю, что залы художественной галереи, в которых выставлены иконы, закрыты для посещений... а учителя и представители других профессий, оказывающие общественное влияние, не должны ходить в церковь, если они не хотят ставить под угрозу собственное трудоустройство.

У друзей была возможность принять участие в строительстве новой больницы в Ясной Поляне, которое правительство приурочило к столетней годовщине со дня рождения Льва Толстого. Благодаря этому, я провела несколько дней в интереснейшем месте. Дочь писателя Александра Толстая живет здесь почти всю свою жизнь и принимает деятельное участие в жизни местного сообщества. Она показала нам две школы. Одна из них готовит наиболее одаренных девочек и мальчиков к поступлению в университет, тогда как другая, расположенная в нескольких милях от первой, предназначена для детей с отклонениями в развитии, и в ней учеников обучают не только наукам, но и ремеслам. Дух свободы ощущается в каждой из школ, и дети вполне осознают свою ответственность за будущее села.

В сельской местности чаще звучат сомнения по поводу политики нового правительства, крестьяне называют его «правительством рабочих». Серп, как они говорят, подчиняется молодому. В своем большинстве крестьяне лояльны к власти, но уже в поезде нам довелось выслушать открыто высказанную жалобу: дело в том, что милиция заставляет крестьян продавать зерно, а им приходится потом стоять в очередях за скучными пайками.

Интересно, что будет дальше. Один студент-политолог однажды сказал мне: «Социалистические теории в России впервые были испытаны на обществе. Если в ходе эксперимента выявлялись недостатки, сразу же применялись новые методы». Советское правительство уже доказало свою способность осуществлять большие изменения. Надеемся, что оно просуществует еще достаточно времени, чтобы продолжить свою работу.

В целом политика советского правительства в России – это начало так называемого «христианского порядка». Критикуя некоторые действия властей, мы все еще разделяем их надежды на то, что придет светлый день, «когда ни один человек не будет порабощен ради удовольствия или выгоды другого, но каждый будет иметь возможность развивать свои таланты таким образом, чтобы принести добрые плоды»²⁴.

Почему же квакеры в итоге оставили Москву в 1931 г.? Проще всего, отвечая на этот вопрос, сказать: им нечем стало заниматься, потому как идея Посольства квакеров оставалась не до конца разработанной, а их предложения по реализации программ в сфере медицины либо отклонялись, либо откладывались в долгий ящик. В конце концов, власти отказались продлить аренду помещения, в котором располагалась миссия квакеров. Однако, эти действия лишь маскировали более серьезные факторы, например, враждебное отношение государства к религии. После того, как Клэрэнс Пикетт и Карл Хит сменили на посту регулярно приезжавших в Россию Уилбура Томаса и Рут Фрай, российская миссия лишилась серьезной поддержки в американских и британских квакерских организациях. Усилия и средства были переброшены на другие проекты, и никто не изъявил желания продолжить начатые дела и четко сформулировать свое видение дальнейшего служения квакеров в России, как это некогда сделали Грегори Уэлч и Артур Уоттс. По крайней мере, до 1949 г. подобных попыток не предпринималось.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОНЯТЬ КВАКЕРОВ

В 1951 г. либеральный теолог и пацифист времен Второй мировой войны Гарри Эмерсон Фосдик издал антологию работ Руфуса Джонса под названием: «Руфус Джонс обращается к современным людям». Предварительно отметив, что «бумага и буквы не смогут в полной мере отразить свет его личности», Фосдик собрал воедино все 57 книг, а также множество статей, речей, проповедей, передовиц и других сочинений Джонса в единую антологию, переоценить значение которой невозможно. Он также привел в этой антологии ещё одно краткое описание первых лет работы Комитета служения американских Друзей. Фосдик описывает удивительный случай в истории КСАД, когда в 1938 г. 65-летний Руфус Джонс отправился с делегацией в берлинскую штаб-квартиру гестапо в надежде спасти евреев и людей других национальностей от преследования со стороны нацистов и «понять, можно ли каким-либо образом улучшить условия жизни в стране и облегчить участь пострадавших». Фосдик утверждает:

Те, кто считает, что квакеры пришли в уныние... поскольку такие попытки ...не решили международных проблем и не способны были предотвратить II Мировую войну, не понимают квакеров [выделено Фосдиком]. Та война тоже не решила мировых проблем, но оставила гораздо более крупные и серьезные проблемы, по сравнению с теми, которые существовали ранее. Квакеры же видят всё в перспективе...¹

Что же мы, прибегая к нашему «видению в перспективе», можем понять из опыта работы квакеров в революционной России? Вопросы, поднятые Артуром Уоттсом и Грегори Уэлчем, Нэнси Бабб и Анной Хэйнс, а много лет спустя Дэвидом

Макфадденом и Сергеем Никитиным, и сегодня не потеряли своей актуальности. Как должны поступать квакеры Британии и США, одновременно приверженные и тому, чтобы «подать стакан воды», и своим религиозным принципам, или, — как они их называют, — свидетельствам, как способам передачи своих глубоких внутренних ценностей? Как могут люди доброй воли искренне облегчать участь пострадавших в результате гуманитарных катастроф, находить общий язык с властями и демократических, и революционных стран, и сохранять золотую середину между оказанием помощи частным лицам и работой по преобразованию несправедливой системы? Нужно ли при каждом поворотном моменте свидетельствовать о своих глубинных убеждениях, чтобы вера «претворялась в дела»? Или же достаточно будет построить больницу, накормить голодных и отметить квакерской звездой все склады, ящики с сухим молоком и медикаменты? Как вести себя, когда надо убедить сотрудников и помощников, защитить свои идеи перед руководством на родине и перед местными властями, в то же время проводя работу по обеспечению финансовой и организационной помощи как от квакеров, так и от других партнёров для продолжения работы.

Некоторый свет на эти вопросы могут пролить две книги, изданные во время подготовки той, которую вы держите сейчас в руках. Одна из них называется «Адская проблема: Америка и век геноцида». Ее автор, лауреат Пулитцеровской премии Саманта Пауэр, описывает, как правительства — в частности, сменяющие друг друга правительства США — принимают решения и демонстрируют неспособность принятия решений; заявляют, что они «не знали» или «понимали в полной мере» то, о чём уже вовсю писалось в мировой прессе. Она показывает незначительность действий властей США, их неспособность реагировать своевременно, когда геноцид и кровопролитие творятся в мире. В своей работе она отмечает, что зачастую даже действующие из лучших побуждений правительства, будь они избраны путем демократического голосования или самозванные, прогрессивные или репрессивные, принимали политические и дипломатические решения, ради сомнительных целей. Слишком часто в истории сотни тысяч мирных мужчин,

женщин и детей гибли ради кратковременного союза, выгодной сделки в торговле оружием или места в Организации Объединенных Наций, или просто когда власти в нужный момент закрывали глаза и отводили взгляд.

Пауэр приводит несколько замечательных примеров героизма в круговороте ужаса, когда смелый поступок одного человека мог изменить ход событий. Так, генерал-майор канадской армии Ромео Даллэр командовал миротворческим контингентом ООН в Руанде в разгар насилия в 1994 г. Пауэр рассказывает о том, что под его руководством некоторые солдаты Миссии ООН по оказанию помощи Руанде (МООНПР):

прочесывали Кигали, спасая тутси, а затем заняли в городе оборонительные позиции, открыв вход в него тем тутси, которым посчастливилось преодолеть засады на дорогах. Сенегальскому капитану Мбаю Дэйнью единолично удалось спасти около сотни людей. Около 25 000 жителей Руанды со временем нашли убежище в пунктах, охраняемых солдатами МООНПР. Хуту обычно не устраивали кровавой резни в отношении тутси в присутствии иностранцев (вооруженных или невооруженных), поэтому для предотвращения их атак было достаточно всего нескольких солдат ООН. В отеле «Миль Коллин» несколько сотен гражданских лиц нашли убежище на время кризиса под охраной десяти миротворцев и четырех военных наблюдателей ООН².

Но вскоре после описываемых событий миротворческий контингент в Руанде был выведен из страны под давлением стран-членов ООН, и массовые убийства продолжились.

Книга Дэвида Риффа «Приют на ночь: кризис гуманизма» берет свое название из мудрого стихотворения Бертольда Брехта, рассказывающего об одиноком человеке из Нью-Йорка, который приглашает переночевать бездомных морозной зимней ночью. Брехт пишет:

Пусть мир не станет лучше,
Люди не сделаются братьями,
И не будут низвергены тираны.
Но несколько людей найдут приют на эту ночь
Их не отыщет холодный ветер,
А снег, предназначенный им,
Будет отчаянно сыпать на тротуар³.

Дэвид Рифф рассматривает проблему более узко, чем Саманта Пауэр. Анализируя работу гуманитарных миссий в Боснии, Руанде, Косово и Афганистане начиная с 1990-х гг., он обнаруживает, что их правозащитная деятельность и разрушающая зависимость от более крупных государственных, негосударственных и даже военных организаций негативно отразилась на эффективности их работы. Когда гуманитарные организации финансируются правительствами, выбор относительно того, кому и где оказывать помощь, будет иметь политические последствия. Рифф восторгается готовностью работников гуманитарных миссий лично отправиться в зону конфликта, чтобы спасать жизни людей, и критикует их наивность, с которой они полагают, что американские власти «действительно обладают потенциалом для создания мира, в котором демократия будет в безопасности»⁴. Основная проблема возникает, когда сотрудники гуманитарных миссий начинают мириться с тем, что вооруженные силы защищают не только гражданское население от опасности геноцида, но и их самих. Так было во Вьетнаме, — там дошло до того, что люди оправдывали бомбёжку деревни ради своего собственного спасения.

К сожалению, Рифф анализирует в основном деятельность крупнейших гуманитарных организаций (Международный Красный Крест, CARE, Врачи без границ) и только вскользь упоминает о КСАД. Он отмечает тот факт, что во время войны США с Вьетнамом, КСАД действовал отлично от других благотворительных организаций в Юго-Восточной Азии. В частности, поскольку КСАД не получал финансирования от Агентства США по международному развитию, его руководство могло публично критиковать внешнюю политику США.

Что же можно в итоге сказать о квакерах — работавших в России в годы революции и позже, о тех, кто жил согласно своим идеалам, осушал болота, доставлял продовольствие и медикаменты, открывал школы, общественные учреждения и больницы? Они спасали жизни? Смогли они что-то изменить? Могли бы они добиться большего или действовать иначе? Несомненно. Из их искренней материальной помощи и из

их философских, религиозных и политических усилий вырисовывается ясная идея, суть которой такова: *человек или небольшая группа людей может сделать мир лучше*. Для этого нужно лишь поступать во всем согласно голосу совести, быть приверженным принципам ненасилия и неукоснительно избегать участия в политических играх властей. В мире, раздираемом насилием и конфликтами важно знать, что есть люди, которые желают добровольно принять участие в гуманитарной акции, выразить свои глубокие внутренние убеждения, подать жаждущим «стакан воды» и размыслить о его предназначении.

Каждый делает, что ему по силам

Стив Кэри был своего рода добрым великанином гуманитарных программ. Он работал в КСАД на протяжении пятидесяти лет вплоть до своей смерти в 2002 г. По долгу службы ему приходилось бывать в различные пострадавшие от природных катализмов или военных действий регионы, где квакеры восстанавливали дома и больницы, залечивали раны и рассказывали о своей вере. По возвращении домой он писал трогательные воспоминания. Стив любил рассказывать одну притчу, в которой, по его мнению, заключался смысл общественного служения квакеров.

Один человек ехал на лошади по разбитой сельской дороге и вдруг увидел маленькую птичку, лежащую спинкой в грязи, задрав лапки вверх. Он настолько удивился, что слез с лошади, подошел к птичке и спросил: «Милая птичка, зачем ты лежишь вот так в грязи, лапками вверх?». Птичка ему отвечала: «Небо падает, а я пытаюсь его удержать». Человек расхохотался: «Это же несусветная глупость. Как же ты, маленькая птичка, сможешь удержать небо?» На что птичка сказала: «Каждый делает, что ему по силам. Каждый делает, что ему по силам».

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

AFSC FSR – Архивы КСАД, Филадельфия, США. Документы отдела международного служения по работе в России.

AFSC SEF – Архивы КСАД, Филадельфия, США. Документы исполнительных секретарей КСАД (Документы У. Томаса).

FHL-L – Историческая библиотека Друзей. Общество Друзей. Лондон, Великобритания.

FHL-SC – Историческая библиотека Друзей. Колледж Суортмор, Великобритания.

FSC – Комитет служения Друзей. Лондон, Великобритания.

FSC RU – Комитет служения Друзей. Лондон, Великобритания. Российское отделение.

RMJ-HC – Личный архив Р. Джонса. Колледж Хаверфорд. США.

SPC – Мирная коллекция Суортмора. Колледж Суортмор, Великобритания.

WARVICREL – Комитет помоши жертвам войны. Общество Друзей. Лондон, Великобритания.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ РАССКАЗА

¹ Jones R.M. A Service of Love in War Time: American Friends Relief in Europe, 1917 – 1919. New York, 1920. P. XI.

² Ibid. P. XI.

³ Frost W.J. Our Deeds Carry Our Message: The Early History of the American Friends Service Committee // Quaker History. Vol. 81, Spring, 1992. No.1, Friends Historical Association. P. 39.

⁴ Ibid. P. 39.

⁵ Scott R. Quakers in Russia. London: Michael Joseph, 1964. P. 151.

**2. «А ЧТО ЕСЛИ РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРУ НУЖЕН ПОМОЩНИК?»
КВАКЕРЫ В РОССИИ ДО I МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

¹ Scott R. Quakers in Russia. P. 34.

² Ibid. P.39.

³ Ibid. P. 42.

⁴ Ibid. P.54.

⁵ Ibid. P.57.

⁶ Ibid. P. 59.

⁷ Ibid. P. 60-71.

⁸ Ibid. P. 130.

⁹ Ibid. P.131.

¹⁰ Ibid. P. 131-132.

¹¹ Подробные сведения о голоде 1890-х гг. содержатся в следующих трудах: Queen G.S. America Relief in the Russian Famine of 1891–92 // Russian Review. April. 1955. P. 140-150 и Robbins R.S. Famine in Russia: 1891–92 // The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, 1975.

¹² Figes O. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York: Viking, 1997. P. 178.

**3. «МЫ ПОМОГАЕМ ДЕТАМ И МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМО
ОТ ТОГО, КАКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОНИ ПРИЗНАЮТ»
ТЕОДОР РИГГ И ЭСТЕР УАЙТ, АРТУР УОТС И АННА ХЭЙНС.
ПОМОЩЬ БЕЖЕНЦАМ И ДЕТАМ; 1916-1921**

¹ Подробную информацию можно найти в трудах: Greenwood J.O. Friends and Relief. New York, 1975. P. 116-125 и Asquith M. Famine: Studies in Relief. Oxford, 1943.

² А. Хэйнс к Г. Кэдбери, 14 октября 1917 г. / Назначение Хэйнс в Россию в качестве представителя США и ее письма оттуда домой в Филадельфию остаются одним из основных источников, содержащих информацию о развитии взаимоотношений между британскими и американскими квакерами и большевиками. С перепиской можно ознакомиться в архиве КСАД (AFSC Russian Relief Files, 1917–1923).

³ Tatlock R. First Year of American Friends War Relief Service: June 1, 1917 to May 31, 1918. Архив публикаций КСАД.

⁴ T. Ригг к Р. Фрай, 18 декабря 1917 г. AFSC FSR, 1917.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵ А. Хэйнс к Г. Кэдбери, 31 декабря 1917 г. AFSC FSR, 1917.

⁶ Надпись на обратной стороне конверта, 17 ноября 1917 г., личный архив Руфуса Джонса, Колледж Хаверфорд (НС). Коробка 53.

⁷ Дж. Рикман к матери, 22 марта 1918 г. Архив Biddle MSS, series 5. Коробка 8, FHL-SC.

⁸ Свидетельство о браке Л. Льюис и Ричарда Дж. Рикмана. 20 марта 1918 г. Архив Biddle MSS, series J, FHL-SC. Популярное изложение истории читайте в статье Lidia Lewis Rickman. Commonplaces in Buzuluk // Atlantic Monthly. March, 1918.

⁹ В. Николсон к А. Хэйнс, 13 июня 1918 г. AFSC FSR, 1918.

¹⁰ Неопубликованные воспоминания Т. Ригга и Э.М. Уайт «Московская миссия: опыт двух работников благотворительной миссии во время Первой мировой войны», AFSC FSR, 1919. Копия охранного документа, выданного Т. Риггу наркому иностранных дел Г. Чичеринным, 18 июня 1918 г. AFSC FSR 1918.

¹¹ Дж. Пирсон к Рут Фрай, 21 сентября 1918 г. AFSC FSR, 1918.

¹² McFadden D. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. New York, Oxford University Press, 1993. P. 153-159; Kennan G.F. The Decision to Intervene. New York: W.W.Norton, 1984. P. 457-469.

¹³ А. Хэйнс долго ждала распоряжений из Филадельфии, прежде чем известила В. Николсона в декабре 1918 г. о том, что оставшиеся члены миссии в Бузулуке примкнули к Американскому отделению Красного Креста в Омске. А. Хэйнс к В. Николсону, 30 декабря 1918 г. AFSC FSR, 1918.

¹⁴ Т. Ригг к Рут Фрай, 9 июня 1918 г. AFSC FSR, 1918.

¹⁵ Т. Ригг к Р. Фрай, 21 августа 1918 г. AFSC FSR, 1918. См. также «Московская миссия». AFSC FSR, 1918.

¹⁶ Т. Ригг к Р. Фрай, 24 сентября 1918 г. AFSC FSR, 1918. См. также «Московская миссия». AFSC FSR, 1918.

¹⁷ Т. Ригг к Р. Фрай, 22 ноября 1918 г. AFSC FSR, 1918. См. также «Московская миссия». AFSC FSR 1918.

¹⁸ Э. Уайт к В. Скэттергуду, 1 октября 1918 г. AFSC, FSR, 1918. См. также «Московская миссия». AFSC FSR, 1918.

¹⁹ Т. Ригг к Р. Фрай, 21 августа 1918 г. AFSC FSR, 1918.

²⁰ Э. Уайт к Д. Пирсон, 2 октября 1918 г. AFSC FSR, 1918.

²¹ Т. Ригг к Р. Фрай, 22 ноября 1918 г. AFSC FSR, 1918.

²² У. Филлипс в КСАД, 21 декабря 1918 г. AFSC FSR, 1918.

²³ «Московская миссия». С. 30.

²⁴ Г. Кэдбери, черновой вариант отчета Комитета по делам России КСАД, 21 ноября 1918 г. AFSC FSR, 1918.

²⁵ Р. Фрай к А. Хэйнс, 27 марта 1919 г. AFSC FSR, 1919.

- ²⁶ Л.Б. Льюис к Л. Рикман, 26 апреля 1919 г. Biddle-Timber Papers, Историческая библиотека Общества Друзей, Колледж Суорнмор (далее – FHL-SC).
- ²⁷ См. письма У. Томаса к А. Хэйнс, 24 апреля 1919 г. AFSC FSR, 1919; Р. Фрай к А. Хэйнс, 27 марта 1919 г. AFSC FSR, 1919; С. Нуортевы к У. Брайанту, архив Гарвардского университета, John Reed Papers.
- ²⁸ Отличная аналитическая работа по вопросу экономической блокады: Gaworek N.H. From Blockade to Trade: Allied Economic Warfare Against Soviet Russia, June 1919 to January 1920 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1975. № 23. P. 36-39.
- ²⁹ Б. Колби в КСАД, 20 июля 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁰ Письмо из Госдепартамента В. Николсону, исполнительному секретарю КСАД, 17 августа 1920 г. AFSC FSR, 1920. Для дальнейшей информации о Б. Колби и его политике см. Radosh R. John Spargo and Wilson's Russian Policy, 1920 // Journal of American History LII. December, 1965. P. 548-560; Smith D.M. Aftermath of War: Bainbridge Colby and Wilsonian Diplomacy, 1920–1921. Philadelphia, 1970; Killen L. Dusting Off and Old Document: Colby's 1920 Russian Policy Revisited // Newsletter of Society for Historians of American Foreign Relations 22, No. 2. June 1991. P. 32-41; McFadden D. «Alternative Paths...» P. 330-335.
- ³¹ Г. Уэлч в КСАД, 20 июля 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³² А. Уоттс в британский Комитет помощи жертвам войны Общества Друзей, 21 июля 1920 г.
- ³³ Отчет Г. Уэлча о путешествии в Россию, 22 июня – 28 августа 1920 г. AFSC FSR, 1920. С. 4-5.
- ³⁴ А. Уоттс в Британский комитет помощи жертвам войны Общества Друзей, 21 июля 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁵ Л.Б. Льюис к Т. Уилбуру, 20 сентября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁶ Т. Уилбур к Р. Фрай, 19 октября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁷ А. Уоттс к С. Нуортеве, 18 октября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁸ А. Уоттс в Британский комитет помощи жертвам войны Общества Друзей, 21 октября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³⁹ А. Хэйнс к У. Томасу, 10 ноября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ⁴⁰ У. Олбрайт к Ф. Либби. Отчет о конференции в Ревеле, 24 ноября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ⁴¹ А. Хэйнс к У. Томасу, 23 декабря 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ⁴² А. Хэйнс к У. Томасу, 30 декабря 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ⁴³ С. Нуортева к А. Уоттсу, январь 1921 г. AFSC FSR, 1920.

ПРИМЕЧАНИЯ

4. ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА О ГОЛОДЕ. ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ-КВАКЕРА В РОССИИ, РАССКАЗАННАЯ АННОЙ ХЭЙНС

¹ Приведенный здесь текст является отрывком из недатированного очерка под названием «История женщины-квакера в России. Обращение Анны Хэйнс, больше года руководившей распределением благотворительной помощи квакеров в России». Очерк был напечатан Фондом помощи голодающим в России в 1922 г. AFSC FSR, 1922.

5. «ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ, КАК КВАКЕРЫ?»
КВАКЕРЫ ГЕРБЕРТ ГУВЕР И РУФУС ДЖОНС; КСАД И АРА
В 1921-1922 гг.

- ¹ О Руфусе Джонсе и «ренессансе» британского квакерства см. Kennedy T.C. British Quakerism, 1860–1920: The Transformation of a Religious Community. Oxford, 2001. P. 157-210.
- ² Существует две биографии Руфуса Джонса. Лучшая из них, несмотря на 40 лет, прошедшие с момента публикации, основана на изучении архивов самого Джонса в Хаверфорде: Vining E.G. Friend of Life: Biography of Rufus M. Jones. London, 1958. Другая биография – Hinshaw C. Rufus Jones: Master Quaker. 1951 – была издана слишком скоро после смерти Джонса, и у автора не было времени изучить архивы Джонса либо его современников.
- ³ Р. Джонс к Ч. Тэйлору. 21 февраля 1911 г. Архив Руфуса Джонса, колледж Хаверфорд (далее RMJ-HC), Box 53. Также см. Jones R.M. The Trail of Life in Middle Years. P.36; Jones M.H. Rufus. M. Jones, P. 35; Jones R.M. The Challenge of the Closed Door. Commencement address, Sidwell Friends School, 1926. RMJ-HC. Коробка 74.
- ⁴ Р. Джонс к Г. Кейтсу. 26 ноября 1924 г. RMJ-HC. Дневник Р. Джонса. 30 сентября 1923 г. RMJ-HC. Коробка 63.
- ⁵ Дневник Р. Джонса. 19 августа 1925 г. RMJ-HC. Коробка 63.
- ⁶ Р. Джонс к Ч. Дженкину. 14 июня 1927 г. RMJ-HC.
- ⁷ Колонка редактора. Present Day Papers. Vol. I, No. 9. September, 1914.
- ⁸ Jones M.H. Rufus. M. Jones. P. 48-51 и Jones R. A Service of Love in War Time. New York, 1920.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ См. сообщения Р. Джонса по поводу британо-американских отношений (начиная с 1919 г.), RMJ-HC. Роль Р. Джонса в британо-американских переговорах наглядно продемонстрирована в его объемистой переписке с британскими лидерами и британскими

- квакерами. О взаимоотношениях Р. Джонса и Р. Фрай: Р. Фрай к Р. Джонсу. 7 мая 1919 г.; Р. Фрай к Р. Джонсу. 1 мая 1920 г.; Р. Фрай к Р. Джонсу. 9 апреля 1920 г.; Р. Фрай к Р. Джонсу. 19 марта 1924 г. RMJ-HC.
- ¹¹ Jones R.M. A Way of Life and Service. Oberlin College, 1939. P. 25-26.
- ¹² Архив семьи Кэдбери. Коллекция квакеров. Колледж Хаверфорд.
- ¹³ У. Томас к Р. Джонсу. 5 августа 1921 г. RMJ-HC.
- ¹⁴ Тезисы выступления У. Томаса «Food and Friendship for Russian People». 12 декабря 1922 г. Архив У. Томаса. FHL-SC.
- ¹⁵ Г. Морри к У. Томасу. 27 марта 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ¹⁶ Тезисы выступления У. Томаса «Food and Friendship for Russian People». 12 декабря 1922 г. Архив У. Томаса. FHL-SC. Все выступления Томаса находятся в архиве AFSCSEF. Еще одно свидетельство того, что Томас был крайне заинтересован работой в России — это специальный журнал для особо важной корреспонденции, который он вел в течение 10 лет, будучи исполнительным секретарем КСАД. Львиная доля корреспонденции, занесенной в этот журнал, посвящена вопросу оказания помощи в России.
- ¹⁷ У. Томас к У. Уайлдману. 1 декабря 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ¹⁸ Nash G. The Life of Herbert Hoover. Vol. I. New York, 1983. P. 573.
- ¹⁹ Burner D. Herbert Hoover: A Public Life. New York, 1979.
- ²⁰ Г. Скэттергуд к Р. Джонсу. 23 июля 1919 г. RMJ-HC, box 18.
- ²¹ У. Томас к Р. Джонсу. 19 июня 1920 г. RMJ-HC.
- ²² У. Томас к Р. Джонсу. 29 января 1921 г. RMJ-HC; П. Гэлпин (Американская администрация помощи) к Р. Джонсу. 20 октября 1921 г. RMJ-HC.
- ²³ Pantenaude B. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002.
- ²⁴ Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia, 1919-1923: The Opérations of the American Relief Administration. New York, 1927. Hoover H. An American Epic: Famine in the Forty-Five Nations: The Battle on the Front Line. 1914-1923. 3 vols. Chicago, 1961. Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921-1923. Stanford, 1974.
- ²⁵ См. обращение Нансена о помощи голодающим от 3 апреля 1919 г., ответ Союзников от 17 апреля 1919 г. и ответ Советской России от 7 мая 1919 г. в книге Goldberg H.J. Documents on Soviet-American Relations. Vol.1: Intervention, Famine Relief, International Affairs, 1917-1933. Gulf Breeze, FL, 1993. P. 190-194.
- ²⁶ А. Хэйнс к А. Уоттсу. 27 января 1921 г. ASFC-SEF, 1921.
- ²⁷ Г. Чичерин к А. Уоттсу. 14 апреля 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ²⁸ См. переписку А. Хэйнс и У. Томаса, А. Хэйнс и А. Уоттса, С. Нуортевы и А. Уоттса, Г. Чичерина и А. Уоттса за период с декабря 1920 г. по май 1921 г. AFSC FSR, 1920, 1921.
- ²⁹ А. Уоттс к У. Томасу. 12 августа 1921 г. AFSC SEF, 1921.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ³⁰ У. Томас к А. Хэйнс. 6 августа 1921 г. Этот комитет также был известен, как «Всемериканский фонд помощи голодающим в России». См. также переписку А. Хэйнс и У. Томаса за май-август 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ³¹ А. Уоттс к У. Томасу. 5 января 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ³² А. Уоттс к У. Томасу. 20 января 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ³³ Г. Гувер к У. Томасу. 26 января 1921 г. RMJ-HC.
- ³⁴ У. Томас к Дж. Нортону, вложение в письмо к Р. Джонсу. 22 июля 1921 г. RMJ-HC.
- ³⁵ Weissman B. Herbert Hoover's «Treaty» with Soviet Russia, August 20, 1921 // Slavic Review. 1969. Vol. 28 (№2). P. 276-288.
- ³⁶ У. Томас к Р. Джонсу. 18 августа 1921 г. RMJ-HC.
- ³⁷ Pantenaude B. The Big Show in Bololand. P. 39-46.
- ³⁸ У. Томас к Р. Джонсу. 18 августа 1921 г. RMJ-HC.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ У. Томас к А. Хэйнс и А. Уоттсу. 18 августа 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁴¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. Москва, 1960 г. С. 281-286.
- ⁴² Протокол совещания Исполнительного совета и Комитета по делам России, 23 августа, 1921 г. Административный архив КСАД, 1921.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Американский еврейский объединенный распределительный комитет («Джойнт») был создан для консолидации благотворительной помощи от нескольких еврейских организаций. Ортодоксальное общество (в основном, выходцы из Восточной Европы) организовало Центральный комитет помощи евреям, пострадавшим в войне, в то время, как реформаторы (выходцы из Германии) основали Комитет помощи американских евреев, а евреи-социалисты основали Народный благотворительный комитет. «Джойнт» продолжал оказывать помощь и во время Второй мировой войны и был преобладающей светской организацией. См. Yehuda Bauer. My Brother's Keeper: A History of the American Jewish Joint Distribution Committee 1929-1939. Philadelphia, 1974 и другие работы того же автора.
- ⁴⁶ Конфиденциальный протокол совещания по вопросу переговоров с Европейским советом по оказанию благотворительной помощи составленный Дж. Нортоном для КСАД. 24 августа 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁴⁷ Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia. P. 459.
- ⁴⁸ Р. Джонс и У. Томас в Комитет помощи жертвам войны. 24 августа 1921 г. AFSC FSR, 1921. Черновой вариант отчета Р. Джонса, приложенный к отчету Дж. Нортону в его письме к Р. Джонсу. 24 августа,

- 1921 г. RMJ-HC. См. также «Программа, принятая всеми организациями, входящими в Европейский совет по оказанию благотворительной помощи», 24 августа 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁴⁹ У. Уайлдман в AFSERCO. 25 августа 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁵⁰ WARVICREL в AFSERCO. 27 августа 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁵¹ У. Томас к Р. Фрай. 16 сентября 1921 г. AFSC SEF.
- ⁵² У. Томас к А. Уоттсу и А. Хэйнс. 17 сентября 1921 г. Архив AFSC Gen files, 1921.
- ⁵³ А. Хэйнс к У. Томасу. 20 сентября 1921 г. AFSC SEF, 1921. А. Хэйнс в AFSERCO. 15 сентября 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁵⁴ А. Уоттс в КСАД. 24 сентября 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁵⁵ А. Уоттс в КСАД. 30 сентября 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁵⁶ А. Уоттс к У. Томасу. 28 октября 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁵⁷ А. Уоттс в КСАД. 28 октября 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁵⁸ Н. Бабб к У. Томасу. 10 ноября 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁵⁹ Р. Фрай к У. Томасу. 1 декабря 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁶⁰ Соглашение между религиозным Обществом Друзей Англии и Америки (квакерами) и Наркомпродом РСФСР, 16 октября 1921 г. AFSC FSR, 1921. А. Эйдук (полномочный представитель РСФСР при иностранных благотворительных миссиях) к А. Уоттсу, 21 декабря 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁶¹ Конфиденциальный протокол совещания по вопросу переговоров с Европейским советом по оказанию благотворительной помощи, составленный Дж. Нортоном для КСАД. 24 августа 1921 г. AFSC SEF, 1921.
- ⁶² Телеграмма У. Томаса к Р. Джонсу. 25 августа 1921 г. RMJ-HC.
- ⁶³ У. Томас к Дж. Нортону (вниманию Р. Джонса). 25 августа 1921 г. RMJ-HC.
- ⁶⁴ Р. Джонс к Дж. Нортону. 25 августа 1921 г. Административный архив КСАД, 1921.
- ⁶⁵ Л. Гарнетт к Дж. Нортону. 5 сентября 1921 г. Приложение к письму Дж. Нортона Р. Джонсу. 7 сентября 1921 г. RMJ-HC.
- ⁶⁶ Г. Гувер к Р. Джонсу. 10 сентября 1921 г. Архив Исполнительного комитета КСАД.
- ⁶⁷ Г. Гувер к Р. Джонсу. 10 сентября 1921 г. RMJ-HC.
- ⁶⁸ Р. Джонс к Г. Гуверу. 16 сентября 1921 г. RMJ-HC.
- ⁶⁹ Г. Гувер к Р. Джонсу. 21 сентября 1921 г. AFSC SEF.
- ⁷⁰ Г. Гувер к Р. Джонсу. 1 ноября 1921 г. RMJ-HC.
- ⁷¹ Р. Джонс к Г. Гуверу. 2 января 1921 г. RMJ-HC.
- ⁷² У. Томас в Исполнительный совет КСАД. 3 января 1922 г. AFSC SEF.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁷³ Р. Джонс к Г. Гуверу. 4 января 1922 г. RMJ-HC. Г. Гувер к Р. Джонсу. 6 января 1922 г. RMJ-HC.
- ⁷⁴ Протокол совещания Исполнительного комитета и Комитета по делам России КСАД. 9 января 1922 г. Архив протоколов КСАД.
- ⁷⁵ У. Томас к Г. Гуверу. 9 января 1922 г. AFSC SEF.
- ⁷⁶ Г. Гувер к Р. Джонсу. 13 февраля 1922 г. RMJ-HC.
- ⁷⁷ Р. Джонс к Г. Гуверу. 14 февраля 1922 г. RMJ-HC.
- ⁷⁸ Р. Джонс к Г. Гуверу. Черновик письма. 24 февраля 1922 г. RMJ-HC.
- ⁷⁹ У. Томас к Р. Джонсу. 16 февраля 1922 г. RMJ-HC. Коробка 21.
- ⁸⁰ Ч. Эванс к У. Томасу. 7 января 1922 г. Архив У. Томаса. AFSC-SEF.
- ⁸¹ У. Бидл к Р. Джонсу. 10 февраля 1922 г. RMJ-HC.
- ⁸² «Гувер саботирует благотворительную помощь России» //«Нью-Йорк Колл», 26 февраля 1922 г. Архив У. Томаса. FHL-SC.
- ⁸³ Ч. Роудс к Г. Гуверу. 13 марта 1922 г. Архив У. Томаса. FHL-SC.
- ⁸⁴ Ч. Роудс в «Нью-Йорк Колл». 13 марта 1922 г. Архив У. Томаса. FHL-SC.
- ⁸⁵ Соглашение между РСФСР и Обществом Друзей Англии и Америки от 25 октября 1922 г. См. также Asquith M. Famine: Relief Work in Russia, 1921–1923. Oxford, 1942. P. 29–32.

Б. «КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ЕСТЬ, ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ»
НЭНСИ БАББ И ЕЕ РАБОТА В СЕЛЕ ТОЦКОМ В 1921–1927 ГГ.

- ¹ Дневник Н. Бабб. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ² Личный архив Н. Бабб. Архивы сотрудников КСАД.
- ³ Н. Бабб к У. Томасу. 14 февраля 1925 г. Архивы сотрудников КСАД.
- ⁴ Thomas E. Quaker Adventures. New York, 1928. P.104–108.
- ⁵ Ibid. P.110.
- ⁶ Отчет о работе в Тоцком за сентябрь 1922 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ⁷ См. переписку М. Карклина. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 79. Оп. 1. Д. 22; Отчет Бузулукского уезда за январь 1923 г. ГА РФ. Ф.1058. Оп. 1. Д. 548. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Папка 2.
- ⁸ Н. Бабб к У. Уайлдману. 5 февраля 1923 г. Архивы сотрудников КСАД. 1921–1927.
- ⁹ Отчет руководителя района Тоцкое. 1922. AFSC FSR, 1922.
- ¹⁰ Отчет по району Гамалеевка. Июнь, 1923. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1.

- ¹¹ Отчет по району Тоцкое. Сентябрь, 1922. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1.
- ¹² Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1923. AFSC FSR, 1923.
- ¹³ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1924. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ¹⁴ Отчет Г. Тимберса о конференции сотрудников миссии квакеров. 21 августа, 1922 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Box 23. См. также отчет Д. Норд за январь 1923 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ¹⁵ Дж. Смит, февраль 1923 г. личный архив Дж. Смит, Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ¹⁶ Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за ноябрь 1922 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ¹⁷ Отчет по району Тоцкое за январь 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ¹⁸ Личный архив Дж. Смит, Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ¹⁹ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Январь, 1923. AFSC FSR, 1923.
- ²⁰ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1922. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²¹ Протокол совещания сотрудников миссии квакеров в Сорочинском. 26 декабря 1922 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²² Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Декабрь, 1922. AFSC FSR, 1922.
- ²³ Протокол совещания руководителей районов в Сорочинском. 31 января 1923 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²⁴ Д. Норд к Н. Бабб. 25 января 1925 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²⁵ Протокол заседания миссионерского комитета КСАД. 20 января 1925 г. Архив протоколов КСАД.
- ²⁶ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Сентябрь, 1922. AFSC FSR, 1922. См. также отчет Д. Норд по району Грачевка за январь 1923 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²⁷ Отчет Г. Тимберса по району Сорочинское. 21 августа 1922 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²⁸ Переписка М. Карклина. ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 22.
- ²⁹ Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за август 1922 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ³⁰ Отчеты Н. Бабб по району Тоцкое за октябрь 1922 г., октябрь 1924 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2; Записи Н. Бабб за 1925 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2; Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за ноябрь 1922 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ³¹ Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за январь 1923 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ³² Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1925. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ³³ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1926. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ³⁴ Н. Бабб. Отчет руководителя по району Тоцкое. Октябрь, 1923. AFSC FSR, 1923.
- ³⁵ К. Бордерс к У. Томасу. 6 ноября 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ³⁶ Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за август 1922 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ³⁷ М. Кенуорти к У. Томасу. 14 марта 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ³⁸ Отчет о конференции американского отделения Международного комитета служения Друзей. Сорочинское, 13 ноября 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ³⁹ Н. Бабб к А. Хэйнс. Сентябрь 1922 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ⁴⁰ Конференция сотрудников миссии квакеров. Ноябрь 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ⁴¹ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1923. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ⁴² У. Уайлдман к Р. Джонсу. 24 января 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴³ Соглашение между квакерами и городом Оренбургом. 26 февраля 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴⁴ А. Шмальц к У. Томасу. 18 июля 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴⁵ Предложение квакеров Наркомату земледелия. 31 мая 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴⁶ Ответ Наркомата земледелия Обществу Друзей Англии и Америки. 7 июня 1923 г. AFSC FSR, 1923. См. также У. Уайлдман к Р. Фрай, 12 июня 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴⁷ А. Шмальц к У. Томасу. 18 июля 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Отчет Н. Бабб по району Тоцкое. Октябрь, 1922. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ⁵⁰ Неопубликованная рукопись П. Пола. Архив П. Пола. FHL-SC.
- ⁵¹ Э. Вэйл. Отчет по району Гамалеевка за август 1922 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1. См. также отчет руководителя по району Тоцкое за январь 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ⁵² Отчет о благотворительной помощи, оказанной в селе Тоцком в период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.

- ⁵³ Годовой отчет о деятельности комнаты матери и ребенка. 1924 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ⁵⁴ Отчет о благотворительной помощи, оказанной в селе Тоцком в период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1. См. также главу 7.
- ⁵⁵ Отчет о состоянии медицины в г. Бузулуке. Январь, 1923 г. ГА РФ. Ф. 1058. Оп.1. Д. 548.
- ⁵⁶ Протокол совместного совещания. 7 января 1925 г. Архив протоколов КСАД.
- ⁵⁷ Отчет Н. Бабб. 7 января 1925 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1.
- ⁵⁸ Боянус В.К. Лекции, прочитанные для молодых матерей в селе Тоцкое. 1925-1926 г. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Box 2.
- ⁵⁹ Д. Уайт к У. Томасу. 9 декабря 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁶⁰ Н. Бабб к У. Томасу. 12 июля 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁶¹ Дневник Р.Фрай. 3 января 1925 г. Архив Р. Фрай. FHL-SC.
- ⁶² Н. Бабб к У. Томасу. 15 января 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁶³ Н. Бабб к У. Томасу. 28 марта 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁶⁴ Н. Бабб к У. Томасу. 22 октября 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁶⁵ Записи Н. Бабб. Как я стоила больницу. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.
- ⁶⁶ Благодарственное письмо Н. Бабб от медицинского персонала с. Тоцкое. 30 апреля 1927 г. Архивы сотрудников КСАД, 1921–1927.
- ⁶⁷ Nikitin S. Quakers and the Great Russian Famine // Quaker Life. January–February, 1998. P. 5-7; Mc Fadden D., Nikitin S. We Remember: Russian Famine Survivors Tell of Quaker Aid // Friends Journal. December, 2000. P.16.

7. «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ»

АННА ХЭЙНС И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИТИКА В 1919–1927 гг.

- ¹ Более подробная информация о работе Анны Хэйнс содержится в работах: Thomas E. Quaker Adventures. New York, 1928; Scott R. Quakers in Russia. London, 1964.
- ² А. Хэйнс к У. Томасу. 25 ноября 1920 г. AFSC FSR, 1920.
- ³ А. Хэйнс. Дни нашей жизни. AFSC FSR, 1920.
- ⁴ А. Уоттс и А. Хэйнс к У. Томасу. 27 января 1921 г. AFSC SEF. Ibid.
- ⁵ Г. Чичерин к А.Уоттсу. 14 апреля 1921 г. AFSC FSR, 1921.
- ⁶ А. Уоттс и А. Хэйнс к У. Томасу. 21 марта 1921 г. AFSC FSR, 1921.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁸ У. Томас к А. Хэйнс. 30 июня 1921 г. ASFC FSR, 1921.
- ⁹ У. Томас к А. Хэйнс. 25 мая 1921 г. ASFC FSR, 1921.
- ¹⁰ Haines A. The story of a Quaker Woman in Russia. New York, 1922.
- ¹¹ А. Уоттс. Современная ситуация в Советской России. 23 ноября 1919 г. WARVICREL. 2 июля 1921 г. С.143.
- ¹² Gantts H. A Medical Review of Soviet Russia. London, 1924.
- ¹³ Подробная информация о работе Н. Бабб содержится в главе 6 и личных архивах Н. Бабб, архивы сотрудников КСАД, 1917–1927.
- ¹⁴ Trott M. Soviet Medicine and Western Charity 1917–1927. PhD dissertation, University of Virginia, 1994. P. 25-26; Krug P. Russian Public Physicians and Revolution: the Pirogov Society, 1917–1920. PhD dissertation, University of Wisconsin, 1979; Hutchison J.F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1980-1918. Baltimore, 1990; Solomon S.C., Hutchison J.F. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington, 1990. В последней работе рекомендуется обратить особое внимание на статьи Huntchison J. E. Who Killed Cock Robin? An inquiry into the death of Zemstvo Medicine. P. 30-27 и Weissman N.B. Origins of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928. P. 97-120.
- ¹⁵ Krug P. Russian Public Physicians and revolution: the Pirogov society. P. ii.
- ¹⁶ Ibid. P. 71.
- ¹⁷ Krug P. Russian Public Physicians and Revolution: the Pirogov Society. P.177; Trott M. Soviet Medicine and Western Charity 1917–1927. P.175-179; о взаимодействии квакеров с пироговцами и Наркомздравом см. Huntchison J. E. Who Killed Cock Robin? An inquiry into the Death of Zemstvo Medicine. P.185-188.
- ¹⁸ Weissman N.B. Origins of Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928. P. 97.
- ¹⁹ Свидетельства особых взаимоотношений Семашко и квакеров приводятся, например, в работе Norah Meade of the ARA, архив ARA Russia Unit Papers, Университет Стэнфорд, Институт Гувера; Wilson F. In the Margins of Chaos: Recollections of Relief Work. New York, 1945. P.155; Мемуары У. Хаскелла. Архив У. Хаскелла. Университет Стэнфорд. Институт Гувера.
- ²⁰ Предложение квакеров о сотрудничестве М. Карклину, уполномоченному при иностранных организациях помочи в Самаре. 16 июля 1923 г. AFSC FSR, 1923. К. Ландер к Дж. Брэнсон, 19 июня, 1923 г. AFSC FSR, 1923; К. Ландер к Дж. Брэнсон, 27 июня, 1923 г. AFSC FSR, 1923; Декрет ВЦИК РСФСР от 7 сентября 1923 г. ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 548. Также см. О. Каменева в миссию квакеров. 12 сентября 1923 г. AFSC FSR, 1923. Информация о соглашениях 1924–1926 г. со

- держится в письме Общества Друзей в Комитет по взаимодействию с иностранными благотворительными организациями. 16 июля 1924 г., сами тексты соглашений в архивах AFSC FSR, 1924, 1925, 1926.
- ²¹ Как писал Ленин в письме к Семашко: «Милая моя Семашко!... Квакеров оставим за Вами, только за Вами» (В. Ленин к Н. Семашко, 12 августа 1921 г. Ленинский сборник XXXVI. М., 1959. С. 287). О финансировании квакерами проектов Наркомздрава и их совместной работе с Семашко см. Trott M.A. Soviet Medicine and Western Charity: 1917–1927. Р. 147.
- ²² Э. Николсон к У. Томасу. 26 июня 1924 г. AFSC FSR, 1924.
- ²³ Отчет о помощи голодающим в Бузулуке, 1923–1924 гг.; Отчет о помощи голодающим в Тоцком, 1923–1924 гг. AFSC FSR, 1924. Архив Н. Бабб, Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1. Дневник Рут Фрай, запись от 3 января 1925 г. Архив Р. Фрай. SPC.
- ²⁴ Архив Г. Морриса. Коробка 16. Библиотека колледжа Эрхолл.
- ²⁵ У. Уайлдман к У. Томасу. 4 апреля 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ²⁶ У. Уайлдман к президенту Комиссии по оказанию международной благотворительной помощи. 12 сентября 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ²⁷ М. Маккензи к Р. Фрай. 9 июня 1923 г. Архив Р. Фрай. SPC; Общий архив КСАД, 1923; ГА РФ. Ф. 482. Оп. 16. Д. 7(1). Отчет по Тоцкому 1923–1924 гг. Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорда, Институт Гувера. Коробка 2.
- ²⁸ Отчет об оказании благотворительной помощи в Тоцком. 23 октября 1924 г., приложение к протоколу заседания Комитета по оказанию помощи России КСАД. 7 января 1925 г.; также см. о деятельности квакеров, направленной на борьбу с малярией ГА РФ. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 80.
- ²⁹ Wilson F. In the Margins of Chaos. Р. 150.
- ³⁰ Дневник Эдвина Вэйла. Запись от 28 мая 1923 г. Архив Эдвина Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ³¹ См. отчет Э. Вэйла по Гамалеевке за август 1923 г. Архив Эдвина Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера; отчет регионального руководителя с. Тоцкое за 1923 г. AFSC FSR, 1923; отчет Дороти Норд по с. Грачевка за 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ³² У. Уайлдман к У. Томасу. 15 сентября 1923 г.; см. также Э. Графф к доктору Лавджой, с копией У. Томасу. AFSC FSR, 1924. См. новое коллективное соглашение между ОДК и Российским союзом рабочих. Февраль, 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ³³ Э. Николсон к У. Томасу. 22 января 1924 г. AFSC FSR, 1924.
- ³⁴ В генеральном комитете Американской ассоциации медицинской помощи России служили, в частности, Пакстон Хиббен, спикер Пол Джонс, А. Дж. Мусти, Джон Деуэй, Джером Дэвис, Сидней

ПРИМЕЧАНИЯ

- Хиллман, Освальд Харрисон Вилард, Альберт Рис Уильямс и Джон Хэйнс Холмс. Основным жертвователем был Арманд Хэммер. См. благодарственное письмо Американской ассоциации медицинской помощи России, архив КСАД.
- ³⁵ Переписка с Американской ассоциацией женщин по оказанию помощи больницам. AFSC FSR, 1922–1923.
- ³⁶ М.С. Филипп к Э. Лавджой. Переписка с Американской ассоциацией женщин по оказанию помощи больницам. AFSC FSR, 1922–1923.
- ³⁷ Цит. по: в Weissman N.B. Origins of Soviet Health Administration. Р. 113. Также см. Trott M. «Squabbles in the Walled City: Soviet Officialdom and Western Medical Charity, 1920–1925. Неизданная рукопись, представленная на конференции AAASS 19 ноября 1999 г. Р. 13–15.; Сведения о попытках Наркомздрава продолжить оказание медицинских услуг, несмотря на сокращение финансирования, нерасположении местных советов и нежелании медиков переезжать в сельскую местность см. Weissman N.B. Origins of Soviet Health Administration. Р. 110–113.
- ³⁸ См., например, У. Томас к А. Дэвис. 3 мая 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ³⁹ Дж. Брэнсон (Москва) к У. Томасу. 21 января 1924 г. AFSC FSR, 1924.
- ⁴⁰ См. главу 6.
- ⁴¹ Протокол совещания по вопросам международного служения КСАД. 30 июня 1925 г.; протокол заседания КСАД 23 июня 1925 г. Архив протоколов КСАД.
- ⁴² А. Хэйнс к Е.К. Боллс. 16 марта 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁴³ А. Хэйнс к У. Томасу. 27 июня 1925 г. AFSC FSR, 1925; А. Хэйнс к У. Томасу. 6 июня 1925 г. AFSC FSR, 1925; А. Хэйнс к У. Томасу. 20 июня 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁴⁴ У. Томас к А. Хэйнс. 3 июня 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁴⁵ А. Хэйнс к У. Томасу. 8 августа 1925 г. AFSC FSR, 1925; А. Хэйнс к У. Томасу. 26 августа 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Другие очерки А. Хэйнс: A Russian Inventory // American Friend. February 18, 1927; American Friend. November 25, 1927 и Progress in Health Work in Russia // American Friend. December 1, 1927.
- ⁴⁸ Д. Уайт к У. Томасу. 9 декабря 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁴⁹ А. Хэйнс к У. Томасу. 18 декабря 1925 г. AFSC FSR, 1925.
- ⁵⁰ А. Хэйнс к У. Томасу. 11 февраля 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁵¹ У. Томас к А. Хэйнс. 19 марта 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁵² Предложение Общества Друзей наркому здравоохранения Н.А. Семашко. 12 мая 1926 г. AFSC FSR, 1926; А. Хэйнс к У. Томасу. 12 мая 1926 г. AFSC FSR, 1926.

- ⁵³ А. Хэйнс к У. Томасу. 26 июня 1926 г., 6 июля 1926 г. и 19 июля 1926 г.; соглашение Наркомата здравоохранения с ОДК об открытии школы сестринского дела. AFSC FSR, 1926.
- ⁵⁴ У. Бидл к У. Томасу. 17 июня 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁵⁵ К. Хит к У. Томасу. 26 августа 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁵⁶ А. Хэйнс к У. Томасу. 30 июля 1926 г. AFSC FSR, 1926.
- ⁵⁷ Сведения о решении советской власти о прекращении благотворительной работы иностранных миссий см. Trott M. Soviet Medicine and Western Charity и Weissman N.B. Origins of Soviet Health Administration. О разногласиях в КСАД относительно продолжения сбора пожертвований см. У. Томас к Д. Уайт. 26 октября 1927 г.; Ф. Тримтон к У. Томасу. 6 июля 1927 г. AFSC FSR, 1927.

8. «ОСОБЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ» РЕАКЦИЯ РУССКИХ ЛЮДЕЙ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КВАКЕРОВ В 1921–1927 гг.

¹ См. обращение Нансена о помощи голодающим от 3 апреля 1919 г., ответ Союзников от 17 апреля 1919 г. и ответ Советской России от 7 мая 1919 г. в книге Goldberg H.J. Documents on Soviet-American Relations. Vol.1: Intervention, Famine Relief, International Affairs, 1917–1933. Gulf Breeze, FL, 1993. P. 190–194.

² Goldberg H.J. Documents on Soviet-American Relations. P. 198–200.

³ Отличный анализ подхода советской власти к проблеме голода содержится в работе: Edmondson Ch. M. The Politics of Hunger: the Soviet Response to Famine, 1921 // Soviet Studies. XXIX, No.4. October, 1977. P. 506–518.

⁴ Trott M. The Brief Heyday of an Early Soviet Bureaucrat: Olga Kameneva and Foreign Famine Relief, 1922–1926. Неизданная рукопись, представленная на исторической конференции Грейт лейкс 4 октября 1996 г.

⁵ Ibid. P. 5, 9, 12–13. История взаимоотношений АРА с Каменевым и Дзержинским раскрыта в работах: Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia и мемуарах директора АРА в России У. Хаскелла, находящихся в архиве У. Хаскелла в Институте Гувера. Также см. У. Хаскелл к К. Хертеру, 6 марта 1923 г. О влиянии О. Каменевой см. Wardwell A., Taylor G.R., Burns A.T. The Russian Famines, 1921–22, 1922–23. Summary Report // Commission on Russian Relief of the National Information Bureau. New York, 1923.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 224. 31 декабря 1921 г. Отчет ЧК о деятельности АРА. 27 сентября 1921 г.

- ⁷ Тексты соглашений и информация о переговорах содержатся в переписке между КСАД и Центросоюзом. 28 декабря 1920 г.; также см. переписку А. Хэйнса, А. Хэйнса и А. Уоттса, С. Нуортеси и А. Уоттса, Г. Чичерина и А. Уоттса за период с декабря 1920 г. по май 1921 г. AFSC FSR, 1920, 1921.
- ⁸ Протокол заседания Генерального комитета. 3 мая 1921 г. WARVICREL, FHL-L.
- ⁹ К. Ландер к Норменту. 15 октября 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ¹⁰ Предложение квакеров о сотрудничестве М. Карклину, уполномоченному при иностранных организациях помочи в Самаре. 16 июля 1923 г. AFSC FSR, 1923; Уайлдман к У. Томасу. 7 июня 1923 г.; К. Ландер к Дж. Брэнсон, 19 июня, 1923 г. AFSC FSR, 1923; К. Ландер к Дж. Брэнсон, 27 июня, 1923 г. AFSC FSR, 1923; Декрет ВЦИК РСФСР от 7 сентября 1923 г. ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 548. У. Уайлдман к У. Томасу. 15 сентября 1923 г. Также см. О. Каменева в миссию квакеров. 12 сентября 1923 г. AFSC FSR, 1923. См. Дж. Брэнсон к К. Ландеру. 27 марта 1923 г.; Дневник Э. Вэйла. Запись от 17 июня 1923 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Информация о соглашениях 1924–1926 г. содержится в письме Общества Друзей в Комитет по взаимодействию с иностранными благотворительными организациями. 16 июня 1924 г., сами тексты соглашений в архивах AFSC FSR, 1924, 1925, 1926.
- ¹¹ Соглашение между правительством РСФСР и Обществом Друзей Англии и Америки. 22 октября 1922 г. AFSC FSR, 1922.
- ¹² Р. Фрай. «Второе путешествие в Россию». Запись от 2 мая 1923 г. Архив Р. Фрай. SPC.
- ¹³ Ibid. 5 мая 1923 г.
- ¹⁴ Протокол специального совещания Комитета помощи жертвам войны британских Друзей. FHL-L. Выводы, сделанные во время путешествия в 1923 г. подтвердились в 1924–1925 гг. См. Р. Фрай «Путешествие в Россию». Записи от 24 декабря 1924 г., 9, 10, 15, 21, 22 января 1925 г.
- ¹⁵ Относительно использования тюков из-под одежды см. У. Уайлдман к К. Ландеру. 24 января 1923 г. ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 548; относительно транспортного налога см. Дж. Брэнсон к К. Ландеру. 5 июня 1923 г. ГА РФ. Ф. 1065. Оп. 3. Д. 64(3); о разрешении на ввоз хинина см. Стивенс к Веллеру. 19 февраля 1924 г. ГА РФ. Ф. 1065. Оп. 3. Д. 64(2); также Э. Николсон к Веллеру. 16 апреля 1924 г. о поставках хлопка; Стивенс к Веллеру и Боллс к Веллеру об уменьшении налоговых пошлин. ГА РФ. Ф. 1065. Оп. 3. Д. 1924.
- ¹⁶ Trott M. The Brief Heyday of an Early Soviet Bureaucrat: Olga Kameneva and Foreign Famine Relief. P. 6.

- ¹⁷ Речь О. Каменевой в Берлине. ГА РФ. Ф. 3385. Оп. 1. Д. 17. См. также Н. Мид. Отчет о поездке в Берлин. 17 июля 1917 г. Отделение АРА в Германии по оказанию помощи России. Архив АРА. Университет Стэнфорд, Институт Гувера; Р.Фрай «Путешествие в Россию», интервью с О. Каменевой. Архив Р. Фрай. SPC; письмо О. Каменевой в Наркомат по внутренним делам. ГА РФ. Ф. 3395. Оп.1. Д. 56; Е.К. Боллс к А. Найк. 18 декабря 1924 г. Архив Совета служения Друзей. FHL-L.
- ¹⁸ В своей книге «Голод в России» Майлз Асквит приводит следующие тому причины: 1) американская и английская группы квакеров действовали, как одна международная организация, 2) квакеры в своем большинстве избегали прозелитизма и не вмешивались в политику, 3) преимуществом для квакеров стала длительная история их работы в России, начиная с 1890-х гг.
- ¹⁹ Отчет Флеминга. Март, 1923 г. Российское отделение АРА. Благотворительные организации, квакеры. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ²⁰ У. Уайлдман к У. Томасу. 10 марта 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ²¹ У. Уайлдман к М. Кенуорти. 4 июня 1923 г. AFSC FSR, 1923.
- ²² Дневник Э. Вэйла. Запись от 4 февраля 1923 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ²³ Ibid. Запись от 11 февраля 1923 г.
- ²⁴ Ibid. Запись от 18 мая 1923 г.
- ²⁵ Эти проблемы описаны в переписке: У. Томас к У. Уайлдману. 17 ноября 1922 г. AFSC FSR, 1922; У. Уайлдман к У. Томасу. 10 марта 1923 г. AFSC FSR, 1923; У. Уайлдман к У. Томасу. 1 марта 1923 г. AFSC FSR, 1923; М. Кенуорти к У. Уайлдману. 25 апреля 1923 г. AFSC FSR, 1922-1923.
- ²⁶ См. обращение Помгола Бузулука к квакерам с просьбой продолжить работу. 23 июня 1922 г.; Отчет Пономарева о работе бузулукского Помгола. Май, 1922 г. Бузулукский филиал ГАОО. Ф. 536, Оп. 1; Р. Фрай. «Путешествие в Россию» 1924–1925 г.; Р. Килби к Веллеру, 13 сентября 1923 г. ГА РФ. Ф. 23385. Оп. 1. Д. 55.
- ²⁷ Отчет К. Аменд. Июнь 1923 г. Архив Э. Вэйла. Университет Стэнфорд, Институт Гувера.
- ²⁸ К. Бордерс к У. Томасу. 22 сентября 1923 г. AFSC SEF, 1922.
- ²⁹ К. Бордерс. Дело Классена. Приложение к письму, адресованному У. Томасу. 21 ноября 1923 г. AFSC SEF.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. P.5-6.
- ³³ Ibid.P.8-9.
- ³⁴ См. переписку М. Карклина. ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 22; Отчет Бузулукского уезда за январь 1923 г. ГА РФ. Ф. 1058. Оп.1. Д. 548; Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ³⁵ Н. Бабб к У. Уайлдману. 5 февраля 1923 г. Архивы сотрудников КСАД. 1921–1927.
- ³⁶ Архив Н. Бабб. Университет Стэнфорд, Институт Гувера. Коробка 1.
- ³⁷ О проекте в Умновке см. Л. Эдельман к К. Хиту. 23 февраля 1924 г. FSC RU/1 Friends Service Council Records, FHL-L.
- ³⁸ Э. Николсон к Э. Найк. 21 марта 1924 г. FSC RU 1 FHL-L.
- ³⁹ Э. Николсон к О. Каменевой. 20 марта 1924 г.; О. Каменева к Э. Николсону. 27 марта 1924 г.; Э.Николсон к О. Каменевой. 27 марта 1924 г. ГА РФ. Ф. 3385. Оп. 1.Д. 56. См. также Э. Найк к Э.Николсону. 25 апреля 1924 г. FSC RU 2, FHL-L.
- ⁴⁰ Статьи из газеты «Российская провинция», май 1998 г.
- ⁴¹ Nikitin S. Quakers and the Great Russian Famine. P.5-7.
- ⁴² А. Уордвелл и др. Сводный отчет о работе Совета по благотворительной помощи. Национальное информационное бюро.

9. «ЖИТЬ ПО-КВАКЕРСКИ»
СЛУЖЕНИЕ И ПРИСУТСТВИЕ; НАСЛЕДИЕ И УРОКИ. 1917–1931 гг.

- ¹ Сведения о работе британских квакеров содержатся в архивах Комитета помощи жертвам войны (WARVICREL), 1916–1923 гг., а также в архивах Комитета международного служения Друзей и Совета службы Друзей. Кроме того, эти сведения можно почерпнуть в личных архивах Г.Уэлча и Т.Ригга, и других, хранящихся в Обществе Друзей Лондона (FHL-L) и в архивах Р. Фрай из Мирной коллекции Суортмора, колледж Суортмор.
- ² Черновой вариант обращения Р. Джонса к английским Друзьям. Без даты, 1916 г. RMJ-HC.
- ³ Сведения о работе британских квакеров по оказанию помощи беженцам в 1916 г. см. в главах 1 и 3.
- ⁴ Протокол специального совещания, посвященного духовным аспектам работы, в частности, в условиях русской революции. 5 ноября 1918 г. WARVICREL, 1918, FLH-L.
- ⁵ Цитата Э. Уайт, приведенная в протоколе специального совещания комитетов по делам России и Польши. 4 мая 1919 г. WARVICREL, 1918. FHL-L.
- ⁶ Отчет Г.Уэлча о поездке в Россию. 22 июля – 22 августа 1920 г. Копии находятся в AFSC FSR и WARVICREL. Более подробная информация о впечатлениях Г. Уэлча от поездки в Россию и его видении перспектив работы в России см. Welch G. Excursion to Russia. FHL-L.

- ⁷ А. Уоттс в WARVICREL. 21 июля 1920 г. WARVICREL, FHL-L.
- ⁸ А. Уоттс в WARVICREL. 21 октября 1920 г. WARVICREL, FHL-L.
- ⁹ А. Уоттс к С. Нуортве. 18 октября 1920 г. WARVICREL.
- ¹⁰ Э. Николсон к Э. Найк. 21 марта 1924 г. FSC/RU 1 FSC Record, FHL-L.
- ¹¹ Э. Найк к Э. Николсону. 14 марта 1924 г. FSC/RU 2 FSC Record, FHL-L.
- ¹² Э. Найк к Э. Николсону. 25 апреля 1924 г. FSC/RU 2 FSC Record, FHL-L.
- ¹³ Э. Найк к Э. Николсону. 15 февраля 1924 г. FSC/RU 2 FSC Record, FHL-L; Э. Найк к Е.К. Боллс. 11 июля 1924 г. FSC/RU 2 FSC Record, FHL-L.
- ¹⁴ Э. Найк к Е.К. Боллс. 9 января 1925 г. FSC/RU 2 FSC Record, FHL-L.
- ¹⁵ Е.К. Боллс к Э. Найк. 9 февраля 1925 г. FSC/RU 1 FSC Record, FHL-L.
- ¹⁶ Е.К. Боллс к К. Хиту. 17 апреля 1925 г. FSC/RU 1 FSC Record, FHL-L.
- ¹⁷ См. Е.К. Боллс к К. Хиту. 24 марта 1925 г. относительно прошения Сергея Голицына в Члены Общества Друзей. FSC/RU 1. См. также Е.К. Боллс к К. Хиту. 6 марта 1925 г. FSC/RU 1, FHL-L.
- ¹⁸ См. Э. Найк к Д. Уайт. 2 сентября 1926 г.; «Известия» от 24 августа 1926 г. и личный архив Ш. Эдди. См. также отчет о работе московского центра Д. Уайт в письме к У. Томасу от 2 сентября 1926 г. AFSC-SEF.
- ¹⁹ Heath C. Quaker Embassies. 1917; Heath C. The Quaker Center. London, 1939.
- ²⁰ Heath C. The Quaker Center.
- ²¹ Е.К. Боллс к К. Хиту. 29 апреля 1925 г. FSC/RU 2, FHL-L.
- ²² К. Хит к Д. Уайт. 8 сентября 1925 г. FSC/RU 2, FHL-L.
- ²³ Д. Уайт к Э. Найк. 13 февраля 1930 г. FSC/RU 1, FHL-L.
- ²⁴ Э. Кэдбери «Впечатления о Советской России». Семейный архив Кэдбери. Квакерская коллекция. Университет Хаверфорд.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОПЫТКА ПОНЯТЬ КВАКЕРОВ

- ¹ Power S. A Problem from Hell: America and the Age of Genocide. New York, 2002. P. 503.
- ² Ibid. P. 368.
- ³ Rieff D. A Bed for the Night: Humanitarianism in Crisis. New York, 2002.
- ⁴ Ibid. P. 114.

ИЗБРАННАЯ ХРОНОЛОГИЯ СЛУЖЕНИЯ КВАКЕРОВ В РОССИИ, 1916 – 1931 гг.

1916

- Апрель Четверо британских квакеров прибывают в Санкт-Петербург.
- Август Первая миссия квакеров начинает работать в Бузулуке и Могутово.
- Осень Русская армия терпит многочисленные поражения в войне с Германией, в народе растет недовольство царской властью.
- Декабрь Убийство Распутина в Петрограде подрывает доверие к царской власти.

1917

- Квакеры открывают сиротский приют, несколько больниц и центров помощи беженцам.
- Февраль (Март по новому стилю) Забастовки, манифестации и вооруженные выступления в Петрограде. Николай II отрекается от престола и помещается вместе с семьей под домашний арест.
- Март Сформировано Временное правительство. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов представляют в правительстве революционно-демократические силы.
- Апрель Ленин возвращается в Петроград из-за границы. Принятие декрета «О собраниях и союзах», возвращавшего гражданам свободу слова и вероисповедания. Временное правительство вводит государственную монополию на хлеб.
- Август Святейший правительственный синод упраздняется, восстановление патриаршества.
- Октябрь Шесть американских квакеров присоединяются к работе миссии в Бузулуке.
- Ноябрь Октябрьская революция. Большевики формируют советское правительство. Приняты декреты о мире и о земле.
- Декабрь Учреждается ВЧК.

1918

Январь Первое заседание и распуск Учредительного собрания. Отчет квакеров из Бузулука: «Все спокойно... если не принимать во внимание некоторый произвол... представители большевиков относятся к нам с большим уважением».

Февраль Начало сопротивления большевикам на юге и севере России, а также в Сибири. Церковь отделяется от государства. Вся церковная собственность национализируется. Германия возобновляет войну с Советской Россией, оккупированы морские порты и некоторые области.

Март Подписан Брест-Литовский мирный договор между Германией и Россией. Войска Антанты высаживаются в Мурманске. Большевики переводят столицу из Петрограда в Москву. Квакеры закрывают больницы в Могутово и Андреевке. Вновь вводится обязательная военная служба.

Июнь Теодор Ригг предпринимает путешествие в Москву и Петроград.

Июль Ригг и Эстер Уайт переезжают в Москву, чтобы помочь детским колониям.

Август Эсэры совершают покушение на жизнь Ленина.

Октябрь Работники миссии квакеров покидают Бузулук. Некоторые продолжают работать в России в рамках Американского отделения Красного Креста в Сибири, другие возвращаются на родину в Соединенные Штаты и Великобританию.

1919

Январь Парижская мирная конференция. Переговоры квакеров с правительством США и советской властью.

Март Секретная международная миссия в Советскую Россию во главе с У. Буллиттом.

1920

Июнь А. Уоттс и Г. Уэлч приезжают в Россию с целью изучения перспектив для миссии квакеров.

Ноябрь Анна Хэйнс прибывает в Москву, чтобы помочь Артуру Уоттсу в распределении продовольствия, медицинских принадлежностей и одежды.

1921

Март Принятие новой экономической политики (НЭП). Подавление вооруженного восстания моряков в Кронштадте (Кронштадтского мятежа). Большевики приняли новую экономическую политику, разрешающую частную и международную торговлю.

Август Голод в Поволжье. Анна Хэйнс и другие предпринимают поездку в Самару с целью ознакомления с ситуацией.

Сентябрь Британские квакеры возвращаются в Бузулук и возобновляют работу по обеспечению голодающих продовольствием.

Декабрь В Бузулук приезжают первые американские квакеры.

1922

Апрель Сталин становится генеральным секретарем Коммунистической партии. 33 британских и 14 американских квакеров работают в Самарской губернии.

Май Квакеры обеспечивают продовольствием большую часть жителей Бузулукского уезда.

Октябрь В рамках нового соглашения с советскими властями квакеры ввозят тракторы и закупают лошадей с целью восстановления сельского хозяйства.

Декабрь Основание СССР.

1923

Нэнси Бабб удаётся успешно обрабатывать более 700 гектаров земли и поддерживать работу 44 медицинских пунктов при участии 11 000 местных жителей.

1924

Январь Кончина В.И. Ленина. Квакеры продолжают свои медицинские проекты в Бузулуке, разрабатывается план по открытию школы в селе Умновка.

Июнь Квакеры открывают женскую консультацию в Сорочинском.

- 1926 Завершение строительства больницы Нэнси Бабб в Тоцком. «Левая оппозиция» выступает против Сталина.
- 1927 Нэнси Бабб уезжает из России в Соединенные Штаты.
- 1929 Принят первый пятилетний план. Переход к «сплошной» колLECTивизации.
Юбилей Толстого в Ясной Поляне.
Ужесточение гонений на церковь.
Дорис Уайт остается единственным представителем квакеров в московском центре.
- 1930 Дорис Уайт выезжает на каникулы в Ирландию и не получает разрешения на обратный въезд в Россию.
- 1931 Советские власти отказываются продлить аренду занимаемого квакерами помещения в Москве. Окончание присутствия квакеров в России на долгие годы.

КЛЮЧЕВЫЕ СОТРУДНИКИ И ГОСТИ МИССИИ КВАКЕРОВ В РОССИИ. 1916 – 1931 гг.

Уильям Олбрайт
Кэтрин Аменд
Грейс Арнольд
Нэнси Бабб
А.Е. Бэкхаус
Хинман Бейкер
Ричард Рейнольдс Болл
Е.К. Боллс
Натали Боллс
Маргарет Барбер
Флоренс Бэрроу
Харрисон Бэрроу
Карл Бордерс
Эмили Брэдбери
Нэвилл Брэдбери
Джулия Брэнсон
Е.У. Брукс
Джозеф Берт
Чарльз Бакстон
Эмма Кэдбери
Уильям Кэдбери
Джон Кэчпул
Этель Кристи
Катберт Клэйттон
Чарльз Колз
Том Копеман
Альберт Коттерел
Надя Данилевская
Элис Дэвис
Дороти Детцер
Катберт Дьюкс
Роберт Данн
Луи Эдельманн
Марвин Эдельманн
Доктор Эллиott

Этель Хьюсон в русском наряде, 1922

Амелия Фабержевская
Дора Фокс
Элси Фокс
Тайлер Фокс
Рут Фрай
Хорсли Ганнт
Доктор Элфи Графф
Берта Грейвсон
Миссис Хаден-Гест
Анна Хэйнс
Генри Гамильтон

Т.Д. Хильд
 Карл Хит
 Энни Херкнер
 Эстель Хьюсон
 Корнел Хьюсон
 Нора Хилл
 Вестон Хауленд
 Бейла Херли
 Франк Кэдди
 Мюррей Кенуорти
 Гордон Льюис
 Фредерик Либби
 Уилфрид Литтл
 Мелвилл Маккензи
 Герберт Мэннинг
 Эдит Моррис
 Гомер Моррис
 Эдгар Николсон
 Кэролайн Нормент
 Гертруда Остлер
 Мэри Паттисон
 Пэрри Пол
 Мириэл Пэйн
 Джордж Пирсон
 Мэйбл Филипс
 Кэтрин Прайс
 Марджори Рэкстроу
 Джон Рикман
 Лидия Льюис Рикман
 Теодор Ригг
 Сэр Бенджамин Робертсон
 Эрнест Роунтри
 Елизавета Сараматникова
 Франк Шоу
 Альфред Шмальц
 Джессика Смит
 Гарри Стивенс
 Анна Луиза Стронг
 Роберт Тэтлок
 Маргарет Торп

Уилбур Томас
 Виолетта Тиллард
 Гарри Тимберз
 Ребекка Дженнин Тимберз
 Эдвин Вэйл
 Артур Уоттс
 Франк Уоттс
 Грегори Уэлч
 Энни Уэллс
 Мириам Вест
 Дорис Уайт
 Эстер Уайт
 Филипп Викстед
 Катберт Уикхем
 Уолтер Уайдмен
 Корнелия Янг

Корнел Хьюсон в униформе лётчика, 1922

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии

- Abrams R. H. *Preachers Present Arms: A Study of the War-Time Attitudes and Activities of the Churches and Clergy of the United States, 1914–1918.* New York, 1933.
- Abramovitch R. *The Soviet Revolution, 1917–1939.* New York, 1962.
- Abramson R. *Spanning the Century: the Life of W. Averell Harriman, 1891–1986.* New York, 1992.
- Acheson J. *Young America Looks at Russia.* New York, 1932.
- Addams J. *Peace and Bread in Time of War.* New York, 1922.
- Ahistrom S. *A Religious History of the American People.* New Haven, 1972.
- Alloit S. *John Wilhelm Rowntree, 1860–1905.* York, 1994.
- American-Russian Chamber of Commerce. *Russia: the American Problem.* New York, n.d. [1920].
- Andres E. *The NEP: Its Origin and Goal.* Moscow, 1969.
- Andreyev O. *Cold Spring in Russia.* Ann Arbor, 1978.
- Angell N. *After All: the Autobiography of Norman Angell.* New York, 1952.
- Anweiler O. *The Soviets: the Russian Workers, Peasants and Soldiers Councils, 1905–1921.* New York, 1974.
- Arnold D. *Famine, Social Crisis and Historical Change.* Oxford, 1988.
- Asquith M. *Famine: Quaker Work in Russia, 1921–1923.* London, 1943.
- Atkinson D. *The End of the Russian Land Commune, 1905–1930.* Stanford, 1983.
- Avrich P. *Kronstadt, 1921.* Princeton, 1970.
- Babine A. *A Russian Civil War Diary //Alexis Babine in Saratov, 1917–1922.* Ed. Donald J. Raleigh. Durham, 1988.
- Bacon M.H. *Let This Life Speak: the Legacy of Henry J. Cadbury,* Philadelphia, 1987.
- Bacon M.H. *The Quiet Rebels: the Story of Quakers in America.* Basic Books, 1969.
- Baker R.S. *What Wilson Did at Paris.* Garden City, 1919.

- Ball A. Russia's Last Capitalists: the Nepmen, 1921–1929. Berkeley, 1987.
- Bane S.L., Ralph H.L. Organization of American Relief in Europe, 1918–1919. Stanford, 1943.
- Barbour H., Christopher D., Moger E., Sorel N.C., Van Wagnei A.D., Worrall A. Quaker Cross Currents: Three Hundred Years of Friends in the New York Yearly Meetings. Syracuse University Press, 1995.
- Bauer Y. My Brother's Keeper: A History of the American Jewish Joint Distribution Committee 1929–1939. Philadelphia, 1974.
- Bauer Y. American Jewry and the Holocaust // The American Jewish Joint Distribution Committee, 1939–1945. Detroit, 1981.
- Beatty B. The Red Heart of Russia. New York, 1919.
- Bechhofer C.R. Through Starving Russia: Being the Record of Journey to Moscow and the Volga Provinces in August and September 1921. London, 1921.
- Benjamin P.S. The Philadelphia Quakers in the Industrial Age, 1865–1920. Philadelphia, 1976.
- Benson J. Quaker Pioneers in Russia. London, 1902.
- Berkman A. The Bolshevik Myth: Diary, 1920–1922. New York, 1925.
- Berkman A. Letters from Russian Prisons. New York, 1925.
- Best G.D. The Politics of American Individualism: Herbert Hoover in Transition, 1918–1921. Westport, 1975.
- Bethell N. The Last Secret. New York: Basic Books, 1974.
- Billikopf J., Hexter M.B. Jewish Situation in Eastern Europe including Russia and the Work of the Joint Distribution Committee: Joint Report as Delivered at the National Conference of the United Jewish Campaign and the Joint Distribution Committee. Chicago, 1926.
- Boettke P.J. The Political Economy of Soviet Socialism: the Formative Years, 1918–1928. Boston, 1990.
- Bogen B.D. Born a Jew. New York, 1930.
- Borders K. Village Life Under the Soviets. New York, 1927.
- Bose T.C. American-Soviet Relations, 1921–1933. Calcutta, 1967.
- Brinton A. Then and Now: Quaker Essays: Historical and Contemporary. Philadelphia, 1960.
- Brinton H.H. Byways in Quaker History. Wallingford, 1944.
- Brinton H.H. Friends for Three Hundred Years. New York, 1952.

- British Friends Council. Some Notes on Social Conditions in Soviet Russia. London, 1925.
- Brock P. Freedom from Violence. Toronto, 1991.
- Brock P. Pacifism in the United States from the Colonial Era to the First World War. Princeton, 1908.
- Brock P. The Quaker Peace Testimony, 1660 to 1914. London, 1990.
- Bronner E.B. American Quakers Today. Philadelphia, 1966.
- Bronner E.B. The Other Branch: London Yearly Meeting and the Hicksites, 1827–1912. London, 1975.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War, 1918–1922. Princeton, 1994.
- Brown W.A. The Groping Giant: Revolutionary Russia as Seen by an American Democrat. New Haven, 1920.
- Bullitt O.H. For the President: Personal and Secret Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972.
- Burner D. Herbert Hoover: A Public Life. New York, 1979.
- Byrd R.O. Quaker Ways in Foreign Policy. Toronto, 1960.
- Byrnes R.F. Awakening American Education in the World: the Role of Archibald Cary Coolidge, 1866–1924. South Bend, 1982.
- Carr E.H. The Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. London, 1971.
- Carr E.H. Socialism in One Country. London, 1964.
- Carter P.A. The Decline and Revival of the Social Gospel: Social and Political Liberalism in American Protestant Churches, 1920–1940. Ithaca, 1956.
- Carter P.A. The Spiritual Crisis of the Gilded Age. DeKalb: Northern Illinois Press, 1971.
- Carroll E.M. Soviet Communism and Western Opinion, 1919–1921. Chapel Hill, 1965.
- Cauthen K. The Impact of American Religious Liberalism. New York, 1962.
- Chaiainov A.V. The Theory of Peasant Economy, ed. Daniel Thommer. Homewood, 1966.
- Chamberlin W.H. Soviet Russia: a Living Record and a History. Boston, 1930.
- Chambers C.A. Seedtime of Reform: American Social Service and Social Action, 1918–1933. Minneapolis, 1963.

- Chatfield E.C. *For Peace and Justice: Pacifism in America, 1914–1941*. Knoxville, 1971.
- Child R.W. *Potential Russia*. New York, 1916.
- Craig R.H. *Religion and Radical Politics: an Alternative Christian Tradition in the United States*. Philadelphia, 1992.
- Curtiss J.S. *The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950*. Boston, 1953.
- Curtis S. *A Consuming Faith: the Social Gospel and Modern American Culture*. Baltimore, 1991.
- Danilov V.P. *Rural Russia under the New Regime*. London, 1988.
- Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge, 1994.
- Davis D.B. *Revolutions: Reflections on American Equality and Foreign Liberations*. Cambridge, 1990.
- DeBenedetti C. *Origins of the Modern American Peace Movement, 1915–1929*.
- DeBenedetti C. *The Peace Reform in American History*. Bloomington, 1980.
- Degras J. *Soviet Documents in Foreign Policy*, vol. 1, 1917–1924. London, 1951.
- Dennis A.P., High S., Maurice Hindus, and Anna Louise Strong. *Russia in Transition: An American Symposium*. New York, 1925.
- Detzei D. *Appointment on the Hill*. New York, 1948.
- Dewey J. *Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World*. New York, 1932.
- Doak F.R. *Mary Mendenhall Hobbs*. Greensboro, 1955.
- Dorn J.H. *Washington Gladden: Prophet of the Social Gospel*. Columbus, 1966.
- Dubie A., Golder F.A. *An Adventure of a Historian in Quest of Russian History*. Boulder, 1989.
- Dukes P. *Red Dusk and the Morrow*. New York, 1922.
- Dunn S.P. and Ethel Dunn. *The Peasants of Central Russia*. New York, 1967.
- Duranty W. *I Write as I Please*. New York, 1935.
- Duranty W. *Russia Reported*. London, 1934.
- Dyck H.A. *Mennonite in Russia: the Diaries of Jacob P. Epp, 1851–1880*. Toronto, 1991.
- Dyck J.P. ed. *Troubles and Triumphs, 1914–1924: Excerpts from the Diary of Peter J. Dyck*. Manitoba, 1981.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Eddy S. *Eighty Adventurous Years: An Autobiography*. New York, 1955.
- Eddy S. *The Kingdom of God and the American Dream: the Religious and Secular Ideals of American History*. New York, 1941.
- Eddy S.A. *Pilgrimage of Ideas, or The Reeducation of Sherwood Eddy*. New York, 1934.
- Eddy S. *Russia's Challenge*. 1927.
- Eddy S. *Russia Today*. 1930.
- Ellis E. *Frank B. Kellogg and American Foreign Policy, 1925–1939*.
- Figes O. *Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution, 1917–1921*. Oxford, 1989.
- Figes O. *A Peoples Tragedy: the Russian Revolution, 1891–1924*. New York, 1998.
- Filene P.G. *Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933*. Cambridge, 1967.
- Finkestein L. *American Spiritual Autobiographies*. New York, 1948.
- Fischer L. *Men and Politics: an Autobiography*. New York, 1941.
- Fisher H.H. *The Famine in Soviet Russia, 1919–1923: The Operations of the American Relief Administration*. New York, 1927.
- Fitzpatrick S. et al. *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Bloomington, 1991.
- Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994.
- Fodor A. *A Quest for a Nonviolent Russia: the Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov*. University Press of America, 1992.
- Fodor A. *Tolstoy and the Russians*. Ann Arbor, 1984.
- Foner P.S. *Impact of the Bolshevik Revolution on American Radicals, Liberals, and Labor*. New York, 1967.
- Forbes J. *Friends and Russian Relief, 1917–1927*. Philadelphia, 1952.
- Forcey C.B. *The Crossroads of Liberalism; Croly, Weyl, Lippmann, and the Progressive Era, 1900–1923*. New York, 1961.
- Forcey C.B. *Forty Years for Peace: a History of the Fellowship of Reconciliation, 1914–1954*. New York, 1954.
- Fosdick H.E. *The Living of These Days*. New York: Harper and Brothers, 1956.
- Fosdick H.E. *Rufus Jones Speaks to Our Time; An Anthology*. New York, 1951.

- Fox R. *Storming Heaven*. New York: Harcourt Brace, 1928.
- Freeze G. *The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis Reform, Counterreform*. Princeton, 1983.
- Frith F. William Pollard, William Edward Turner. *A Reasonable Faith: Short Essays for the Times*. London, 1884.
- Fry A.R. *A Quaker Adventure; the Story of Nine Years' Relief and Reconstruction*. New York, 1927.
- Fry A.R. *Three Visits to Russia, 1922–1925*. London, 1942.
- Gardner V. «Friend and Lover:» the Life of Louise Bryant. New York, 1982.
- Gelfand L.E. Herbert Hoover. *The Great War and Its Aftermath, 1914–1923*. Iowa City, 1979.
- Gidney J.B. *Witness to Revolution: Letters from Russia, 1916–1919*, by Edward T. Heald. Kent, Ohio, 1972.
- Gill G.J. *Peasants and Government in the Russian Revolution*. London, 1979.
- Glad B. Charles Evans Hughes and the Illusions of Innocence: a Study in American Diplomatic History. Urbana, 1966.
- Golder F., Harper S., Petrunkevich A. *The Russian Revolution*. Cambridge, 1918.
- Golder F., Hutchinson L. *On the Trail of the Russian Famine*. Stanford, 1927.
- Golder F. *War, Revolution and Peace in Russia: the Passages of Frank Golder, 1914–1927*. Stanford, 1992.
- Goldman E. *My Disillusionment in Russia*. London, 1924.
- Goldman E. *My Further Disillusionment with Russia*. Garden City, 1925.
- Gorer G. and Rickman J. *The People of Great Russia: A Psychological Study*. London, 1945.
- Gorrell D.K. *The Age of Social Responsibility: The Social Gospel in the Progressive Era, 1900–1920*. Macon, 1988.
- Gote Yu. V. *Time of Troubles: the Diary of Yurii Vladimirovich Gote, Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922*. Princeton, 1988.
- Greenwood J.O. *Quaker Encounters: Friends and Relief*. New York, 1975.
- Gregg J.P. *General Report of the American Relief Administration, Saratov, 1921–23 // U.S. Government, ARA*. 1923.
- Golkin A. *Famine: a Heritage of Hunger: a Guide to the Issues and References*. Claremont, 1987.

- Grubb E. *The Evangelical Movement and its Impact on the Society of Friends*. Leominster, 1924.
- Haines A. *Health Work in Soviet Russia*. New York, 1928.
- Hall W.H. *Quaker International Work in Europe Since 1914*. Chambéry, 1938.
- Hamilton H.W. *The Aftermath of War: Experiences of a Quaker Relief Worker on the Polish-Russian Border, 1923–1924*. Dayton, 1982.
- Hamm T.D. *The Transformation of American Quakerism: Orthodox Friends, 1800–1907*. Bloomington, 1988.
- Handy R.T. *A History of the Churches in the United States and Canada*. New York, 1976.
- Handy R.T. *The Social Gospel in America, 1870–1920*. New York, 1966.
- Harper P.V. *The Russia I Believe In: Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941*. Chicago, 1945.
- Harper S.N. *Civic Training in Soviet Russia*. Chicago, 1927.
- Harper S.N. *The Hardships of Our Co-Religionists in the German Volga Colonies*. Pokrovsk, 1921.
- Harriman W.A. *America and Russia in a Changing World*. New York, 1971.
- Harrison M.E. *Marooned in Moscow: The Story of an American Woman Imprisoned in Russia*. New York, 1921.
- Harrison M.E. *Unfinished Tales from a Russian Prison*. New York, 1923.
- Hibben P. *Reconstruction in Russia: an Address before the Forum of the Community Church of New York City, Easter Sunday, 1925*. New York, 1925.
- Hiebert P.C., Miller O. *Feeding the Hungry: Russia's Famine, 1919–1925*. Scottsdale, 1929.
- Hindus M. *Broken Earth*. New York, 1926.
- Hindus M. *Humanity Uprooted*. New York, 1929.
- Hindus M. *Red Bread*. New York, 1931.
- Hinshaw D. *Rufus Jones: Master Quaker*. New York, 1951.
- Hirst M.F. *The Quakers in Peace and War*. London, 1923.
- Hopkins C.H. *The Rise of the Social Gospel in American Protestantism, 1865–1915*. New Haven, 1940.
- Hopkins C.H. *The Social Gospel: Religion and Reform in Changing America*. Philadelphia, 1976.

- Hocking E. and the Committee of Appraisal. *Rethinking Missions: a Laymen's Inquiry after One Hundred Years*. New York, 1932.
- Holder C.F. *Quakers in Great Britain and America: the Religious and Political History of the Society of Friends from 17th to 20th Century*. New York, 1913.
- Hole A.D. *The Place of the Quaker Message in Modern Life*. Richmond, Indiana: Central Book and Tract Committee, 1909.
- Holmes J.H. *I Speak for Myself*. New York, 1959.
- Hoover H. *The Memoirs of Herbert Hoover: the Cabinet and the Presidency, 1920–1933*. New York: Macmillan, 1952.
- Howe H.B. *Yorkshire to Westchester, A Chronicle of the Wood Family*. Rutland, Vermont, 1948.
- Hullinger E.W. *The Reforging of Russia*. New York, 1925.
- Hutchinson W.R. *The Modernist Impulse in American Protestantism*. Cambridge, 1976.
- Ingersoll, Jean M. *Famine in Russia, 1921–22, Famine in Bechuanaland, 1965*. New York, 1965.
- Ingle, H.L. *Quakers in Conflict: The Hicksite Reformation*. Knoxville, 1986.
- Irwin W. *Herbert Hoover: a Reminiscent Biography*. New York, 1928.
- Isichei E. *Victorian Quakers*. Oxford: Clarendon, 1970.
- Jackson W.M. *The Higher Criticism and the Relation of Its Result to Quakerism*. Philadelphia, 1895.
- Jay A. *Autobiography of Allen Jay, Born 1831 Died 1910*. Philadelphia, 1910.
- Johnson D. *The Challenge to American Freedom: World War I and the Rise of the ACLU*. Lexington, 1963.
- Johnson R.D. *The Peace Progressives and American Foreign Relations*. Cambridge and London, 1995.
- Jonas G. *On Doing Good*. New York, 1971.
- Jones L. *Quakers in Action: Recent Humanitarian and Reform Activities of American Quakers*. New York, 1929.
- Jones L.T. *The Quakers of Iowa*. Iowa City: Clio, 1914.
- Jones M.H. *Rufus M. Jones*. London, 1955.
- Jones M.H. *Swords into Ploughshares: An Account of the American Friends Service Committee, 1917–1937*. New York, 1937.
- Jones M.H. (ed.) *Thou Dost Open Up My Life: Selections from the Rufus Jones Collection*. Wallingford, 1963.

- Jones R. *American Friends in France, 1917–1919*. New York, 1943.
- Jones R. *The Boy Jesus and His Companions*. New York, 1922.
- Jones R. *A Boy's Religion from Memory*. London, 1903.
- Jones R. *A Call to What is Vital*. New York, 1948.
- Jones R. *The Double Search: Studies in Atonement and Prayer*. Philadelphia, 1906.
- Jones R. *A Dynamic Faith*. London, 1901.
- Jones R. *The Eternal Gospel*. New York, 1938.
- Jones R. *Finding the Trail of Life*. New York, 1926.
- Jones R. *The Later Periods of Quakerism*. London, 1921. 2 vols. 1931.
- Jones R. *Practical Christianity*. Philadelphia, 1899.
- Jones R. *Quakerism: a Spiritual Movement*. Philadelphia, 1963, 1935.
- Jones R. *Rethinking Religious Liberalism*. Boston, 1920.
- Jones R. *A Service of Love in Wartime*. New York, 1920.
- Jones R. *A Small Town Boy*. New York, 1941.
- Jones R. *Social Law in the Spiritual World*. Philadelphia, 1904.
- Jones R. *The Trail of Life in College*. New York, 1929.
- Jones R. *The Trail of Life in the Middle Years*. New York, 1934.
- Jones S. *Russia in Revolution: Being the Experience of an Englishman in Petrograd during the Upheaval*. London, 1917.
- Jones T.C. *Thomas Kelly As I Remember Him*. Wallingford, 1989.
- Josephson H. *James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America*. Rutherford, 1975.
- Kahoe W. (ed.) *Clarence Pickett: A Memoir*. 1966.
- Keep J.L.H. *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*. London, 1976.
- Kelly R.M. *Thomas Kelly: A Biography*. New York, 1966.
- Kenez P. *Civil War in South Russia, 1918: the First Year of the Volunteer Army*. Berkeley and Los Angeles, 1971.
- Kenez P. *Civil War in South Russia, 1919–1920: the Defeat of the Whites*. Berkeley and Los Angeles, 1977.
- Kennedy T.C. *British Quakerism, 1860–1920: The Transformation of a Religious Community*. Oxford, 2001.
- Kenworthy L.S. (ed.) *Living in the Light: Some Quaker Pioneers of the Twentieth Century*. Kennett, 1984.
- Kerensky A. *The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution*. New York, 1927.

- Kingston-Mann E., Mixter T., eds., Peasant Economic Culture and Politics of European Russia, 1800–1921. Princeton, 1991.
- Kingston-Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. Oxford, 1985.
- Klippenstein L. Mennonite Pacifism and State Service in Russia: a Case Study of Church-State Relation, 1789–1939. University of Minnesota, 1939.
- Koch E.C. The Volga Germans in Russia and the Americas from 1763 to the Present. Philadelphia, 1977.
- Kuklick B. The Rise of American Philosophy. Cambridge, MA, 1860–1930. New Haven, 1977.
- Lamont C., Lamont M. Russia Day by Day: A Travel Diary. New York, 1933.
- Lamont T.W. Across World Frontiers. New York, 1951.
- Lasch C. American Liberals and the Russian Revolution. New York, 1962.
- League of Nations. Records of the Second Assembly. Geneva, 1921.
- League of Nations. Report on Economic Conditions in Russia with Special Reference to the Famine of 1921–1922 and the State of Agriculture. Ser. 2, No. 6. Geneva 1922.
- Leavitt M.A. The JDC Story: Highlights of JDC Activities, 1914–1952. New York, 1953.
- Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police, 1917–1922. Oxford, 1981.
- Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London, 1968.
- Liggett W. The Rise of Herbert Hoover. New York, 1932.
- Link E.P. Labor-Religion Prophet: The Life and Times of Harry F. Ward. Boulder, 1984.
- Long J.W. From Privileged to Dispossessed: the Volga Germans, 1860–1917. Lincoln, 1988.
- Longshore T.E. The Higher Criticism in Theology and Religion Contrasted with Ancient Myth and Miracles as Factors in Human Evolution, and Other Essays on Reform. New York, 1892.
- Lord R. Some Problems of the Peace Conference. Cambridge, 1922.
- Lyons E. Herbert Hoover: A Biography. Garden City, 1947.
- Lyons E. Our Unknown Ex-President. Garden City, 1948.
- Mackenzie E.A. Russia before Dawn. London, 1923.

- Male D.J. Russian Peasant Organization before Collectivization. Cambridge, 1971.
- Malle S. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921 Cambridge, 1985.
- Maude A. The Life of Tolstoy: The Later Years. New York, 1910.
- May H.F. The Protestant Churches and Industrial America. New York, 1949.
- McCullagh F. The Bolshevik Persecution of Christianity. London, 1927.
- McElroy R.W. Morality and American Foreign Policy: the Role of Ethics in International Affairs. Princeton, 1992.
- Melgounov S.P. The Red Terror in Russia. London, 1926.
- Millar J.R. (ed.) The Soviet Rural Community. Urbana, 1971.
- Moore R. L. Religious Outsiders and the Making of America. New York, 1986.
- Murray R.K. Red Scare: a Study in National Hysteria, 1919–1920. Minneapolis, 1955.
- Nansen, F. La Famine en Russie: Conference Faite par le Dr. Nansen. Paris, 1922.
- Nash G.B. The Life of Herbert Hoover: the Engineer, 1874–1914. New York, 1983.
- Nash G.B. The Life of Herbert Hoover: the Humanitarian, 1914–1917. New York, 1988.
- Nash G.B. The Life of Herbert Hoover: Master of Emergencies. 1917–1918. New York, 1996.
- Nearing S. Education in Soviet Russia. New York, 1927.
- Nearing S. Glimpses of the Soviet Republic. New York, 1926.
- Noble D. The Paradox of Progressive Thought. Minneapolis, 1958.
- Noble D. The Progressive Mind, 1890–1917. Minneapolis, 1981.
- O'Neill W.L. The Last Romantic: A Life of Max Eastman. New York, 1978.
- Orr E.P. Quakers in Peace and War, 1920–1967. Sussex, 1974.
- Osborne B.L. The Malone Story: the Dream of Two Quaker Young People. Canton, 1970.
- Parks J.D. Culture, Conflict, and Coexistence: American-Soviet Cultural Relations, 1917–1958. Jefferson, 1983.
- Payne M. Plague, Pestilence, and Famine. London, 1923.
- Pearson D. The Summer of the Barshinskeys. New York, 1984.

- Perrini C. *Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916–1923*. Pittsburgh, 1969.
- Perry R.B. *Thought and Character of William James*. Cambridge, 1948.
- Peterson H.C., Gilbert C.F. *Opponents of War, 1917–1918*. Madison, 1957.
- Pethybridge R. *One Step Backwards, Two Steps Forward: Soviet Society and Policy in the New Economic Policy*. Oxford, 1990.
- Phillips W. *Ventures in Diplomacy*. Boston, 1952.
- Pickett C. *For More than Bread*. Boston, 1953.
- Poole E. «The Dark People»: *Russia's Crisis*. New York, 1918.
- Poole E. *The Village: Russian Impressions*. New York, 1919.
- Porter A. *A Moscow Diary*. Chicago, 1926.
- Power S. *A Problem from Hell; America and the Age of Genocide*. New York, 2002.
- Preston W. *Aliens and Dissenters: Federal Suppression of Radicals 1903–1933*. Cambridge, 1963.
- Pusey M.J. *Charles Evans Hughes*. New York: Macmillan, 1951.
- Pusey M.J. *Quakers around the World*. London, 1994.
- Radkey O.H. *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries*. New York, 1958.
- Radkey O.H. *The Sickle under the Hammer: Russian Social Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. New York, 1973.
- Radkey O. *The Unknown Civil War in South Russia: a Study of the Green Movement in the Tambov Region, 1920–1921*. Stanford, 1976.
- Raleigh D. *Revolution on the Volga*. Ithaca, 1986.
- Ransome A. *Russia in 1919*. New York, 1919.
- Rhodes B.D. *James P. Goodrich: Indiana's Governor Strangelove*. Selinsgrove, 1996.
- Riasanovsky N.V. *Russia and the West in the Teachings of the Slavophiles: a Study of Romantic Ideology*. Cambridge, MA, 1952.
- Rickman J. *An Eye Witness from Russia*. London, 1919.
- Rieff D. *A Bed for the Night, Humanitarianism in Crisis*. New York, 2002.
- Roberts A.O. *The Association of Evangelical Friends*. Newberg, 1975.

- Roberts N.L. *American Peace Writers, Editors, and Periodicals: a Dictionary*. Westport, 1991.
- Robinson J. *Abraham Went Out: a Biography of A.J. Muste*. Philadelphia, 1981.
- Robbins R.G. *Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis*. New York, 1975.
- Rosenberg J.N. *On the Steppes: a Russian Diary*. New York, 1927.
- Ross D. *The Origins of American Social Science*. Cambridge, 1991.
- Ross E.A. *The Russian Soviet Republic*. New York and London, 1923.
- Rowntree J.W. *Essays and Addresses*. London: Headley Brothers, 1905.
- Russell E. *The History of Quakerism*. New York, 1912.
- Russell E. *Jesus of Nazareth in the Light of Today*. Philadelphia, 1909.
- Russell E. *Quaker: An Autobiography*. Jackson, 1956.
- Russell F. *The Shadow of Blooming Grove: Warren G. Harding in His Times*. New York, 1968.
- Russian Relief: Hearings before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, 67th Congress Second Session, on HR 9459 and HR 9548 for the Relief of the Distressed People of Russia. December 13 and 14, 1921. (Washington, 1921).
- Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven, 1976.
- Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1985.
- Scott R. *Quakers in Russia*. London, 1964.
- Selleck G. *Quakers in Boston*. Boston: Friends Meeting at Cambridge, 1976.
- Semashko N.A. *Health Protection in the USSR*. London, 1925.
- Sen A. *Poverty and Famines; an Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford, 1981.
- Shanin T. *The Awkward Class*. Oxford, 1972.
- Sharp E. *In the Volga Valley*. London, 1922.
- Siegel K.A.S. *Loans and Legitimacy: The Evolution of Soviet American Relations, 1919–1933*. Lexington, 1996.
- Siegelbaum L. *Soviet State and Society Between the Revolutions, 1918–1929*. Cambridge, 1992.
- Smith J. *Women in Soviet Russia*. New York, 1928.
- Smith R.E.F. *Bread and Salt: a Social and Economic History of Food and Drink in Russia*. Cambridge, 1984.

- Smith R.N. *An Uncommon Man: The Triumph of Herbert Hoover.* High Plains Publishing, 1984.
- Solomon S.G., Hutchinson J.F. *Health and Society in Revolutionary Russia.* Bloomington, 1990.
- Solomon S.G., Hutchinson J.F. *Some Notes on Social Conditions in Soviet Russia.* London, 1925.
- Sorokin P. *Russia and the United States.* New York, 1944.
- Steinberg M. (ed.) *Maxim Gorky, Untimely Thoughts.* New Haven, 1995.
- Stevens W.B. *Europe's Great Calamity: The Russian Famine – an Appeal for the Russian Peasant.* London, 1922.
- Stevens W.B. *Through Famine-Stricken Russia.* London, 1892.
- Strauss L. *Men and Decisions.* New York, 1962.
- Strong A.L. *I Change Worlds.* New York, 1937.
- Strong T. *Right in Her Soul: the Life of Anna Louise Strong.* New York, 1983.
- Surface F.M., Bland R.L. *American Food in the World War and Reconstruction Period.* Stanford, 1931.
- Swan J. *The Lost Children: A Russian Odyssey.* Carlisle, 1989.
- Szasz F.M. *The Divided Mind of American Protestantism, 1880–1930.* University of Alabama Press, 1982.
- Talbert R.J. *Negative Intelligence: The Army and The American Left, 1917–1941.* Jackson, 1991.
- Taniuchi Y. *The Village Gathering in Russia in the mid-1920s.* Birmingham, 1968.
- The Mennonites in Russia, 1917–1930. Selected Documents* Winnipeg, 1975.
- Thomas E. *Quaker Adventures.* New York, 1928.
- Thompson D. *The New Russia.* New York, 1928.
- Thompson J.M. *Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace.* Princeton, 1966.
- Toews J.B. *Czars, Soviets, and Mennonites.* Newton, 1982.
- Toews J.B. *Lost Fatherland: Mennonite Emigration from Soviet Russia, 1921–1927.* Scottsdale, 1967.
- Tolstoi L.N. *My Religion.* New York, 1885.
- Tolstoy A. *I Worked for the Soviet.* New Haven, 1934.
- Tolstoy A. *Tolstoy: A Life of My Father.* New York, 1953.
- Tolstoy A. *Out of the Past.* New York, 1981.

- Trueblood E. *The People Called Quakers.* Harper and Row, 1966.
- United States Congress, House of Representatives. *Russian Relief: Hearings before the Committee on Foreign Affairs on HR 9459 and HR 9548, 67th Congress, Second Session 1921.*
- United States Department of State. *Russia: The Volga River and the Caspian Sea: Confidential Report.* Washington D.C., 1919.
- Villard O.G. *Fighting Years: Memoirs of a Liberal Editor.* New York, 1939.
- Vining E.G. *Friend of Life: the Biography of Rufus M. Jones.* London: Michael Joseph, 1958.
- Viola L. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* Oxford, 1996.
- Walicki A. *The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists.* South Bend, 1988.
- Weeks Ch. *An American Naval Diplomat in Revolutionary Russia.* Annapolis, 1993.
- Weisbrod M. *Some Form of Peace.* New York, 1968.
- Weissman B.M. *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923.* Stanford, 1974.
- Wicksteed, A. *Life Under The Soviets.* London, 1928.
- White C. *Russia and America: the Roots of Economic Divergence.* London, 1987.
- White D. *Ten Years in Soviet Russia.* London, 1933.
- White R.C., Hopkins C.H. (eds.) *The Social Gospel: Religion and Reform in Changing America.* Philadelphia, 1976.
- White S. *The Bolshevik Poster.* New Haven, 1988.
- White S. *The Origins of Detente: Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922.* Cambridge, 1985.
- Wiebe R.H. *The Search for Order, 1877–1920.* New York, 1967.
- Wilson F.M. *In the Margins of Chaos: Recollections of Relief Work.* New York, 1945.
- Wilson J.H. *Herbert Hoover: Forgotten Progressive.* New York, 1975.
- Wood J. *The Distinguishing Doctrines of the Society of Friends.* New York, 1898.
- Wortman R. *The Crisis of Russian Populism.* Cambridge, 1967.
- Wrezin M. *Oswald Garrison Villard: Pacifist at War.* Bloomington, 1965.

- Yarrow C. Quaker Experience in International Conciliation. New Haven, 1978.
- Yoder J. H. Nevertheless: Varieties of Religious Pacifism. Scottsdale, 1971.
- Zelie J.S. The Russian Relief Work of the Federal Council of Churches. New York, 1922.
- Каменева О.Д. Как пролетарии всех стран помогают голодающим в России. Москва, 1923.
- Рогинский А.Б. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-е – 1930-е годы. Москва, 1989.
- Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. Москва, 1989.

Статьи и периодические издания

- Allen R.H. Report of the Work of the ARA in Samara // ARA Bound Documents VI: 528. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace.
- ARA Bulletin, SER 2, 5 VOLS. New York, 1921–26. Hoover Institute Archives, Stanford.
- Barbour H., Berkel M. Liberals, Mystics, and Rufus Jones // Quaker Crosscurrents. Syracuse University Press. 1995. P. 222-226.
- Barbour H., Hamm T.D. James Wood and the Five Years Meeting // Quaker Crosscurrents. Syracuse University Press. 1995. P. 210-214.
- Bassuk D.E. Rufus Jones and Mysticism // Quaker Religious Thought 7/4 Summer, 1978.
- Beeukwes H. American Medical and Sanitary Relief in the Russian Famine, 1921–23 // ARA Bulletin 45. April. 1926.
- Billikopf J. Present Day Russia Conditions as Viewed by an Impartial Observer // Annals of the American Academy of Political and Social Science CXXXII. July. 1927. P. 32-36.
- Berk S. The Democratic Counter-Revolution: Komuch and the Civil War on the Volga // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 7. 1973.
- Bolshakov A. M. The Soviet Countryside, 1917–1924 // The Russian Peasant. London, 1977.
- Bolshakov A. M. Brainin Reaffirms Faith in Russian Colonization // American Hebrew. CXX November 12.1926. P. 35.

- Bolshakov A. M. Bread and Intervention // Freeman III. August 17.1921. P. 533.
- Brinton H.H. Friends for Seventy Five Years // Bulletin of the Friends Historical Association 49. Spring, 1960. P. 13-15.
- Brinton H.H. The Revival Movement in Iowa: a Letter from Joel Bean to Rufus M. Jones // Bulletin of the Friends Historical Association 50. Fall 1961. P. 102-110.
- Brock P. Vasya Bozdynakov's Dukhobor Narrative // Slavonic and East European Review 43. No 100. December, 1964. No 101. June. 1965.
- Brooks J. The Press and its Messages: Images of America in the 1920s and 1930s // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture, ed. Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch and Richard Stites. Bloomington.1991.
- Brooks S. Russian Railroads in the National Crisis // ARA Bulletin. Ser 2. No 42. November. 1923. P. 1-91.
- Browne L. Around the World with a Portable // American Hebrew. CXX. November 26. 1926. P. 79, 84.
- Cadbury H. His Very Name Rufus was Congenially Unusual // Haverford College Horizons. V 4. No 2. December. 1962.
- Cantor M. The Radical Confrontation with Foreign Policy: War and Revolution, 1914–1920 // Dissent: Explorations in the History of American Radicalism. DeKalb, 1968.
- Carter J.R. The Quaker International Centre in Berlin, 1920–1942 // Journal of Friends Historical Society 56. No. 1. 1990. P. 15-31.
- Chamberlin W.H. Missionaries of American Techniques in Russia // Asia XXXII. July-August, 1932. P. 422-427, 460-463.
- Channon J. Tsarist Landowners after the Revolution: Former Pomeshchiki in Rural Russia During NEP // Soviet Studies 39. No. 4. 1987.
- Cherniavsky M. Old Believers and the New Religion // The Structure of Russian History: Interpretive Essays. New York, 1970. P. 140-188.
- Colton E.T. With the YMCA in Revolutionary Russia // Russian Review 14. April. 1955. P. 128-139.
- Davis D.E., Trani E.P. The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review 33. September, 1974. P. 469-491.
- Davis J. The System of Government in Soviet Russia // Current History XXVII. December, 1927. P. 382.

- DeBenedetti C. Alternative Strategies in the American Peace Movement in the 1920s // *Peace Movements in America*. New York, 1973.
- Dorn J. The Social Gospel and Socialism: a Comparison of the Thought of Frances Greenwood Peabody, Washington Gladden and Walter Rauschenbusch // *Church History* 62. March, 1993. P. 82-100.
- Edelhertz B. The Russian Oasis // *American Hebrew* CSSII. March 30, 1928. P. 722 -732.
- Edmondson C.M. The Politics of Hunger: the Soviet Response to Famine, 1921 // *Soviet Studies* 29. October, 1977.
- Edmondson C.M. An Inquiry into the Termination of Soviet Famine Relief Programs and the Renewal of Grain Export, 1922-23 // *Soviet Studies* 33. July, 1981.
- Ellington J.R. Report on Senator Brookhart's Visit to Russia // ARA Bound Documents III. P. 516-553. Stanford: Hoover Institution on War Revolution and Peace.
- Endy M.B. The Interpretation of Quakerism: Rufus Jones and His Critics // *Quaker History*. Spring, 1981. P. 21.
- Evans G. The Accursed Problem: Communists and Peasants // *Peasant Studies* 15, 1988. P. 73-102.
- Figes O. Collective Farming and the 19th Century Russian Land Commune, a Research Note // *Soviet Studies*, 38. No.1. 1986.
- Figes O. The Village and Volost Soviet Elections of 1919 // *Soviet Studies* 40. No.1. 1988.
- Fisher H. Frank Alfred Golder // *The Journal of Modern History* 14. June, 1929. P. 253-255.
- Frick S. *Journal of the Friends Historical Society*, Vols. 52 and 53, 1970, 1974, 1975.
- Frierson C. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // *Slavic Review* 45, 1986.
- Frost J. W. Our Deeds Carry our Message: the Early History of the American Friends Service Committee // *Quaker History* 81, 1992. P. 3-51.
- Giffen F.C. James Putnam Goodrich and Soviet Russia // *Mid-America* 71. October, 1989. P.153-174.
- Giesinger A. The Volga German Refugees of 1921-1922 // *The Journal of the American Historical Society of Germans from Russia* 5. Fall, 1982.

- Goodrich J.P. The Evolution of Soviet Russia // *International Conciliation*. No. 185. April, 1923. P. 205-235.
- Goodrich J.P. Impressions of the Bolshevik Regime // *Century*. May, 1922. P. 55-65.
- Goodrich J.P. The True Communists of Russia // *Current History*. September, 1922. P. 927-932.
- Gorky M. On the Russian Peasantry // *The Russian Peasant*, 1920 and 1984. London, 1977.
- Gregory P. Grain Marketings and Peasant Consumption in Russia, 1885-1913 // *Explorations in Economic History*. Vol. 17, 1980.
- Gregory P. Russian Living Standards during the Industrialization Era, 1885-1913 // *Review of Income and Wealth*. Vol. 26, 1980.
- Gregory T.T.C. Overthrowing a Red Regime // *World's Work* XLII. June, 1921. P.153-164.
- Gregory T.T.C. Stemming the Red Tide // *World's Work*. April, 1921.
- Haskell W.N. How we Fed the Starving Russians // *Plain Talk*. July, 1948. P.15-19.
- Hindus M. Ford Conquers Russia // *Outlook* CXLVI. June 29, 1927. P. 280-282.
- Hodgson R.H. Memoirs of an Official Agent: Trading with Russia, 1921-23 // *History Today* 4. August, 1954. P. 522-528.
- Hopkins G. The Politics of Food: the United States and Soviet Hungary, March-June, 1919 // *Mid-America* 55, 1973. P. 245-270.
- Jones R.M. The Background and Objectives of Foreign Missions // *Crozer Quarterly*. April, 1933.
- Jones R.M. Christ and Modern Thought // *American Friend*. 10th Month 7, 1897. P. 933.
- Jones R.M. Friends and the Present Hour // *American Friend*. December 16, 1920.
- Jones R.M. History of the American Friend // *American Friend*. July 13, 1944. P. 267.
- Jones R.M. The New Quakerism // *American Friend*. November 3, 1910. P. 695-696.
- Jones R.M. Judaism on the Russian Prairies // *American Hebrew* CXIX. September 3, 1926. P. 451.
- Kagdan A.L. American Jews and the Soviet Experiment: The Agro-Joint Project, 1924-1937 // *Jewish Social Studies* 43:2. Spring, 1981. P.153-164.

- Kahan A. Natural Calamities and their Effect upon the Food Supply in Russia // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 16, 1968. P. 353-377.
- Kasinec E. Alexis V. Babine (1866-1930): a Biographical Note // *Slavic Books and Bookmen: Papers and Essays*. New York, 1984. P. 73-77.
- Kennedy T.C. Fighting about Peace: The No-conscription Fellowship and the British Friends Service Committee, 1915-1919 // *Quaker History* 69/1. Spring, 1980.
- Kennedy T.C. The Quaker Renaissance and the Origins of the Modern British Peace Movement, 1895-1920 // *Albion* 16,3. Fall, 1984. P. 243-272.
- Kennan G.F. Our Aid to Russia: a Forgotten Chapter // *New York Times Magazine*. July 19, 1959.
- Landfield J. The Relief of Starving Russians // *American Review of Reviews*. September, 1921. P. 267-271.
- Libbey J.K. The American-Russian Chamber of Commerce // *Diplomatic History* 9. Summer, 1985. P. 233-248.
- Libby F.J. The Open Mind for Russia // *American Friend* IX. February 17, 1921. P. 132.
- Lih L.T. Bolshevik Razverstka and War Communism // *Slavic Review* 54. 1986.
- Long, J. Agricultural Condition in the German Colonies of Novouzensk District, Samara, 1864-1914 // *Slavonic and East European Review* 57. No 4. 1979.
- Long J.W. The Volga Germans and the Famine of 1921 // *Russian Review* 51. October, 1992. P. 510-525.
- Malone J.W. Russia and Her Retribution // *Soul Winner*. May 18, 1905. P. 277.
- Meyer M. A Different Kind of Internationalism, 1921-1991: the Great Hunger 70 Years Later // *XX Century and Peace*. February, 1991. P. 34-38.
- Miller R.M. The Attitudes of the Major Protestant Churches of America towards War and Peace, 1919-1929 // *The Historian*. 19 November, 1956.
- Mills and Nuelson. The Truth about Soviet Russia: The Bolsheviks and The Churches // *Zion's Herald*. December 20, 1922. P.1610.
- Mills and Nuelson. Mr. Hoover: Feed Russia! // *The Nation*. February 16, 1921. P. 255.

- Mills and Nuelson. Mr. Hoover's Ultimatum to Russia // *World Tomorrow* IV. August, 1921. P. 228-229.
- Murray R.K. Herbert Hoover and the Harding Cabinet // *Herbert Hoover as Secretary of Commerce: Studies in New Era Thought and Practice*. Iowa City, 1981.
- Oliver J. J. Walter Malone: The American Friend and an Evangelical Quaker's Social Agenda // *Quaker History* 80. No. 2. Fall, 1991. P. 63-84.
- Patenaude B.M. Peasants into Russians: the Utopian Essence of War Communism // *Russian Review* 54. October, 1995. P. 552-570.
- Patenaude B.M. The Strange Death of Soviet Communism: the 1921 Version // *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin*. Boulder, 1996.
- Pasvolsky L. The Underlying Economic Factors in the Russian Situation // *Annals AAPSS* 114, 1924. P. 56-61.
- Pethybridge R. W.Railways and Press Communications in Soviet Russia in the early NEP Period // *Soviet Studies* 38. April, 1986. P. 194-206.
- Queen G.S. American Relief in the Russian Famine of 1891 // *Russian Review* 14:2. April, 1955. P. 140-150.
- Radek K. The Famine and the Capitalist World // *Living Age* 31. October 29, 1921. P. 287.
- Raleigh D.J. Revolutionary Politics in Provincial Russia: the Tsaritsyn 'Republic' in 1917 // *Slavic Review* 40. No 2. 1981. P. 194-209.
- Reimer A. Russian Mennonite Nonresistance in World War I and Its Aftermath // *Journal of Mennonite Studies*, 1993. P. 135-148.
- Rhodes B. Governor James P. Goodrich of Indiana and the 'Plain Facts about Russia' // *Indiana Magazine of History* 85. March, 1988. P. 1-30.
- Rickard E., Brown W.L. Successful Accomplishment of ARA Work in Russia // *ARA Bulletin* 27. August, 1922.
- Russell E. The Principle of Progressive Revelation in Scripture // *American Friend*. January 25, 1900. P. 77-79.
- Scott R.C. Authority or Experience: John Wilhelm Rowntree and the Dilemma of 19th Century British Quakerism // *Journal of the Friends Historical Society* XLIX. No. 2. April 1960. P. 75-95.
- Serbyn R. The Famine of 1921-1923: a Model for 1932-1933? // *Famine in Ukraine: 1932-1933*. Edmonton, Canada, 1986.

- Senn A. P.I. Biryukov, A. Tolstoyan in War Revolution and Peace // *The Russian Review* 32. No. 3. July, 1973.
- Simms J.V. Impact of the Russian Famine, 1891–92, Upon the United States // *Mid-America* 60:3. October, 1978. P. 171–184.
- Simms J.V. The Status of Russian Relief // *The Survey* XLIV. June 26, 1920. P. 431.
- Taylor G. The Bolshevism of Professor Ward // *The Survey*. March 29, 1919. P. 921.
- Villard O.G. Russia from a Car Window: V: The Soviets and the Human Being // *The Nation* CXXIX. December 4, 1929. P. 654–657.
- Wacker G. The Holy Spirit and the Spirit of the Age in American Protestantism, 1880–1910 // *Journal of American History* 72. June, 1985. P. 45–62.
- Waters E. The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917–1932 // *Russia's Women: Accommodation, Resistance Transformation*. Berkeley, 1991.
- Watts A.J. The Care of Children in Soviet Russia // *Soviet Russia*. March 5, 1921.
- Weissman B. Herbert Hoover's 'Treaty' with Soviet Russia, August 20, 1921 // *Slavic Review* 28, 1969. P. 276–288.
- Wheatcroft S. Famine and Epidemic Crisis in Russia, 1918–1922: the Case of Saratov // *Annales de Demographie Historique*, 1983. P. 329–351.
- Wilson R.C. We Shall Never Thrive upon Ignorance: J.J. Gurney: the Service of John Wilhelm Rowntree, 1893–1905 // *A Quaker Miscellany* for Edward H. Milligan. Manchester, 1985. P. 155.
- Yakovlev A. The ARA Men and Their Work in a Russian Province, 1921–1922 // *ARA*, 1922.
- Zeiger S. Finding a Cure for War: Women's Politics and the Peace Movement in the 1920s // *Journal of Social History*. Fall, 1990.
- Zelnick R.E. Wie es eigentlich gegessen: Some Curious Thoughts on the Role of Borsch in Russian History // *For Want of a Horse: Choice and Chance in History*. Lexington, 1985.
- Баранченко В.Е. Карл Ландер // *Вопросы истории*. 1971. № 1. С. 200–204.
- Чаянов А.В. Что значит голод для земледелия? // *Помощь*. № 1. 16 августа 1921 г.

Неопубликованные работы

- Barton B. L. *The Fellowship of Reconciliation: Pacifism, Labor, and Social Welfare, 1915–1960*. Ph.D. dissertation, Florida State University, 1974.
- Caffrey A.J. *The Affirmation Mysticism of Rufus Matthew Jones*. DST dissertation, Catholic University of America, 1967.
- Chavez L.E. *Herbert Hoover and Food Relief: an Application of American Ideology*. Ph.D. dissertation, University of Michigan, 1976.
- Claussen M.P. *American-Soviet Relations and the Russian Famine, 1921–1923*. Ph.D. dissertation, George Washington University, 1976.
- Cooper W.A. *Rufus M. Jones and the Contemporary Quaker View of Man*. Ph.D. Dissertation, Vanderbilt University, 1956.
- Dixon W.A. *Revolution, Reconstruction and Peace: Herbert Hoover and European Food Relief, 1918–1919*. MA. Thesis, University of Wisconsin, Madison, 1964.
- Edmondson C.M. *Soviet Famine Relief Measures, 1921–1923*. Ph.D. dissertation, Florida State University, 1970.
- Engerman D.C. *Economic and Cultural Aspects of Early American-Soviet Relations*. M.A. thesis, Rutgers University, 1993.
- Fallows T.S. *Forging the Zemstvo Movement: Liberalism and Radicalism on the Volga, 1890–1905*. Ph.D. dissertation, Harvard 1981.
- Krug P. *Russian Public Physicians and Revolution: the Pirogov Society, 1917–1920*. Ph.D. dissertation, University of Wisconsin, 1979.
- Majid A. *Granville Hicks and the Dilemma of American Radicalism*. Ph.D. dissertation, Syracuse University, 1991.
- Minear M.E. *The Richmond Conference of 1887*. M.A. thesis, Earlham School of Religion, 1984.
- Owen T.C. *Radical and Reactionary Critics of Capitalism in Russia, 1890–1921: Xenophobia and the Russian Revolution*. Paper delivered to the American Association for the Advancement of Slavic Studies, November, 1992.
- Patenaude B.M. *Bolshevism in Retreat: the Transition to the New Economic Policy*. Ph.D. dissertation, Stanford University, 1987.
- Propas F. *The State Department Bureaucratic Politics and Soviet American Relations, 1918–1938*. Ph.D. dissertation, UCLA, 1982.

- St. John, J. John F. Stevens: American Assistance to Russian and Siberian Railroads, 1917–1922. Ph.D. dissertation, University of Oklahoma, 1969.
- Thomas W. The Social Service of Quakerism. Ph.D. dissertation, Boston University, 1914.
- Traini E.P. Herbert Hoover and the Russian Revolution, 1917–1920. Paper presented at the seminar marking the 100th anniversary of the birth of Herbert Hoover, West Branch, Iowa, 1974.
- Trott M. Soviet Medicine and Western Charity 1917–1927. PhD dissertation, University of Virginia, 1994.
- Weissman B.M. The American Relief Administration in Russia, 1921–1923: a Case Study in the Interaction between Opposing Political Systems. Ph.D. dissertation, Columbia University, 1968.

Прочие неопубликованные работы и архивы

- American Friends Service Committee, Foreign Service Records, 1917–1931, AFSC Archives, Philadelphia.
- American Friends Service Committee, Russia Committee Records, 1917–1924. AFSC Archives, Philadelphia.
- American Friends Service Committee, Executive Board Minutes, 1917–1931, AFSC Archives, Philadelphia.
- American Red Cross, Papers, Washington D.C.
- American Relief Administration, Miscellaneous Papers and Documents, Herbert Hoover Presidential Library, West Branch Iowa.
- American Relief Administration, Papers, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University.
- BAEF Papers, Herbert Hoover Presidential Library, West Branch Iowa.
- Babb, Nancy. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University.
- Bean, Joel. Papers. Friends Historical Library, Swarthmore.
- Cadbury, Henry. Papers. Quaker Collection, Haverford College.
- Detzer, Dorothy. Papers. Swarthmore Peace Collection, Swarthmore.
- Evans, Charles. Papers. Quaker Collection, Haverford College.
- Fisher, Harold H. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford University.
- Fleming, Harold M. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford University.

- Galpin, Perry. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford University.
- Colder, Frank A. Papers. Hoover Institution Archives on War Revolution and Peace, Stanford University.
- Goodrich, James P. Papers. Herbert Hoover Presidential Library, West Branch, Iowa.
- Haskell, William N. Papers. Hoover Institution Archives, Stanford.
- Hobbs, Mary Mendenhall. Papers. Hobbs-Mendenhall Papers, Southern Historical Collection, University of North Carolina, Chapel Hill.
- Hobbs, Mary Mendenhall. Papers. Hobbs-Mendenhall Papers. Friends Historical Library, Guilford College.
- Hoover, Herbert. Papers. Herbert Hoover Presidential Library West Branch, Iowa.
- Hutchinson, Lincoln. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford University.
- Hull, Hannah Clothier. Papers. Swarthmore Peace Collection, Swarthmore.
- Jay, Allen. Papers. Friends Historical Library, Guilford College.
- Jay, Allen. Papers. Earlham College.
- Jones, Rufus M. Papers. Quaker Collection, Haverford College.
- Leffingwell, Russell. Papers. Library of Congress.
- New England Yearly Meeting, Minutes. Providence RI.
- Pate, Maurice. Papers. Herbert Hoover Presidential Library, West Branch, Iowa.
- Paul, Perry. Papers. Friends Historical Library, Swarthmore.
- Rhoads, T. Edgar, 1883–1981. Family Papers, 1908–1920. Quaker Relief Worker, Germany. Friends Historical Library, Swarthmore.
- Rhoads, Charles. Papers. Quaker Collection, Haverford College.
- Rockefeller, John D., Jr. Papers. Rockefeller Archives, Tarrytown NY.
- Russell, Elbert. Papers. Earlham College, Richmond, Indiana.
- Smith, Jessica. Papers. Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Stanford University.
- Thomas, Wilbur. Papers. Friends Historical Library, Swarthmore, PA.
- Thomas, Wilbur. Papers. Bowles-Thomas Family Papers, Monterey, MA.

Thomas, Wilbur. Executive Secretary Special File, American Friends Service Committee Archives, Philadelphia.
U.S. Department of Justice, FBI Records. National Archives.
U.S. War Department, Records of the Department of Military Intelligence, 1919–1941, RG 165, National Archives.
Vail, Edwin H. Papers. Hoover Institution on Wai Revolution and Peace Archives, Stanford.
Wardwell, Allen. Papers. New York: Bakhmetev Archive, Columbia University.
Wood, Carolena. Papers. Wood Family Papers, Braewold, Mt. Kisco, NY.
Wood, Hollingsworth. Papers. Quaker Collection. Haverford College.
Wood, James. Papers. Wood Family Papers, Friends Historical Library, Swarthmore.
World Student Christian Federation, Archives, Yale Divinity School.
YMCA Archives, University of Minnesota.

ОБ АВТОРАХ

Дэвид Макфадден преподает историю в университете Фэйрфильд в штате Коннектикут. Сфера его научных интересов – советско-американские отношения в XX в. Он является автором книги («Альтернативные пути: Советская Россия и Америка, 1917 – 1920 гг.»), изданной в Оксфорде в 1993 г. В настоящее время живет в г. Фэйрфильд, штат Коннектикут, США.

Клер Горфинкел – исследователь и редактор, автор книг «Дневник эвакуации Хатсу Эгами» (1995), и «Много еще осталось дел: Рут Чанс и движение Калифорнии за социальные перемены в XX в.» (2003). В настоящее время проживает в г. Альтадена, штат Калифорния, США.

Дэвид Макфадден и Клер Горфинкел в течение многих лет были сотрудниками отделений Комитета служения американских Друзей в Филадельфии, Сан-Франциско и Пасадене.

Сергей Никитин – русский квакер, в прошлом сотрудник Дома Друзей в Москве, инициатор проекта по посещению городов и сел, где квакеры оказывали гуманитарную помощь во время голода 1921–1922 гг.

На обложке – образец вышивки, сделанной русскими крестьянами на ткани мешка из-под американской муки. Хранится в архиве КСАД в Филадельфии, США

Дэвид Макфадден, Клер Горфинкел

**Советская Россия 20-х гг.
глазами Друзей**

Дизайн обложки – *E. Питропова*

Верстка и макет – *H. A. Ткачева*

Подписано в печать 24.08.2010.

Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура NewtonC, BenguiatGothicC, MonotypeCorsiva.

Печать офсетная.

Усл.печ.л.15,69. Тираж 400 экз. Заказ № 100.

ООО «Издательство Ас Гард»

Член Ассоциации книгоиздателей России

443023, г. Самара, ул. Промышленности, 278

Тел./факс (846) 246-97-01, e-mail: as_gard@mail.ru